

СКОТТ В.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ:
СЕНТ-РОНАНСКИЕ ВОДЫ

Собрание сочинений

Вальтер Скотт
Сент-Ронанские воды

«Алгоритм»

1823

УДК 821.111
ББК 84(4Вл)

Скотт В.

Сент-Ронанские воды / В. Скотт — «Алгоритм»,
1823 — (Собрание сочинений)

Вальтер Скотт (1771–1832) – английский поэт, прозаик, историк. По происхождению шотландец. Создатель и мастер жанра исторического романа, в котором он сумел слить воедино большие исторические события и частную жизнь героев. Из-под его пера возникали яркие, живые, многомерные и своеобразные характеры не только реальных исторических, но и вымышленных персонажей. За заслуги перед отечеством в 1820 г. Скотту был дарован титул баронета. Роман «Сент-Ронанские воды», публикуемый в этом томе, примыкает к жанру готического романа. Здесь налицо многие характерные для него сюжетные мотивы: тайна, разделяющая героя и героиню, их погубленная любовь, братья – соперники и в любви и по наследованию титула, трагический исход и гибель героини... Это единственный роман Скотта, написанный о времени, в которое жил сам автор.

УДК 821.111

ББК 84(4Вл)

© Скотт В., 1823

© Алгоритм, 1823

Содержание

Введение	6
Глава I	9
Глава II	17
Глава III	26
Глава IV	32
Глава V	38
Глава VI	46
Глава VII	53
Глава VIII	63
Глава IX	71
Глава X	77
Конец ознакомительного фрагмента.	81
Комментарии	

Вальтер Скотт

Сент-Ронанские воды

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2010

© ООО «РИЦ Литература», состав, комментарии, 2010

© Перевод Е. Лопыревой, Н. Рыковой, наследники, 2010

* * *

*Встарь, говорят, здесь весело бывало;
Не то уж ныне – проклят этот край.*

Вордсворт^[1]

[2]

Введение

В основе предлагаемого читателям романа лежит план, не схожий с планом произведений, уже опубликованных, хотя он представляется нам вполне оправданным для таких литературных произведений.

*Celebrare domestica facta*¹ – вот, выражаясь кратко, задача романа. Автор ставит своей целью дать представление о неустойчивых нравах нашего времени и описывает сцены, подсказанные событиями, которые разыгрываются вокруг нас ежедневно, так что читатель с первого же взгляда может сверить копии с подлинниками. Надо признаться, автор обратился к этому виду романа скорее по той соблазнительной причине, что, позволяя избежать всем надоевших характеров и положений, такой роман представляет для него известную новизну, нежели потому, что сочинитель желал бы соревноваться с многочисленными и грозными соперниками, уже стяжавшими себе заслуженные почести на этом поприще. Своими талантливыми произведениями здесь особенно прославились дамы, по самой женской природе своей наделенные острой наблюдательностью и даром сатирического изображения. Можно было бы составить даже целый список таких сочинительниц, начиная от автора «Эвелины»^[3] и заключая автором «Супружества»^[4]. Туда вошли бы имена столь блестящих и талантливых писательниц, как мисс Эджуорт^[5], мисс Остин^[6], мисс Чарлот Смит^[7], а также еще многих других, чьи успехи способствовали закреплению этого вида романа почти исключительно за женщинами-писательницами. Поэтому автор не без робости принимался за литературный жанр, так удачно разрабатываемый последнее время. Однако это чувство должно было поневоле отступить перед необходимостью искать новизны, без чего могло бы возникнуть опасение, как бы повторные набеги автора в область литературы не наскучили наконец публике, столь долго проявлявшей к нему снисходительность.

Местом действия своей маленькой драмы из современной жизни автор избрал целебный источник; их немало в обеих частях Британии, и в каждом таком месте имеется полная возможность поправлять свое здоровье или вести беззаботную жизнь. Ведь облегчение от недугов больному часто приносят не столько полезные свойства самой минеральной воды, сколько полная перемена уклада его каждодневной жизни. Он отрывается от своего гротеска и счетных книг, от свода судебных постановлений, от актов и купчих крепостей, от конторки и полок с товарами, то есть ото всего, что дома является для него причиной постоянного беспокойства, лишает аппетита, мешает привычным прогулкам, портит пищеварение и вообще подтачивает жизнь. На воды тянется всякий, кто переезжает с места на место в тщетных попытках избавиться от надоевшего ему спутника – самого себя; туда же являются дамы и джентльмены, движимые противоположным стремлением – поскорее зажить вдвоем.

На таких водах – что вполне естественно – общество придерживается гораздо более снисходительных правил, чем те, которыми руководится модный свет или замкнутые аристократические круги столицы. Если претензии на родовитость, знатный титул или богатство соответствуют целям и облику их носителя, они не подвергаются здесь придирчивой проверке, а вызванные самой обстановкой некоторая временная близость и короткость в отношениях не бывают долговечны: как бы далеко эти отношения ни зашли, вовсе не предполагается, что им суждено пережить один сезон. Ни одна дружба не бывает столь пылкой и в конце концов столь преходящей, как дружба, завязанная при знакомстве на водах. Поэтому сочинитель, избравший для своего романа подобное место действия, предпринимает попытку показать такое общество, рассказывая о котором он может живописать самые противоположные нравы и сталкивать проясняющие друг друга забавные характеры с меньшим риском

¹ Прославить события обыденной жизни (лат.).

для правдоподобия, чем если бы он взялся описывать это пестрое сборище в каких-либо других условиях.

К тому же среди завсегдатаев минеральных вод часто встречаются не только смешные, но также опасные и отвратительные характеры. Лишенные нравственных устоев игроки, бессердечные авантюристы и вообще те, кто выискивает себе средства к существованию, потакая порокам и безрассудствам людей богатых и беспутных, те, кто хитростями и кознями умеют довести слабость до преступления, а опрометчивость – до гибельного безумства, – все они непременно оказываются там, где обычно собираются их жертвы: так стервятники слетаются на поле кровавой битвы. Это чрезвычайно облегчает задачу романиста, особенно когда его рассказ доходит до мрачных и печальных эпизодов. Мошенники, шулера и обманщики, привыкшие вести беспутную жизнь на задворках общества и, подобно паразитам, благоденствовать за счет его испорченности, всегда гнездятся там, где они легко и словно невзначай встречают доверчивых людей, которые в другом месте могли бы избежать их тенет. Но, наряду с такими действительно опасными для общества злодеями, в шумной толпе модного курорта – к вящему удовольствию избранного круга и к изумлению и смущению менее искушенной публики – попадают и «эксцентрические личности», как называют их наши журналы. Иногда и в самом деле помутившись рассудком, а чаще всего страдая излишним тщеславием, они стремятся привлечь к себе внимание какой-нибудь странностью в одежде или речи, в обхождении или разговоре, а подчас во всем этом сразу. Их кривлянье, подобно выходкам Дрокенсера^[8], имеет целью доказать, что они никого не боятся, и, следует признать, в таком кривлянье чаще бывают повинны англичане, чем уроженцы двух других частей Соединенного королевства. Причина таится, вероятно, в том, что сознание своего благополучия и гордое чувство независимости, вообще присущее английской нации, у иных ее представителей бывает преувеличено до нелепости или, по меньшей мере, до странности. Напротив, сообразительный ирландец старается согласовать свое поведение с обычаями самого лучшего общества или общества, которое ему кажется таковым, а хитрый шотландец по самому складу своего характера не склонен без нужды привлекать к себе внимание окружающих. Бывают, впрочем, исключения из этого правила, и, вероятно, поэтому на курортах, куда съезжаются богатые бездельники и где каждый разрешает себе поступать так, как ему заблагорассудится, попадают добровольные шуты всех национальностей. Впрочем, столь очевидные соображения едва ли необходимы для того, чтобы оправдать выбор романистом целебного источника в качестве места действия своего вымышленного повествования. Спору нет, держась в границах вероятного, трудно предположить, что где-нибудь еще существует такая смесь разнообразнейших характеров, какие всегда встречаются в толпе у любого целебного источника. Несомненно также, что при соединении вместе людей различного рода могут происходить и часто происходят события, весьма непохожие на события тихой повседневной жизни.

Однако недостаточно ведь, чтобы жила оказалась богатой и легко доступной; надо, чтобы рудокоп, занятый разработкой ее, имел сам, как говорят в горном деле, точное представление о своем «поле» и обладал умением извлечь из него прибыль. В этом отношении автору «Сент-Ронанских вод» не слишком повезло. По укладу своей жизни ему – по крайней мере, в последние годы – не часто случалось оказываться в центре особо важных и шумных событий; не часто посещал он и общество, а только это и вырабатывает в наблюдателе умение «на лету подстрелить любую глупость»^[9]. Потому, вероятно, и получилось, что характеры у него выписаны без той силы и точности, которые даются писателю, лишь когда он близко знаком со своим предметом. Автор все же удовлетворен хотя бы тем, что высказался здесь против карточной игры – воистину дьявольского порока, ибо в нем нет ничего, что служит оправданием для других пороков: игра целиком построена на голом расчете и хладнокровнейшем эгоизме. Характер путешественника, любящего соваться не в свое дело, само-

довольного, раздражительного и «надоедного», как выражаются наши дамы, но при всем том щедрого и доброжелательного, отчасти списан с натуры. Фабула романа вполне современна и после всего сказанного едва ли нуждается в дополнительных разъяснениях, будь то в форме примечаний или в виде более развернутого предисловия.

Следует заметить, что английские критики (правда, не самые влиятельные) не раз нападали на «Сент-Ронанские воды» с превеликим шумом и гамом. Многие из их братии заявляли, что автор исчерпал себя, или, применяя технический термин, «исписался». И, так как на редкость долгая полоса удач слишком часто заставляет иных замечать и преувеличивать любой промах, когда он все-таки приключается, автора открыто упрекали в стихах и прозе, что, предприняв эту неудачную попытку, он совершил литературное самоубийство. Таким образом, одно время к югу от Твида^[10] мнение публики было не на стороне «Сент-Ронанских вод».

На родине сочинителя, однако, случилось иначе. Многие характеры были признаны подлинно шотландскими, и, несмотря на зловещие пророчества хулителей романа, счастье, сопутствовавшее до сих пор писаниям автора «Уэверли», не покинуло его после этого нового опыта, хотя и созданного в необычном для него стиле.

Эбботсфорд, 1 февраля 1832 года.

Глава I

Хозяйка старого подворья

*Мой сказ закончу живо:
Она варила пиво,
Торгуя им счастливо.*

Скелтон^[11]

Хотя едва ли какая из европейских стран шла такими быстрыми шагами по пути благосостояния и развития, как последние полвека шла Шотландия, совы султана Махмуда^[12] даже в эти счастливые времена все-таки нашли бы для себя в Каледонии^[13] немало деревень, лежавших в развалинах. По причине какого-нибудь бедствия или ради выгод нового местожительства обитатели старинных селений нередко бывали вынуждены перебираться с облюбованного прадедами и скорее безопасного, чем удобного, места на другое, где растущие промыслы и торговля могли бы развиваться свободнее. Потому-то иные поселения, известные в истории Шотландии и нанесенные Дэвидом Макферсоном^[14] на его превосходную историческую карту, теперь можно обнаружить среди вересковой пустоши лишь по окружавшим их когда-то деревьям, и в лучшем случае только несколько разбросанных там и сям развалин, которые легко принять за загоны для скота, указывают, что некогда и здесь жили люди.

Небольшое селение Сент-Ронан лет двадцать тому назад еще не дошло до того полного упадка, какой мы сейчас описывали, но все же быстро клонилось к нему. В расположении деревушки было нечто столь романтическое, что всякий путешественник, проезжая мимо, невольно хватался за рисовальный карандаш. Поэтому, рассказывая о ней, мы постараемся сделать свое описание столь же выразительным, как иные из таких зарисовок. Однако по причинам, представляющимся нам важными, мы воздержимся от точных указаний на местонахождение деревушки и заметим лишь, что она стояла по южную сторону Форта^[15] и не далее чем милях в тридцати от английской границы.

Большая река стремится свои воды по узкой долине, достигающей в ширину местами то двух миль, то едва четверти этого расстояния. Почва здесь наносная, тучная, и долина издавна разгорожена на участки, довольно густо заселена и обработана со всем искусством, доступным шотландскому земледелию. По обе стороны она ограничена грядой холмов, которые – особенно те из них, что тянутся справа, – пожалуй, можно было бы назвать горами. На холмах берут начало ручьи, и каждый, сбегая к реке, образует свою собственную лошину, пригодную для трудолюбивого земледельца. Вдоль по их течению кое-где высятся прекрасные раскидистые деревья, которых пока еще не достиг топор, и почти всюду по обе стороны ручьев пятнами и полосами виднеется подлесок, а над ним поднимаются обрывы, довольно безотрадные зимой, но летом рдеющие темным пурпуром вереска и сверкающие золотом раkitника и дрока. Такие пейзажи характерны для краев, которые, подобно Шотландии, изобилуют холмами и быстрыми потоками и где путешественнику подчас неожиданно открывается какой-нибудь укромный уголок, полный простой и дикой прелести, тем более пленяющей его сердце, что он мнит, будто она открылась ему первому и теперь принадлежит ему одному.

В одном из таких уголков, там, откуда уже открывается вид на реку, на расширяющуюся долину и на противоположную гряду холмов, стояла – а если нерадивость и запустение еще не завершили своего дела, то и посейчас стоит – старинная, заброшенная деревушка

Сент-Ронан. Местоположение ее было чрезвычайно живописно. Главная улица селения, извиваясь, взбиралась на очень крутой холм, по склону которого на своего рода небольших террасах теснились деревенские хижины и, подобно домам швейцарских поселков в Альпах, словно карабкались вверх к развалинам старинного замка, еще видневшимся на гребне горы: неприступность замка, видимо, и побуждала когда-то окрестных жителей селиться под защитой его стен. И правда, замок был раньше грозной крепостью, потому что со стороны, противоположной селению, его стены вздымались над страшным обрывом, упираясь в самый край скалы, подножие которой омывал поток, тоже носивший имя святого Ронана.

С южной стороны, там, где склон не обрывается так отвесно, почва поднималась тщательно выровненными террасами, шедшими одна за другой к вершине холма. От террасы к террасе встарь вели каменные лестницы, украшенные грубой резьбой. В мирные времена на этих террасах располагались сады замка, а в случае осады они тоже служили обороне, так как господствовали одна над другой и их легко было защищать поочередно. К тому же они простреливались из самого замка, посреди которого высилась огромная квадратная башня, окруженная, как водится, строениями пониже, а также высокой зубчатой стеной.

Выступ, на котором стоял замок, был как бы обособленной частью склона довольно большой горы, подступавшей к замку с севера, и с этой стороны его стены были последовательно прикрыты тремя глубокими рвами. Укрепления дополнялись еще одним, очень глубоким рвом, вырытым перед главными воротами, в которые упиралась улица, поднимавшаяся, как мы уже говорили, от селения.

В старых садах замка и со всех сторон вокруг него, кроме крутой западной, разрослись большие деревья; они скрывали под своей темной листвой скалы и древние, обвалившиеся стены и еще более подчеркивали высоту полуразрушенной башни, которая громоздилась посередине.

Присев на пороге этого старинного здания, вход куда в былые дни «привратник важный преграждал»², посетитель мог обозревать сверху вниз заброшенную деревню; при живом воображении можно было представить, что деревенские хижины, сбегавшие вниз по крутому холму, были словно по волшебству внезапно задержаны на бегу и в причудливом беспорядке застыли на месте до наших дней. Так случилось бы, останови свою игру Амфион, когда дома, из которых должны были составиться древние Фивы, плясали под звуки его лиры. Но в душе такого зрителя грусть, навеянная видом заброшенной деревни, быстро одолевала шаловливые порывы фантазии. Построенные совсем просто, как строились шотландские жилища около столетия тому назад, хижины деревни почти все давно уже были покинуты; провалившиеся крыши их почернели, а рухнувшие стены свидетельствовали, что запустение торжествует тут свою победу над нищетой. Поверх иных хижин, словно ребра скелетов, виднелись частично или полностью сохранившиеся глянцевитые от сажи стропила, и лишь в нескольких домах, кое-как еще прикрытых соломой, очевидно, жили люди. Впрочем, жильем эти дома назвать было трудно — дым очага, где на торфяном топливе готовили скудную пищу, выходил не только через трубу, как ему полагалось, но и через прочие щели в крыше. А тем временем природа, которая все изменяет и все обновляет, уже вытесняла и скрывала под буйной растительностью гибнущие и пропадавшие следы человеческого труда. Тонкие подстриженные деревца, насаженные когда-то вокруг садилов, сделались высокими толстыми деревьями; яблони и груши протягивали свои ветви далеко за пределы тесных дворов; живые изгороди разрослись и стали густым непокорным кустарни-

² Смотри старинную балладу о короле Эстмире в «Памятниках» Перси*. (Примеч. авт.)* «Памятники» Перси. — Под названием «Памятники старинной английской поэзии» поэт и ученый Томас Перси (1729–1811) издал в 1765 г. антологию средневековых английских и шотландских баллад, а также песен и стихотворений XVI–XVII вв.; сборник имел важное значение для развития английской литературы.

ком, а заросли крапивы, болиголова и щавеля прикрывали обвалившиеся стены, словно стараясь поскорее превратить все это запустение в живописную лесную опушку.

Два строения в Сент-Ронане находились все-таки в довольно приличном состоянии: одно – существенно необходимое для духовного блага местных жителей, другое – для удобства путешественников. То были дом пастора и местный постоялый двор. О первом достаточно сказать, что он не представлял исключения из общего правила, которого, видимо, придерживаются шотландские помещики, отводя своим священникам не только самое дешевое, но и безобразнейшее и неудобнейшее жилье, до какого может только додуматься строительный гений. Пасторский дом располагал обычным количеством труб, а именно двумя: они торчали по обе стороны дома, словно ослиные уши, и, как всегда, плохо выполняли свое назначение. На случай непогоды и ветров имелось в нем обычное число щелей и отверстий, на которые обыкновенно сетует своим собратьям каждый наделенный бенефицием пресвитерианский^[16] пастырь в Шотландии. Для полноты картины прибавим, что, поскольку священник был холост, свиньи пользовались правом беспрепятственного доступа в сад и во двор, разбитые окна были заклеены оберточной бумагой, а запущенный и убогий с виду низенький домик, в котором жил разорившийся арендатор, не делал чести усадьбе человека, не только носившего сан священника, но бывшего также ученым и джентльменом, хотя отчасти и чудачком.

Рядом стояла церковь Святого Ронана – небольшое старинное здание с земляным полом, уставленное жалкими скамейками, в свое время сделанными из резного дуба, но заботливо чиненными и перечиненными простыми еловыми досками. Однако снаружи церковь отличалась изящными очертаниями, потому что была построена еще в католические времена, а ведь архитектуре католиков нельзя отказать в той привлекательности, которой мы, как добрые протестанты, не находим в их учении. Церковка едва поднимала свою серую сводчатую кровлю над осыпающимися могильными холмиками и была так мала, а могилы, подступавшие к ней со всех сторон и до половины закрывавшие узкие англосаксонские окна, так уменьшали ее высоту, что ее тоже легко было принять за склеп или большой надгробный памятник, если бы приземистая башенка со старинным колоколом не отличала ее от них. Но когда седой церковный сторож своей трясущейся рукою поворачивал ключ в замке, любитель старины входил в древнюю постройку, относящуюся – судя по ее архитектурному стилю и по надгробиям сент-ронанских Моубреев, на которые обыкновенно указывал посетителю сторож, – еще к тринадцатому столетию.

Эти сент-ронанские Моубреи в старину были, видимо, очень сильны. Они считались друзьями и союзниками дома Дугласов^[17] в те времена, когда буйная сила этого гордого рода заставляла трепетать самих Стюартов на их шотландском троне. По выражению нашего простодушного старинного историка, в те дни никто не посмел бы спорить ни с кем из Дугласов и даже ни с кем из сторонников рода Дугласов: «Осмелся он – и не избыть ему беды». Поэтому владельцы Сент-Ронана процветали заодно с ними и захватили в свои руки почти всю богатую долину, над которой господствовал их замок. Однако прошли хорошие времена, и при Иакове II^[18] большая часть благоприобретенных земель была у них отобрана, а последующие события еще ослабили их власть. Однако в середине семнадцатого века род Моубреев играл все-таки еще довольно заметную роль, и сэр Реджиналд Моубрей прославился тем, что после злополучной данбарской битвы^[19] упорно держался в своем замке против войск Кромвеля^[20]. Разъяренный столь неожиданно оказанным ему в таком глухом углу сопротивлением, Кромвель велел взорвать крепость и срыть стены.

После этой катастрофы старый замок был предоставлен разрушению. Однако сэр Реджиналд, подобно Уильяму Уорти в балладе Аллена Рэмзи^[21], возвратившийся после революции^[22] на родину, построил себе дом во вкусе наступившей эры, разумно согласовав размеры постройки с уменьшившимся благосостоянием семьи. Дом был поставлен почти в

середине поселка (соседство которого в те дни не считалось неудобством), на самом гладком месте, какое удалось выбрать на подъеме горы. Как мы уже говорили, дома там были, так сказать, врезаны в крутой склон, и на каждый дом почти только и приходилось ровной земли, что та, на которой он стоял. Но перед домом лэрда^[23] был двор, а позади садик; рядом ступеней он соединялся с другим садом, занимавшим три террасы и спускавшимся наперегонки с садами старого замка почти к самому берегу ручья.

Моубреи безвыездно жили в своей новой усадьбе, но лет за пятьдесят до начала нашего рассказа она сильно пострадала от случайного пожара, и тогдашний лэрд, незадолго перед тем унаследовав милях в трех от поселка более приятное и удобное поместье, решил покинуть обитель своих предков. А так как в ту пору (вероятно, с целью оправдать расходы по переезду) он велел вырубить старую рощу, где гнездились грачи, в народе стали говорить, что упадок Сент-Ронана начался в день, когда «лэрд Лоренс и грачи снялись с места».

Покинутая усадьба не досталась, однако, филинам и совам: напротив, ее стены на многие годы стали свидетелями таких веселых пиршеств, каких они не видывали в те дни, когда усадьба служила мрачным обиталищем суровым шотландским баронам былых времен. Короче говоря, она превратилась в трактир. Над входом повесили большой щит, на одной стороне которого был намалеван святой Ронан, уловляющий, как о том правдиво повествует легенда, дьявола за хромую ногу своим крючковатым епископским посохом, на другой – герб рода Моубреев. Это был самый посещаемый трактир во всей округе, и немало ходило рассказов о пирушках, задаваемых в его стенах, и о проделках, которые учинялись под влиянием здешнего вина.

Все это, однако, давным-давно миновало, соответственно эпиграфу на обложке моей книги:

Встарь, говорят, здесь весело бывало;
Не то уж ныне – проклят этот край.

Сначала трактир держала одна почтенная чета – муж и жена, оба из любимых слуг семейства Моубреев. В их руках дело процветало многие годы, и они умерли довольно богатыми, оставив после себя единственную дочь. В их полную собственность постепенно перешли не только трактир, который они вначале получили в аренду, но и прекрасные луга, тянувшиеся вдоль ручья. Ибо, едва случалась хоть малая нужда в деньгах, сент-ронанские лэрды прибегали к продаже земли участками как к простейшему средству выдать замуж дочку, купить младшему сыну офицерский патент или выйти из других сходных затруднений. Поэтому Мег Додз, вступив в права наследства, оказалась богатой невестой и в качестве таковой гордо отвергла притязания трех преуспевающих фермеров, двух захудалых лэрдов и одного конского барышника, по очереди делавших ей брачные предложения.

Многие бились об заклад, что победит барышник, но даже самые проницательные обманулись в своих ожиданиях. Мег предпочла сохранить вожжи в собственных руках и не пожелала обзаводиться помощником, который вскоре мог бы заявить права хозяина. И вот, оставшись незамужней, как королева Бесс^[24], и проявляя не менее жестокий произвол, чем та, она самолично правила делами и командовала не только своими слугами и служанками, но и любым гостем, завернувшим к ней на двор. Если же путник осмеливался противиться августейшей воле Мег или выражал недовольство столом и помещением, которые ей было угодно ему определить, его тотчас постигало изгнание. Он получал на свое требование тот ответ, которым, по словам Эразма Роттердамского^[25], утихомиривали в его время все жалобы на немецких постоялых дворах: «*Quaere aliud hospitium*»³, или, как выражалась Мег: «Ну

³ Ищи другого пристанища (лат.).

и отправляйтесь на другое подворье!» Поскольку это было равносильно изгнанию вдаль, миль на шестнадцать в сторону от резиденции Мег, присуждаемой к нему злополучной особе оставалось лишь постараться умиловить гневную хозяйку, смиренно подчиняясь ее воле и своей судьбе. К чести Мег Додз надо сказать, что ее суровую, почти деспотическую власть нельзя было назвать тиранией, ибо в общем-то она осуществляла ее ко благу подданных.

Погреба старого лэрда ломились от прекрасных вин, каких не возили туда и при нем самом; все дело заключалось лишь в том, чтобы уговорить Мег разыскать в подвале именно то вино, какого вам хотелось. Надо прибавить, что часто, если ей казалось, будто веселая компания уже получила «свою меру», она упрямялась и отказывала в добавке. Она весьма гордилась своей кухней, присматривала за тем, как готовилось каждое кушанье, а иные блюда стряпала сама, не позволяя никому вмешиваться. Такими блюдами были куриный суп с черемшой и превкусные рубленые котлетки, которые в своем роде могли поспорить даже с телячьими котлетами нашей старой приятельницы – миссис Холл из Феррибриджа. Столовое белье, простыни, наволочки и все прочее у Мег было из лучшего домотканого полотна и содержалось в полном порядке. Поистине круто приходилось горничной, если зоркие глаза хозяйки обнаруживали какое-нибудь упущение по части строжайшей чистоты, которая у нее была заведена. В самом деле, зная шотландское происхождение Мег и ее профессию, никак нельзя было понять такой чрезвычайной и щепетильной опрятности, если не предположить только, что она являлась для Мег постоянным и удобным поводом бранить своих служанок. Тут она проявляла такую энергию и такое красноречие, что, очевидно, это занятие приходилось ей особенно по душе.

Надо еще отметить умеренность счетов, которыми заканчивался пир у Мег: гостю, подымавшемуся из-за стола с самыми мрачными предчувствиями, счет ее часто приносил истинное облегчение. Шиллинг за утренний завтрак, три шиллинга за обед, включая пинту старого портвейна, и полтора шиллинга за плотный ужин – таковы, даже в начале девятнадцатого века, были цены в сент-ронанском подворье при этой старосветской хозяйке. И, подавая счет, она еще вздыхала и всегда приговаривала, что-де ее добрый отец не назначил бы и половины того, да в наши тяжелые времена брать меньше никак нельзя.

Несмотря на такие прекрасные и редкостные свойства, сент-ронанское подворье разделило упадок поселка, к которому оно принадлежало. Причины были различные. Ушла в сторону большая почтовая дорога, так как кучера в один голос твердили, что здешняя крутая улица – смерть для коней. Поговаривали, будто Мег наотрез отказывалась угощать возниц и принимать участие в обмене овса, которым следовало кормить лошадей, на эль и виски и будто это обстоятельство изрядно повлияло на суждение сих почтенных джентльменов; уверяли даже, что дорогу достаточно было только немного выровнять, и подъем стал бы легче. Но так или иначе, перемена большой дороги причинила Мег великую обиду, и ей трудно было простить это местным жителям, большинство которых она помнила с детства. «Их папаши, – говаривала она, – не учинили бы ничего подобного с одинокой женщиной». Изрядный убыток принесло ей и запустение самого поселка, в котором прежде числилось несколько мелких лэрдов и арендаторов, не реже двух-трех раз в неделю собиравшихся раньше у Мег под названием Клуба стрекотунов и попивавших дешевый эль с прибавкою виски или бренди.

Нрав хозяйки отвадил всех посетителей, принадлежащих к обширному сословию людей, в чьих глазах своеобразный характер не является достаточным оправданием для нарушения внешних приличий и кто, не имея слуг у себя дома, любит изображать знатную персону в трактире и ждет поклонов, уважительных речей и извинений в ответ на ругань, которой они осыпают стол, служанок и все заведение. С любым, кто пытался вводить такие порядки в Сент-Ронане, Мег Додз отлично умела рассчитаться той же монетой: счастье их,

если им удавалось уйти, сохранив невыщарапанными свои глаза и не оглохнув до такой степени, словно им довелось слышать грохот пушек на поле битвы.

Почтенная Мег самой природой была предназначена для подобных столкновений. Не только ее гордый дух почерпал в них радость, но и внешние ее данные, как выражается Тони Лэмкин^[26], «находились для того в соответствующем сочетании». У нее были черные волосы с сильной проседью, которые, когда она приходила в бурное волнение, спутанными прядями выбивались из-под чепца, длинные костлявые руки, снабженные крепкими когтями, серые глаза, тонкие губы, плотный стан, плоская, но широкая грудь, вместительные легкие и голос, которому под силу было заглушить целый хор рыбных торговок. В хорошую минуту она говаривала о себе, что «лает страшней, чем кусает». Да и каким зубам было сравниться с языком, который, когда ему давали волю, работал так, что наверняка было слышно от церкви до самого сент-ронанского замка!

Однако в наше пустое и легкомысленное время выдающиеся дарования Мег не привлекали путешественников, и они все реже заглядывали в ее подворье. В довершение всех бед некая великосветская причудница из числа помещиц этой округи вдруг выздоровела от какой-то воображаемой болезни, потому что пила минеральную воду из родника, бывшего в полутора милях от поселка. Разыскали модного доктора, который взял на себя труд произвести анализ воды целебного источника и опубликовать его вместе со списком удивительных случаев излечения. Ловкий подрядчик снял в аренду землю, настроил жилых домов, лавок и провел улицы. Наконец исхлопотали разрешение на подписку для постройки гостиницы, которую важности ради назвали отелем. И тут уже все покинули Мег Додз.

У нее оставались все же друзья и dobroхоты, и многие из них полагали, что, поскольку она женщина одинокая и, как считали, зажиточная, ей лучше прекратить дело и снять с дома вывеску, больше не привлекавшую посетителей. Но гордая Мег не желала признавать свое поражение ни открыто, ни тайно.

– Дверь дома моего отца, – заявляла она, – будет растворена навстречу гостям, пока дочь его не вынесут ногами вперед. И вовсе не ради корысти – здесь корысти мало. Какая уж тут корысть! Один убыток!

Но все-таки никому меня не одолеть. Пусть они себе строят отель, пусть строят, если им порядочный трактир не годится! Пусть разводят свои отели сколько душе угодно! Они увидят, что матушка Додз сумеет держать гостиницу, да, сумеет, и ничуть не хуже ихнего! Пусть они устраивают подписку и цепляются сколько хватит духу друг за дружку, словно дикие гуси в небе, и тот, кто переживет других (а на это уж вовсе грешно рассчитывать), пусть забирает себе весь капитал. Она все равно не поддастся ни одному из них и будет держаться до последнего вздоха.

К счастью для решительной и доблестной Мег, пока трактир терял посетителей, земли ее поднимались в цене. Это обстоятельство, в соединении с привычной предусмотрительностью и бережливостью, с лихвою восполнило убытки, записанные на правой странице счетной книги, и помогло Мег не отступать от своего гордого обета.

Кроме того, она вела теперь свое предприятие с самой тщательной оглядкой на сократившиеся доходы: назло сборщику податей позакрывала окна в половине дома, поубавила мебели, отказалась от пары почтовых лошадей и уволила на пенсию правившего ими старого горбатого кучера, сохранив его в то же время в качестве помощника при еще более древнем конюхе. Эти реформы втайне уязвляли ее гордость, и ради утешения она договорилась со знаменитым Диком Тинто^[27], чтобы он хорошенько подмалевал отцовскую вывеску, на которой уже почти ничего нельзя было разобрать. И Дик соответственно позолотил епископский посох, а дьявола сделал таким безобразным, что тот стал пугалом для школьной мелюзги и наглядным подкреплением к рассказам священника о враге рода человеческого, страх перед которым пастор старался вложить в детские сердца.

Украшенный подновленным знаком ее профессии, дом Мег Додз, или Мег Дортс, как ее часто называли по причине строптивного нрава, все-таки продолжали посещать кое-какие верные клиенты. К ним относились члены килнакелтийского Охотничьего клуба. Когда-то они отличались и на скачках, и в отъезде поле, а теперь стали просто компанией почтенных седовласых джентльменов, которые сменили борзых и гончих на такс и вместо охоты на лисиц любили в качестве приятной подготовки к обеду у Мег проехаться легким галопом на своих спокойных лошадках. «Все это люди порядочные, – рассказывала Мег, – умеют и спеть и пошутить; ну и что с того? Их обычная порция – полная пинта шотландского вина да жестянка эля, налитая доверху, и никто не скажет, чтобы им от этого худо приходилось. Теперешних вертопрахов одна несчастная кварта доконает, а тем молодцам и цельная бутылка нипочем».

Появлялась еще компания, принадлежавшая к старинному братству крючка и лески из Эдинбурга; весной и летом они часто посещали Сент-Ронан. Это были гости особо приятные для Мег, и в ее доме им разрешались такие вольности, как никому другому. «Старые хитрецы, – рассказывала она, – отлично знают, какая сторона ломтя намазана маслом. Никто никогда не видал, чтобы они ходили к источнику, как называют тот вонючий старый родник. Нет, нет! Они, бывало, поднимутся рано, поедят овсянки, глотнут, пожалуй, по наперстку бренди да отправляются в горы. Засядут где-нибудь в вереске, съедят там по куску холодного мяса, а вечером возвращаются с полной корзиной свежей форели – ее им на ужин готовили. Выпьют еще по кружечке пива да глотнут пунша и сидят себе, распевая свои песни и запевки, как они их называют, до десяти часов, а там и в постель, прочитав молитву. Ну и что с того?»

В-третьих, можно упомянуть еще весельчаков и повес, наезжавших из столицы в Сент-Ронан, потому что им нравился примечательный характер Мег, а еще больше – отличное качество ее вина и скромные счета. Это были члены Клуба озорников, Клуба сумасбродов и прочих обществ, с тою целью и основанных, чтобы забывать обо всех заботах и о всякой умеренности. Эти лихие парни не раз учиняли шум и переполох в доме Мег, и не раз учиняла она бурю по этому поводу. К каким только ухищрениям и уловкам не прибегали они, стараясь лестью или силой раздобыть себе еще вина, когда совесть Мег подсказывала ей что с них уже довольно. Иногда это им так и не удавалось, как, например, в тот раз, когда на обеде Клуба озорников их председатель был ошпарен глинтвейном при неудачной попытке улестить грозную даму поцелуями или когда у превосходнейшего президента Клуба сумасбродов голова оказалась пробитой ключами от погреба из-за того, что он попробовал силой завладеть этими эмблемами власти. Но храбрецы ничуть не сетовали на такие буйные вспышки горячего нрава своей хозяйки, для них это были «милые капризы нашей Фанни», или, как говорится, *dukes Amarylloidisirae*⁴. А Мег, со своей стороны, сама частенько именуя их «последними пропойцами» и «чистокровными негодьями с Хай-стрит»^[28], никому не позволяла при себе говорить о них дурно. «Они просто взбалмошные мальчишки, вот и все, – заявляла она. – Вольешь вина – выплеснешь разум, да и старую голову не посадить на молодые плечи. Молодой конь несется вскачь с горы и в гору! Ну и что с того?» – неизменно прибавляла она в заключение.

Нельзя не вспомнить среди постоянных посетителей Мег «верного среди неверных»^[29] – красноногого помощника шерифа в этом графстве. Когда служебный долг призывал его в те края, он всегда с нежностью припоминал ее крепкий эль и выдержанное антильское вино и объявлял, что судебные или прочие подоспевшие дела «будут им решаться в такой-то день и час в доме Маргарет Додз, держащей виноторговлю в Сент-Ронане».

⁴ Сладостный гнев Амариллиды (лат.). *Амариллида* – пастушка, героиня стихотворения Вергилия; часто встречается как имя сельской красавицы в поэзии XVIII в.

Нам надо еще рассказать, как обходилась Мег со случайными посетителями, которые, не зная других учреждений поближе и помоднее и согласуясь более с состоянием своего кошелька, чем со своими привычками, заявлялись на ее постоянный двор. Ее гостеприимство в этом случае было опаснее, чем радушие дикарей к пассажирам корабля, выброшенного бурей на берег. Если оказывалось, что гости прибыли по доброй воле или если с виду они приходились ей по вкусу (а вкусы ее были весьма прихотливы), особенно же если они хвалили то, что им подавали, и явно не собирались наводить критику и доставлять ей лишние хлопоты, то все было хорошо. Но если они попадали в Сент-Ронан только потому, что гостиница у источника оказалась переполненной, или если ей не нравился у них, как говорят моряки, «покрой парусов», да если они еще позволяли себе осуждать ее порядки и блюда, им доставалось от Мег полной мерой. Она считала, что вот из таких-то личностей и состоит та неблагодарная и скаредная публика, ради которой она содержала трактир себе в убыток и которая покинула ее, так сказать, сделав жертвой своего патриотического долга.

Отсюда и идут разноречивые сведения о маленькой гостинице в Сент-Ронане, которую иные обласканные хозяйкой приезжие расхваливали как самую опрятную и удобную старомодную гостиницу во всей Шотландии, где за вами отлично ухаживают и прекрасно кормят, да притом за весьма умеренную плату, в то время как другие, менее удачливые, рассказывали лишь о полутемных комнатах, о старой неуклюжей мебели и об отвратительном характере трактирщицы Мег Додз.

Читатель, если ты происходишь с солнечной стороны Твида или же, будучи шотландцем, имел счастье родиться не больше чем лет двадцать пять назад, такой портрет королевы Елизаветы, наряженной в зеленый передник и высокую шляпку кумушки Куикли^[30], может показаться тебе несколько неправдоподобным. Но я взываю к тем моим сверстникам, кому приходилось за последние тридцать лет ездить и ходить по нашим дорогам, проселкам и тропинкам, и спрашиваю: неужели каждый из них не припомнит такую Мег Додз или кого-нибудь вроде нее? Ведь во времена моего повествования я сам даже побоялся бы тронуться из шотландской столицы в любом направлении из боязни наткнуться на этакую кумушку Куикли, которая могла бы заподозрить, будто я вывожу ее перед читателями в виде Мег Додз. Но в наши дни, если даже где-нибудь и сохранились еще две-три особи этого редкого вида диких кошек, их когти, вероятно, сильно притупились от старости. И теперь этакая Мег Додз – словно злой великан Римский Папа в «Пути паломника»^[31], наверно, только и может, что посиживать у дверей своей всеми забытой гостиницы и издали улыбаться путникам, с которыми она когда-то обходилась столь круто.

Глава II Приезжий

*Quis novus hic hospes?
Dido apud Virgilium⁵*

*Эй, девушка! Там господин приехал!
Бутс³²¹, вольный перевод «Энеиды»*

Как-то погожим летним днем в старинные каменные ворота гостиницы Мег Додз въехал одинокий всадник и, сойдя с коня во дворе, передал поводья горбатому конюху.

– Снеси мои дорожные мешки в дом, – приказал он. – Да, впрочем, погоди, мне самому, пожалуй, это легче сделать, чем тебе.

И он помог жалкому, тощему конюху расстегнуть пряжки ремней, на которых держались простые и презируемые нынче седельные сумы. Тут же он строго наказал, чтобы коня разнуздали и поставили в чистое и удобное стойло, ослабили на нем подпругу, а на спину накинули попону; однако велел его не расседлывать, пока сам не придет поглядеть, как коня будут чистить.

Его товарищ по странствиям, на взгляд конюха, вполне заслуживал такого ухода. То был сильный, горячий конь, годный и в путь-дорогу и для охоты, хотя и довольно поджарый после длинного перехода.

Впрочем, судя по блестящей шерсти, о нем, видимо, всячески заботились и старались содержать в отличном состоянии. Пока конюх выполнял указания новоприбывшего, тот подхватил свои дорожные мешки и вошел в трактирную кухню.

Там он застал хозяйку, и притом не в очень радушном расположении духа. Мег отослала кухарку с каким-то поручением и теперь, учинив тщательную проверку кухонного имущества, к своему неудовольствию, обнаружила, что доски для резки хлеба все с трещинами, а то и вовсе расколоты, горшки же и кастрюли начищены не так старательно, как того требовали строгие представления хозяйки о чистоте. Такие открытия, наряду с другими, менее важными, изрядно ее раздражили. И, передвигая и переставляя посуду на полках, она вполголоса осыпала упреками и угрозами отсутствующую преступницу.

Появление гостя не заставило ее прервать это приятное занятие – мельком взглянув на вошедшего, она резко повернулась к нему спиной и продолжала свое дело и свой укоризненный монолог. По правде сказать, ей показалось, будто она признала в приезжем одного из тех весьма полезных посланцев коммерческого мира, которые сами себя (а вслед за ними и слуги в гостиницах) именуют «путешественниками» *par excellence*⁶ и которых прочий люд зовет разъездными купцами и коммивояжерами. Дело в том, что к клиентам подобного рода Мег питала особую неприязнь. В старой сент-ронанской деревушке не имелось ни одной лавки, и вышеупомянутые торговые эмиссары ради пользы дела обосновывались в отеле, то есть в новой гостинице, посреди быстро растущего и соперничающего с деревушкой поселка, за которым укрепилось название Сент-Ронанские воды. Редко какого отбившегося от своих купца случай или тяжкая необходимость вынуждала остановиться в Старом городке, как к

⁵ Что это за новый гость? Дидона у Вергилия (лат.). Вергилий (70–19 до н. э.) – римский поэт, автор поэмы «Энеида», одной из героинь которой является Дидона. Вергилий имел большое влияние на средневековую поэзию в Европе и сохранил свое значение поэтического образца и в эпоху Возрождения и классицизма. В XVIII в. были часты подражания, переделки, а также пародийные переложения Вергилия. Цитата взята из IV книги «Энеиды».

⁶ По преимуществу (фр.).

тому времени стали называть место около замка, где находилась резиденция Мег. Поэтому, едва успев заключить, что наш путник принадлежит, вероятно, к этому неприятному для нее сословию, Мег вернулась к своему прежнему занятию и, не подавая виду, что заметила вошедшего гостя, продолжала свои укоры по адресу отсутствовавших служанок:

– Ах, Бинни, дрянная девчонка! А эта негодница Эппи, вот чертово отродье! Еще одной тарелки не хватает! Да они меня скоро совсем по миру пустят!

Приезжий повесил свои мешки на спинку стула и молча ожидал какого-нибудь знака приветствия. Наконец, уразумев, что если он хочет привлечь внимание хозяйки, то – будь он даже призраком, которому не полагается начинать беседу, – ему придется заговорить самому, гость обратился к Мег со следующими словами:

– Я вижу как будто мою старую знакомую, миссис Маргарет Додз?

– Ну и что с того? А вы-то сами кто? – буркнула Мег, с еще большим рвением продолжая тереть медный подсвечник. Холодный тон ясно указывал, как мало интереса вызывала в ней беседа.

– Я, почтенная миссис Додз, путешественник, которому хотелось бы остановиться здесь дня на два, на три.

– А по-моему, вы ошиблись, – заявила Мег. – Здесь вашим мешкам и сумкам не место; не туда вы заехали, приятель, вам надо перебраться пониже.

– Вы, видно, не получили моего письма, миссис Додз? – спросил приезжий.

– А как мне было его получать, по-вашему? – возразила хозяйка. – Почтовую контору-то у нас забрали, перевели вниз, к этим самым водам или как их там.

– Да ведь это рукой подать, – заметил приезжий.

– Ну, значит, и вам туда идти недалеко, – ответила хозяйка.

– Так ведь если бы вы послали за моим письмом, – сказал молодой человек, – вы бы узнали...

– В мои годы мне больше узнавать нечего, – отрезала Мег. – Если люди хотят мне что-нибудь сообщить, пусть передают письмо Джону Хислопу, посыльному: он по этой дорожке ходит взад-вперед уже лет сорок. А у почтовой начальницы, как ее там внизу величают, письма могут себе лежать в окошке вместе с булками и пряниками хоть до первого мая, пока не пропадут вовсе. Буду я руки об них пачкать! Подумаешь – начальница! Шельма продувная! Я-то отлично помню, как она приносила покаяние, когда, не дождавшись свадьбы...

Приезжий рассмеялся и вовремя для доброй славы начальницы почты успел перебить хозяйку и объяснить, что направил сундук и свои удочки ее верному другу посыльному, а сам надеется, что она не прогонит со двора старого знакомого; ведь не может же он ночевать в пяти милях от Сент-Ронана, когда знает, что синяя комната у нее стоит пустая.

– Удочки! Старый знакомый! Синяя комната! – с удивлением повторила Мег.

Оглянувшись на приезжего и наконец удостоив его некоторым вниманием, она спросила:

– Так, значит, вы не разъездной купец?

– Нет, – сказал путешественник, – я разъезжаю по другим делам.

– Ну, одно скажу – я рада этому. Терпеть не могу слушать, как они ни с того ни с сего вставляют английские словечки. Впрочем, я знавала среди них и порядочных людей. Ну и что с того? Это случалось, правда, еще в те времена, когда они останавливались здесь, как прочие степенные люди. А с тех пор как они всем выводком друг за дружкой, словно стая диких гусей, перекочевали вниз, в тот новомодный отель, у них в «гостиной зале», как они выражаются, такие делишки, слыхала я, стали твориться, каких не учинят и пьяные молодые лэрды.

– А это все потому, что там нет вас, миссис Маргарет. Уж вы бы навели у них порядок!

– Ах, хитрец, ловко ж ты придумал, как обойти меня! – воскликнула Мег.

Тут она оборотилась и удостоила его более пристального и внимательного рассмотрения, чем вначале.

Наружность приезжего говорила, казалось ей, в его пользу. Это был человек хорошего сложения, ростом, пожалуй, выше среднего, а возрастом – между двадцатью пятью и тридцатью годами. На первый взгляд ему легко было дать все тридцать. Но, взглядевшись попристальней, вы начинали думать, что горячее солнце каких-нибудь иных стран, более жарких, чем Шотландия, а быть может, и перенесенные лишения и горести, не согласуясь с бегом времени, отметили его лицо печатью заботы и зрелости. У него были прекрасные глаза и зубы; прочие черты лица едва ли можно было назвать красивыми, но зато в них выражались ум и проницательность. Он отличался той спокойной и в то же время далекой от неуклюжести и жеманства свободой обращения, которая считается главным признаком джентльмена. Судя по простоте одежды и по отсутствию при нем слуг, его нельзя было признать за человека богатого, однако Мег не могла сомневаться, что по сословию он был выше обычных ее постояльцев. Пока добрая хозяйка предавалась этим наблюдениям, ее все мучило какое-то смутное чувство: ей казалось, будто она уже видела своего гостя раньше, но когда и при каких обстоятельствах – этого она совершенно не могла припомнить. Особенно озадачивало ее холодное и саркастическое выражение его лица: ей никак не удавалось связать это выражение с воспоминаниями, которые в ней пробуждала наружность приезжего. Наконец, со всей любезностью, на какую она была способна, Мег сказала ему:

– Или я видела вас прежде, сэр, или это был кто-то очень на вас похожий. И откуда вам знать про синюю комнату, раз вы впервые в наших краях?

– Вовсе не такой я чужак здесь, как вы предполагаете, Мег, – дружески заговорил приезжий. – Меня ведь зовут Фрэнк Тиррел!

– Тирл! – воскликнула Мег с великим удивлением. – Не может быть! Неужели вы Фрэнси Тирл, тот сорванец, что ловил здесь рыбу и лазил за птичьими гнездами семь-восемь лет тому назад! Да нет, Фрэнси был совсем мальчишка!

– А вы прибавьте семь-восемь лет к возрасту этого мальчишки, Мег, вот и выйдет как раз тот человек, что стоит сейчас перед вами, – грустно сказал приезжий.

– Пожалуй, что и так, – сказала Мег, бросая взгляд на отражение собственного лица в медном кофейнике, начищенном ею до такого блеска, что он вполне мог сойти за зеркало. – Да, пожалуй, что и так: все люди стареют, прежде чем умереть. Все-таки сдается мне, мистер Тирл – ведь мне теперь не годится называть вас просто Фрэнси...

– Зовите меня как хотите, хозяйюшка, – сказал приезжий. – Я уж давно не слыхал, чтобы кто-нибудь звал меня именем, напоминающим о прежней ко мне ласке, и нынче оно звучит для меня приятней княжеского титула.

– Ну тогда, мастер Фрэнси^[33] – если такое наименование вам не обидно, – вы, я надеюсь, не набоб?

– Нет, нет, по чести могу вас в этом уверить, мой старый друг. Ну а если бы я был набоб?

– А ничего; только я, пожалуй, попросила бы вас проехать подальше, где бы вам служили хуже, чем у меня. Ох, эти набобы! Весь наш край они заплотонили! На двадцать миль в округе поднялась из-за них цена на кур и яйца. Да мне-то что? Почти все они селятся внизу, у источника. Им, видите ли, эта вода помогает, а то у них цвет лица медно-красный и требует промывки, совсем как мои кастрюльки, которых никому, кроме меня, не отмыть.

– Ну, моя милая, – сказал Тиррел, – из всего этого я заключаю, что мне можно у вас остаться и пообедать.

– Почему же нет? – отозвалась миссис Додз.

– И что мне отведут синюю комнату на одну-две ночи, а то и дольше того?

– Ну, этого я не знаю, – ответила хозяйка. – Синяя комната у меня самая лучшая, а кто тянется к лучшему, тот не из самых бедных на этом свете.

– Это уж воля ваша, хозяйка. Определяйте сами, сколько хотите, – сказал приезжий, – а я пока схожу присмотрю за конем.

– Добрый человек и к своей скотине добр, – промолвила Мег, когда приезжий вышел из кухни. – Что-то в нем всегда было особенное, в этом мальчишке. Ну и к худу же он изменился лицом с тех пор, как я видела его в последний раз! Зато в память былых времен я угощу его отменным обедом!

Со свойственной ей решительностью Мег взялась за соответствующие приготовления и так погрузилась в кулинарные дела, что две служанки по возвращении под хозяйский кров избегли жестокого выговора, который в награду за их пресловутое неряшество и небрежность уже готовила им госпожа. Она простерла свою любезность до того, что, когда Тиррел пришел в кухню за своими сумками, она по всем правилам отчитала Эппи: «Почему эта неповоротливая лентяйка не снесла вещи джентльмена к нему в комнату?»

– Благодарю вас, хозяйюшка, – сказал Тиррел, – но в этих мешках у меня акварельные наброски и рисунки, и я предпочитаю перенести их сам.

– Значит, вы еще занимаетесь этим делом? – спросила Мег. – Ужасную грязь разводили вы из-за них встарь.

– Я не могу жить без рисования, – сказал Тиррел, беря свои сумки.

Затем служанка, как положено, проводила гостя в его уютную комнату. Вскоре, к его удовольствию, заботливые руки Мег поставили на стол целое блюдо котлет с овощами и кувшин превосходного эля. В виде признательности за оказанную честь Тиррел попросил Мег принести ему бутылочку, запечатанную желтым сургучом. «Если у вас, конечно, еще остался тот прекрасный кларет», – прибавил он.

– Остался! Еще бы не остаться! – сказала Мег. – Я его не всякому подаю. Ах, мастер Тирл, опять вы взялись за прежнее! Раз вы зарабатываете на жизнь рисованием, как говорите, так стаканчик рому с водой обошелся бы вам дешевле, а пользы принес бы столько же. Впрочем, конечно, поступайте сейчас по-своему, а то потом, может быть, и не придется.

Позвякивая ключами, Мег выплыла из комнаты и, перевернув весь погреб, вернулась с бутылкой такого кларета, какого ни в одной гостинице не подали бы самому королю, и притом даже по королевской цене. Хозяйка почувствовала себя вполне вознагражденной, когда приезжий заверил ее, что букет этого вина он помнит и по сей день. Проявив таким образом свое гостеприимство, она удалилась, предоставив гостю спокойно наслаждаться всем тем, что красовалось на столе.

Но на сердце у Тиррела лежала тяжесть, которой не снять было ни хорошим угощением, ни даже вином: ведь вино не в силах развеселить душу, если в ней кроется тайная горесть и противится его оживляющему влиянию. А Тиррел только что вернулся в края, которые любил в ту прекрасную пору, когда юность и веселье внушают нам счастливые надежды, так редко сбывающиеся с наступлением зрелости. Он подвинул стул в амбразуру старинного окна, поднял раму, чтобы насладиться свежим воздухом, и, окидывая взором места, которых не видел в течение последних бурных лет, обратился мыслями к былому. Перед ним уходил вниз конец опустевшей деревни, и развалины ее домов кое-где выглядывали из-под одевавшей их густой зелени. Еще ниже на лужайке располагалась окруженная кладбищенскими крестами церковь Святого Ронана, а дальше, у впадения сент-ронанского ручья в реку, протекавшую по широкой нижней долине, белели в закатных лучах новые, либо только что выстроенные, либо еще не достроенные дома вокруг целебного источника.

«Время меняет все вокруг нас. Как же любви и дружбе пережить наши жилища и сооружения?» – таков был ход естественных, хотя и избитых мыслей, нахлынувших на Тиррела.

Он сидел, погружаясь в мрачную задумчивость, когда их течение нарушил приход услужливой хозяйки.

– Я надумала предложить вам чашку чаю, мастер Фрэнси, – просто так, ради старого знакомства. Велю этой вертушке Бинни подать сюда чай и сама заварю его. Как! Вы еще не допили вино?

– Я больше не буду пить, миссис Додз, – ответил Тиррел, – и прошу вас забрать бутылку.

– Забрать бутылку, когда вы не выпили и половины! – сказала Мег, темнея лицом. – Вино-то, надеюсь, здесь ни при чем, мистер Тиррел?

В ответ на этот вопрос, заданный почти во враждебном тоне, Тиррел стал смиренно уверять хозяйку, что кларет у нее «безупречный, даже превосходный».

– Так почему ж вы его не допили? – резко бросила Мег. – Незачем спрашивать вина больше, чем вам может пригодиться. Вы, верно, думаете, у нас тоже заведен такой «табльдот», как они там, внизу, называют свой новомодный общий стол? Мне сказывали, что все прокисшие остатки ставят у них в буфет: в бутылке вина на самом дне, а у каждой на горлышке привязана бумажка, чтобы знать, кто из постояльцев ее хозяин. Так они и стоят в ряд, словно докторские лекарства. И в самой полной из них вина не наберется на одну честную шотландскую мерку.

– Наверное, – заметил Тиррел, стараясь в угоду своей старой приятельнице поддержать ее предубеждения, – наверное, вино не так уж хорошо, чтобы хотелось выпить полную меру.

– Вот-вот, дружок, а ведь те, что торгуют им, могли бы не скупиться. Они свое вино получают за бесценок, и оно наверняка не видывало ни французских, ни португальских виноградников. Так вот, говорю я вам, здесь у нас не новомодный отель, где бутылку оставляют на завтра, если гостю не под силу с ней справиться. Раз вино раскупорили – надо его пить, если оно, разумеется, пробкой не пахнет.

– Вполне с вами согласен, Мег, – сказал постоялец, – но я много проехал сегодня и разгорячен ездой. Лучше мне не доканчивать бутылку, а выпить чашку чаю, что вы мне посулили.

– Ну, тогда все, что я могу сделать, это отставить бутылку в сторону – для вас из этого вина получится завтра подливка к дикой утке. Вы как будто говорили, что останетесь здесь на денек-другой?

– Вы не ошиблись, Мег, таково мое намерение, – ответил Тиррел.

– Хорошо, будь по-вашему, – сказала миссис Додз. – Тогда хоть вино не пропадет, однако, можете мне поверить, дружок, такому кларету не часто приходится кипеть в кастрюльке. А помню я времена, когда вы, не боясь головной боли, вытягивали до дна целую бутылку, а то и две, если вам удавалось у меня выклянчить вторую. Впрочем, вам тогда мог пособить братец – ах, веселый был мальчик Вэлентайн Балмер! Вы тоже были лихим пареньком, мастер Фрэнси. Скольких хлопот стоило мне держать вас обоих в узде, когда вы, бывало, затеете что-нибудь! Но вы-то были чуточку поспокойней, чем Вэлентайн. И какой красивый был мальчишка! Глаза – прямо алмазы, щеки – что розовый цвет, волосы пышней, чем куст вереска. До него ни на ком не видела я бакенбард – впрочем, нынче всякий норовит обойти цирюльника. А смеялся он так, что мертвого поднимет! И бранили-то его, и хохотали над ним, и ни на кого другого не глядели, когда этот Вэлентайн жил здесь. Как теперь поживает ваш братец Вэлентайн Балмер, мастер Фрэнси?

Тиррел опустил глаза и только вздохнул в ответ.

– Ах, вот что! – воскликнула Мег. – Неужели бедный мальчик так рано покинул наш горестный мир? Увы, всем нам идти одним путем: все мы – битые кувшины, разошедшиеся бочки, все мы – сосуды с течью, и не удержать нам в себе вина жизни, нет, где уж там! А этот бедный мальчик Балмер, не был ли он родом из Балмер-Бэй, той гавани, где выгружают голландскую водку, как вы полагаете, мастер Фрэнси? Там еще и черным чаем торгуют... А чай-то, что я вам приготовила, как он вам показался, мастер Фрэнси?

– Чай превосходный, хозяйюшка, – ответил Фрэнсис Тиррел.

Однако по тону, каким это было сказано, ей стало ясно, что она затронула в разговоре предмет, пробудивший в нем неприятные мысли.

– А когда же умер этот бедный юноша? – продолжала Мег, которой не были чужды свойства праматери Евы и которой поэтому захотелось узнать, что же так взволновало постояльца. Но, обманув ее ожидания, он повернулся к окну и, взглядываясь в отдаленные строения вокруг источника Святого Ронана, постарался направить ее мысли в другую сторону. Словно впервые заметив эти новые дома, он равнодушно произнес:

– А у вас, однако, завелись веселые соседи, хозяйка.

– Соседи! – подхватила Мег, и гнев ее тотчас разгорелся, как случалось всегда, едва касались этого больного места. – Называйте их соседями, коли хотите, а для Мег Додз было бы легче, если б черт унес их всех подальше.

– Наверное, – сказал Тиррел, словно не замечая ее неудовольствия, – это тот отель Фокса, о котором мне рассказывали?

– Фокс⁷, – сказала Мег, – как раз та самая лиса, что унесла всех моих гусей. Я давно бы прикрыла свое заведение, мастер Фрэнси, если б жила только с него. Ведь всех здешних помещиков я помню с пеленок и почти всех кормила пряниками и сахарным печеньем из собственных рук. А они предпочтут увидеть, как на доме моего отца провалится крыша и задавит меня, но не соберут по медной полушке, чтобы было чем подпереть ее. Зато каждый из них отвалил по пятидесяти фунтов на постройку отеля на ихних водах. И много же заработали они на нем! Ведь Сэнди Лоусон обанкротился и за целый год не отдал им и полпенни арендной платы.

– Знаете, хозяйюшка, я считаю, что раз источник так славится своей целебной силой, здешним помещикам следовало бы предложить вам проповедовать его свойства.

– Мне, проповедовать! Я, право, не держусь квакерской веры^[34], мастер Фрэнси, и не слыхивала, чтобы трактирщица принялась проповедовать – разве что матушка Бакен^[35] в западной стороне. А если б пришлось мне взяться за это дело, так ведь во мне шотландская кровь, и у меня хватило бы ума не читать проповедей в том самом помещении, где танцуют всю неделю каждый вечер, не исключая субботы, да еще до самой полночи. Нет, нет, мастер Фрэнси, пусть уж этим занимается мистер Саймон Четтерли – так, кажется, зовется юркий маленький попик, выписанный к ним из города. Он играет в карты, шесть дней в неделю танцует, а на седьмой читает вслух требник в бальном зале, и пьяный цирюльник Тэм Симеон помогает ему вместо причетника.

– Я уже, кажется, слыхал что-то о мистере Четтерли, – сказал Тиррел.

– Вы, верно, вспомнили ту проповедь, что он напечатал, – сердито сказала хозяйка. – Этот безмозглый дурак, этот пустой болтун говорит, что его грязная, вонючая лужа – настоящая купель Вефизды^[36].

Ему бы следовало знать, что слава про этот родник пошла в мрачные времена папизма. И хоть ключ окрестили именем святого Ронана, я никогда не поверю, чтобы этот добрый человек отвечал за такой источник. Мне говорили знающие люди, что он вовсе и не католик был, а просто талдей, или халдей, или вроде того. А не выпить ли вам еще чашечку чаю, мастер Фрэнси? С кусочком бисквита? Я его пеку на домашнем масле, а не на остатках кухонного жира, как все то, что продают внизу у кондитера. У него в печенье больше дохлых блох, чем тмину. Нечего сказать, кондитер! Пусть мне дадут на пенни ржаной муки, да еще на пенни патоки, да два-три зернышка тмина, и я напеку сластей получше тех, что выходят из его печи.

– Ничуть не сомневаюсь, миссис Додз, – согласился постоялец. – Дивлюсь только, как удалось обосноваться здесь чужим людям, когда тут есть такая давнишняя и хорошо извест-

⁷ Fox – лисица (англ.).

ная гостиница, как ваша. Все дело, вероятно, в минеральной воде. Но как случилось, хозяйка, что об этой воде вдруг заговорили?

– Не знаю, сэр. Вода считалась у нас никуда не годной, разве что какие-нибудь бедняки купали в ней золотушного ребенка, когда у них не было на что купить солей. Но миледи Пенелопа Пенфезер захворала какой-то особенной болезнью, какой до нее никто на свете не хворал, и ее надо было лечить по-особенному, как еще никого не лечили. Что ж, оно, пожалуй, и правильно. Сами знаете, ей ума не занимать, и у нее в поместье Уинди Уэй, том самом, что ее светлости угодно называть Воздушным замком, гостят все эдинбургские умники. У каждого из них свое умение – один сочиняет стихи и рассказы, не хуже чем Роб Бёрнс^[37] или Аллен Рэмзи. Другие лазают по горам и долам и расколачивают молотком камушки, словно они спятили с ума, мостивши дорогу, – говорят, будто им хочется узнать, как мир сотворен! Есть среди них и такие, что бренчат на всяческих скрипках и гитарах. А несколько несчастных рисовальщиков торчат по окрестным утесам, взгромоздившись на верхушку как вороны: вашим делом занимаются, мастер Фрэнси. Потом еще те, что побывали в чужих краях или говорят, будто побывали, а это, сами знаете, все одно. Да еще разные девицы, неряхи длиннохвостые; они щеголяют разными глупостями, которые надоело проделывать самой миледи, точь-в-точь как ее вертлявые служанки, что донашивают ее платья. И вот после счастливого, по их словам, выздоровления ее светлости вся эта перелетная стая отправилась однажды вниз и расселась у родника. Там они пообедали на голой земле, словно цыгане какие, и тут начались песни и романсы во славу источника, как они величают наш ручеек, и в честь леди Пенелопы Пенфезер. Наконец они порешили выпить всем кругом по полному стакану воды из ключа, от чего, говорят, со многими по дороге домой приключилась изрядная беда. Все это называлось у них пикником, будь они неладны! Так под дудку ее светлости закрутилась вся эта карусель, и каких только лихих плясок не отхватывали они с тех пор! Потому что затем налетели туда каменщики и кондитеры, проповедники и актеры, епископальники^[38] и методисты^[39], шуты и скрипачи, паписты и пирожники, доктора и аптекари, да еще, конечно, лавочники, что торгуют разной чепухой и мишурой и ломают за нее тройную цену. И стал расти новый поселок у источника, и зачах добрый старый Сент-Ронан, где порядочные люди умели радоваться и веселиться задолго до того, как появились эти шуты и в их безмозглых головах завелись такие дурацкие причуды.

– А что сказал на все это ваш хозяин, сент-ронанский лэрд? – спросил Тиррел.

– О каком это моем хозяине вы спрашиваете, мастер Фрэнси? Сент-ронанский лэрд мне вовсе не хозяин, вы это и сами должны бы помнить. Нет уж, слава богу! Мег Додз сама себе и хозяйка и хозяин. Хватит того, что дверь у меня открыта даже в Троицу и в Мартынов день^[40], мастер Фрэнси. Ведь у почтенного мастера Байндлуза, помощника шерифа, в его кабинетике, в одном из отделений письменного стола, лежит старый кожаный кошель – там найдется и грамота, и инвестиатура^[41], и судебное извещение вдобавок, все точка в точку. Справьтесь, коли хотите.

– Я совсем забыл, – сказал Тиррел, – что гостиница принадлежит вам. Зато я помню, что у вас есть земли в округе.

– Может быть, да, а может быть, и нет – ответила Мег. – А если да – так что с того? Вам, кажется, хотелось узнать, что же сказал на все эти нововведения наш лэрд, дед которого был когда-то хозяином моего отца? Лэрд кинулся на деньги, как петух на крыжовник, и сдал в аренду весь этот славный луг у источника, тот, что зовется Сент-Уэлхолм. Был это, пожалуй, лучший кусок земли во всех его владениях. И эту землю он отдал, чтобы ее кромсали, и крошили, и ковыряли, как только вздумается Джоку Эшлеру – он каменщик, но теперь вздумал называться архитектором. В новом мире и слова новые – лишняя забота для старых людей вроде меня. Стыд и срам молодому лэрду, что он пустил отцовское наследие по ветру,

а оно, похоже, так и будет. И горько мне это видеть, хоть и не моя печаль, что станется с ним и с его имуществом.

– А поместьем владеет все тот же Моубрей? – спросил мистер Тиррел. – Тот старый джентльмен, с которым я еще повздорил...

– Из-за того, что стреляли куропаток на Спрингвелхедской пустоши? – договорила Мег. – Ох, сынок! Славный мистер Байндлуз ловко вызволил вас тогда. Нет, нет, в поместье сидит теперь не старик, а его сын, Джон Моубрей. А тот уж лет шесть-семь как спит крепким сном у сент-ронанской церкви.

– И он не оставил других детей, – спросил Тиррел дрогнувшим голосом, – кроме теперешнего лэрда?

– Другого сына он не оставил, – ответила Мег. – И этого за глаза довольно. Разве что нашелся бы у него сынок получше этого...

– Значит, кроме этого сына, после него детей не осталось? – переспросил Тиррел.

– Да нет, – сказала Мег, – есть еще дочка, мисс Клара, она ведет хозяйство лэрда, если можно назвать это хозяйством. Он сам ведь больше пропадает внизу у источника, так что им в Шоуз-касле много варить не приходится.

– Мисс Клара, наверно, очень скучает в отсутствие брата? – спросил приезжий.

– Вовсе нет! Он часто берет ее с собой, и она носится взад и вперед вместе с разодетыми в пух и прах болтунами, которые туда съезжаются, здороваются с ними за руку и не отстают от них в танцах и потехах. Я думаю, беды с нею не приключится, но стыдно все-таки дочери ее отца водиться со всяким сбродом, со студентами-медиками, учениками стряпчих, разъезжими купцами и прочей дрянью, что понаехала к источнику.

– Вы слишком строги, миссис Додз, – возразил постоялец. – Мисс Клара, наверно, так ведет себя, что достойна всяческой свободы.

– Я не собираюсь говорить ничего дурного о ее поведении, – заявила хозяйка, – и, насколько я знаю, нет для этого никаких поводов, мастер Фрэнси. Мне только больше нравится, когда масть к масти подбирается. Никогда я не досадовала, если здешние помещики в былые годы устраивали балы в моем домишке. Съезжались они сюда – старики в каретах, запряженных длиннохвостыми вороными конями, brave кавалеры – на своих охотничьих лошадях, порядочные дамы садились позади своих муженьков, а девушки-хохотушки – на мохнатых пони. Вот было веселье! Ну и что с того? Бывали и крестьянские балы. Тут приходили крепыши фермерские сынки в новешеньких синих чулках и замшевых штанах. Эти сборища проходили прилично: ведь люди все были свои, все знали друг друга. На одном балу фермер плясал в одной паре с фермерской дочкой, на другом – кавалер со знатной дамой. Подчас иной джентльмен из Килнакелти-клуба пройдет по кругу со мною, потехи ради, а я, бывало, так смеюсь, что мне не под силу браниться. И, право, никогда я не спорила против таких простых увеселений, хотя мне, бывало, потом за неделю уборки не управиться с беспорядком.

– Однако, хозяйюшка, – заметил Тиррел, – следовать вашим правилам довольно трудно для приезжих вроде меня; как найти себе пару на таких семейных вечерах?

– Ну, мастер Фрэнси, об этом беспокоиться нечего, – хитро подмигнув, ответила хозяйка. – Парень без девушки не останется, как ни верти. А на худой конец, лучше уж потрудиться и поискать себе пару на один вечер, чем связываться с кем-нибудь, от кого назавтра не знаешь как отделаться.

– А так иногда случается? – спросил приезжий.

– Случается ли? Это среди публики у источника? – воскликнула хозяйка. – Да прошлый сезон еще к концу не пришел, как молодого сэра Бинго Бинкса – паренька из Англии в красном мундире, того, что завел себе целую почтовую карету и сам в ней за кучера, – уже изловила Рэчел Бонниригг, долговязая дочка старой леди Лаупенгерт. Они дотанцевались вдвоем

до того, что о них стали говорить больше чем следовало. Мальчишка и рад бы на попятный, да старуха взялась за него ретиво, и с помощью консисторского суда и еще чего-то девушка быстро стала сиятельной леди Бинкс, несмотря на всю неохоту сэра Бинго. Сейчас он не решается везти ее к своим в Англию, и они так и сидят круглый год здесь на водах – вот до чего могут воды довести!

– И Клара – я хотел сказать: мисс Моубрей – встречается с такими дамами? – спросил Тиррел с плохо скрытым беспокойством.

– Что она может поделать, бедное создание! – сказала хозяйка. – Ей приходится водиться с теми, с кем водится брат, ведь она от него зависит, ясное дело. Но, впрочем, мне и самой кое-что сделать следует, пока не стемнело, дел хватает. Заболталась я с вами, мастер Фрэнси.

Мег решительно зашагала прочь, и молодой человек вскоре услышал, как она громким, звучным голосом отчитывает своих служанок.

Тиррел с минуту посидел в раздумье, потом взял шляпу и вышел. Сначала он заглянул в конюшню: конь, насторожив уши, приветствовал его тихим дружеским ржаньем, которым лошади всегда встречают появление любящего и любимого друга. Убедившись, что для его верного товарища сделано все надлежащее, Тиррел воспользовался долгими, медлительными сумерками и посетил старый замок – дорога к нему и ранее была самой приятной его вечерней прогулкой. Пока хватало света, он оставался там, любуясь видом, который мы пытались описать в первой главе. Он снова погрузился в свои думы, и тускнеющие краски лежавшей перед ним местности напомнили ему угасающий цвет жизни, когда юность и надежда уже перестают золотить ее.

Потом он быстрым шагом вернулся в гостиницу. Прогулка и легкий ужин, состоявший из гренков с сыром и домашнего эля, настроили его мысли на более веселый или, по крайней мере, на более спокойный лад. И в синюю спальню, которой он все-таки удостоился, Тиррел вошел в качестве если и не совсем счастливого, то все-таки довольного жильца.

Глава III

Состав министерства

*Правительство любому строю нужно:
Царица есть у пчел, вожак у ланей;
Власть консулам вручали в Древнем Риме;
В Афинах власть была в руках архонтов...
Мы, сударь, учредили комитет^[42].*

«Хроника Сент-Ронанских вод»

На следующий день Фрэнсис Тиррел окончательно обосновался в комнатах, где квартировал раньше, и объявил, что намерен прожить здесь еще несколько дней. Старик, издавна отправлявший в Сент-Ронане должность посыльного, доставил его дорожный сундук и удочки, а также письмо к Мег, написанное на прошлой неделе, в котором Тиррел просил ее приготовиться к приезду доброго знакомого. Мег весьма благосклонно приняла изрядно запоздалое извещение. Она заявила, что «это очень любезно со стороны мастера Тирла» и что «Джон Хислоп хоть и не так уж проворен, но зато надежнее всякой ихней почты, даже самой спешной». С удовлетворением отметила она также, что в багаже ее постояльца не оказалось футляра с ружьем.

— Ведь эта самая стрельба уже раз довела до беды и его и меня: окрестные лэрды подняли крик, будто я устраивала в своем доме приют для браконьеров и стрелков по чужой дичи! А как было помешать двум отчаянным мальчишкам забираться на чужие поля? Они бродили по самому краю соседской земли, где им позволили охотиться, — им было не до межевых столбов, когда куропатка взлетела.

Следующие несколько дней Тиррел вел такой тихий и замкнутый образ жизни, что Мег, будучи сама весьма беспокойным и суетливым созданием, стала сердиться — он задавал ей куда меньше хлопот, чем она ожидала. Крайнее безразличие и равнодушие постояльца ко всему на свете внушало ей чувство, какое испытывает, вероятно, умелый наездник, оседлавший слишком смиренного скакуна и досадующий, зачем он почти не чувствует коня под собою. Гуляя по окрестным лесам и холмам, Тиррел выбирал самые глухие и уединенные места. Часто удочка его просто оставалась дома или служила только предлогом для того, чтобы не спеша брести вдоль какого-нибудь ручейка. Успехи же его в рыбной ловле были так слабы, что Мег уверяла, будто волынщик из Пиблза^[43] успеет наловить полную корзинку форелей, пока мастер Фрэнси выудит полдюжины. В конце концов Тиррелу ради спокойствия хозяйки и спасения своей репутации пришлось изловить крупного лосося.

Рисование (или «малевание», как называла это занятие Мег) подвигалось тоже очень медленно. Правда, вернувшись с прогулки, постоялец часто показывал хозяйке наброски, которые обычно заканчивал дома, но она расценивала их очень невысоко.

— Что проку, — говаривала она, — в клочках бумаги, на которых что-то намазано черным и белым! И по-вашему, мастер Фрэнси, это кусты, деревья и утесы? Неужели вы не можете рисовать зеленым, голубым и желтым, как другие? Так не проживешь! Вам бы натянуть большой кусок холста, как делает Дик Тинто, да рисовать людей. Им на себя куда приятней глядеть, чем на разные утесы над рекой. Я бы даже не возражала, если бы приходил кто-нибудь с источника и сидел бы тут, чтобы вы делали с него портрет. Они, поди, и не так еще время тратят, а вы уж наверняка заработали бы на этом по гинее с души. Дик-то получал и

по две, да он уж наловчился и руку набил – ведь пока ходить научишься, сначала и ползать доведется.

В ответ на такие уговоры Тиррел уверял Мег, что рисунки, которым он посвящает свое время, нынче в большой цене и художник подчас получает за них больше, чем за портреты или пейзажи в красках. Он прибавил, что рисунками часто иллюстрируют известные поэтические произведения, и дал понять, что и сам занимается такого рода работой.

О великих достоинствах своего жилья как художника Мег поспешила объявить Нелли Троттер – рыбной торговке, чья тележка служила единственным нейтральным средством сообщения между Старым городком и Сент-Ронанскими водами. Мег благоволила к Нелли Троттер, потому что та на своем пути к новому поселку проезжала мимо гостиницы и хозяйка всегда могла забрать у нее лучшую рыбу. По правде сказать, матушку Додз так раздражали и даже расстраивали известия о разных личностях, достигших высокой степени в области науки и искусства и каждодневно прибывавших в отель, что она была вне себя от радости, когда ей представилась счастливая возможность побить противника его же оружием. И поэтому она трубила, как могла, о талантах своего постояльца.

– Мне надо выбрать самое лучшее, Нелли, что только есть в твоей тележке, – если мы столкнемся, конечно. Ведь я все это беру для самого лучшего живописца. Твои красавцы и красавицы ничего бы не пожалели, лишь бы поглядеть, что он рисует. Проведет три прямых да три косых черточки и сразу получает пригоршню золота. И он вовсе не какой-нибудь неблагодарный бездельник вроде Дика Тинто: тот положил в карман мои двадцать пять шиллингов, да и отправился вниз пропивать деньги в ихнем распрекрасном отеле. Нет, он скромный, тихий юноша; знает, где ему лучше, и живет себе спокойно в старом пристанище. Вот как! Передай им все это и послушай, что они скажут.

– Ну, сударыня, это я наперед знаю, нечего мне зря и ноги топтать, – ответила Нелли Троттер. – Они скажут, что вы старая дура, да и я тоже. И что мы, пожалуй, знаем толк в курином бульоне или в печеной рыбе, но во все остальное нам совать нос нечего.

– Чтoб они сказали такое, наглецы, негодяи! – закричала Мег. – Да я тридцать лет веду свое хозяйство! Пусть только попробуют сказать мне это в лицо! У меня слова не пустые! Я, может быть, уже толковала со священником и показывала ему один такой листок из тех, что мастер Тирл разбрасывает по своей комнате! И, может быть, священник мне рассказывал, как лорд Бидмор на его глазах отдал пять гиней за картинку похуже этой! Ведь всему свету известно, что наш пастор долго служил учителем в доме этого лорда!

– Знаете, – возразила ее приятельница, – если я и перескажу им все это, они мне едва ли поверят. Среди них столько знатоков и они так высоко ставят себя и так низко – всех остальных, что коли вы не пошлете им эту самую картинку, так, по-моему, они не поверят ни одному моему слову.

– Не поверят словам порядочной женщины? Даже двух сразу! – воскликнула Мег. – О, времена безверия! Ну хорошо, раз уж на то пошло, Нелли, так ты снесешь вниз эту картинку, или набросок, или как там его (я-то всегда считала, что бросают только худое); ты снесешь его, чтобы устыдить всю эту чванливую компанию. Но смотри же, принеси листок обратно, ведь это вещь ценная. И помни, Нелли: не выпускай его из рук, я не очень-то верю в их честность. Да, ты можешь еще сказать, что у него есть иллюстрированное произведение – *иллистрированное*, запомни это слово, Нелли, и ввертывай почаще; надо этим словом начинить свой рассказ, как индюка – салом.

И, снабженная верительными грамотами, словно герольд, направляющийся из одного государства в другое, Нелли покатила свою тележку с рыбой вниз, к сент-ронанскому источнику.

На минеральных водах, как и повсюду, где только собирается вместе род людской, формы правления устанавливаются обычно по прихоти случая или обстоятельств и бывают

самыми различными. Но, во избежание последствий безвластия, почти везде избирается какое-нибудь руководство. Иногда вся власть вверяется руководителю развлечениями. Правда, как и все деспотические формы правления, строй такого рода ныне вышел из моды, и за последнее время власть этого сановника стала ограниченной даже в Бате, где когда-то единолично правил всемогущий Нэш^[44]. Теперь, в качестве более либерального способа правления, получили распространение распорядительные комитеты, избираемые из числа наиболее постоянных посетителей курорта. Такому комитету и была вверена власть над новорожденной республикой, получившей название Сент-Ронанских вод. Надо заметить, что отправление этим маленьким сенатом столь высоких обязанностей осложнялось тем, что, как во всякой республике, подданные разделились здесь на два враждебных и соперничавших между собою лагеря. Каждый день они вместе ели, пили, плясали и веселились – и в то же время с ожесточением, присущим политическим партиям, ненавидели друг друга, старались всеми правдами и неправдами привлечь на свою сторону всякого новоприбывшего и со всем остроумием и язвительностью, на какие только были способны, высмеивали нелепые затеи и безумства, в которые пускалась противная сторона.

Во главе одной из этих партий стояла сама леди Пенелопа Пенфезер, та самая, которой Сент-Ронанские воды были обязаны своею славой и даже своим существованием. Ее влияние уравнивалось лишь влиянием вождя другой фракции – владетельного мистера Моубрея сент-ронанского, или сквайра^[45], как его обычно именовали в обществе на английский манер, столь ненавистный хозяйке старого подворья.

Знатность и богатство леди, ее притязания на таланты, красоту (хотя уже несколько поблекшую) и значение в свете, которое она самочинно приписывала себе, собирали вокруг нее художников, поэтов, философов, ученых, ораторов, заморских искателей приключений *et hoc genus omne*⁸.

С другой стороны, влияние сквайра, человека родовитого, который имел владения в здешнем краю, держал борзых и пойнтеров и, на худой конец, умел хоть поговорить об охотничьих и скаковых лошадях, обеспечивало ему в трех ближних графствах поддержку всего сословия молодых повес, как чистокровных, так и полукровок. Когда оказывались необходимы дополнительные приманки, он всегда мог пожаловать друзьям право охоты в своих угодьях, а ведь одного этого достаточно, чтобы у любого молодого шотландца любых времен сразу закружилась голова.

За последние полгода значение мистера Моубрея еще возросло благодаря тесной дружбе с сэром Бинго Бинксом, тем мудрым английским баронетом, который, стыдясь, по общему мнению, возвращаться в родные края, обосновался в Сент-Ронанских водах и наслаждался здесь счастьем, любезно навязанным ему каледонским Гименеем^[46] в лице мисс Рэчел Бонниригг. Поскольку этот джентльмен действительно правил принадлежавшей ему настоящей почтовой каретой, отличавшейся от почтовых карет его величества короля английского лишь тем, что она чаще опрокидывалась, его влияние среди людей известного круга оказывалось непререкаемым, и сент-ронанский сквайр, как человек из них двоих более умный, пожинал все выгоды, которые могла в этом смысле принести ему дружба сэра Бинго.

Эти две борющиеся за власть партии по силе настолько равнялись друг другу, что преобладание каждой из них часто определялось движением солнца по небосводу. Так, с утра и до полудня, когда леди Пенелопа уводила свою паству в тенистые дубравы, чтобы посещать там руины какого-нибудь памятника древних времен, вкушать на траве завтрак и портить хорошую бумагу плохими рисунками, а хорошие стихи – декламацией, одним словом

Стихами бредить меж дерев зеленых, –

⁸ И всех людей подобного рода (*лат.*).

в это предобеденное время власть ее светлости над повесами и бездельниками представлялась абсолютной и ничем не ограниченной, всё и вся втягивалось в некий *tourbillon*⁹, осью и центром которого являлась она сама. Подчас следовать за ней бывали вынуждены даже охотники, стрелки и горькие пьяницы. Надувшись, пренебрежительно посмеиваясь над ее поэтическими празднествами и подбивая на смешки младших нимф, которым надлежало бы проявлять подобающую чувствительность, они все же тащились в ее свите.

После обеда, однако, все менялось. Наисладчайшие улыбки ее светлости, самые нежные ее приглашения часто не в силах были привлечь к чайному столу нейтральную часть дам и кавалеров. Теперь ее общество ограничивалось лишь теми, кого здоровье и состояние финансов вынуждали пораньше покинуть обеденный стол, да наиболее преданными и рьяными из ее ближайших приспешников и вассалов. Случалось иногда, что колебалась верность даже и этих последних. Ее собственный поэт-лауреат, для которого она вытягивала пожертвования из каждого новоприбывшего, до того осмелел, что однажды в присутствии ее светлости спел за ужином песенку довольно двусмысленного содержания. В другой раз ее главный художник, делавший иллюстрации к сочинению «Любовь растений»^[47], в ответ на обычную дозу критики со стороны ее светлости позволил себе в хмельном задоре не только начисто отвергать ее мнение о своем творчестве, но и договорился до того, что-де с ним следует обходиться как с джентльменом.

Эти распри уладил распорядительный комитет, который ходатайствовал перед леди Пенелопой за раскаявшихся наутро грешников и на умеренных условиях добился возвращения им ее милости. Много совершал комитет и других актов умягчения власти в целях успокоения раздора и поддержания мира среди сограждан. Процветание поселка всецело зависело от его деятельности, и, если б не это высокое учреждение, Сент-Ронанские воды, вероятно, давно бы опустели. Поэтому мы обязаны хоть кратко описать могущественный сенат, которому обе партии, соединившись вместе и как бы жертвуя собственными интересами, вручили бразды правления.

Каждого из лиц, в него входивших, избирали, видимо, так, как в сказке про Фортунно^[48] красавица выбирала себе товарищей – то есть за его особый дар. Первым в списке стоял врачеватель – доктор Квентин Квеклебен. Свою привилегию распоряжаться на водах всеми лечебными делами он основывал на принципе, по которому право владения на новооткрытые земли исстари закреплялось за первым пиратом, учинившим грабеж на их берегах. Признание заслуг доктора, который впервые провозгласил и установил целебные свойства источника, имело следствием водворение его здесь как первейшего врача и ученого. В качестве ученого он был вправе заниматься всем – от варки яиц до чтения лекций. Он, как многие из его собратий, действительно мог предложить пациенту с дурным пищеварением и отраву и противоядие, поскольку был таким же знатоком в гастрономии, как сам доктор Редгил или какой-нибудь другой знаменитый врач, писавший по вопросам кулинарии, вроде доктора Монкрифа из Типпермалоха, покойного доктора Хантера из Йорка или доктора Китчинера из Лондона. Но всевластие всегда вызывает зависть, и врачеватель благоразумно уступил обязанности заведующего провиантом и главного кравчего другому джентльмену, который в качестве знатока искусств и судьи хорошего тона постоянно и *ex officio*¹⁰ занимал место во главе стола. За собой же доктор сохранил право съедать все лучшие блюда с общего стола и привилегию иногда критиковать их. В заключение характеристики ученого доктора нам остается сообщить читателям, что это был высокий тощий джентльмен с хмурым лицом и в плохо сделанном черном парике с баками, которые отставали от его впалых щек. Девять

⁹ Вихрь (*фр.*).

¹⁰ По обязанности (*лат.*).

месяцев в году он проводил в Сент-Ронане и, как подозревали, выколачивал здесь немалые деньги, особенно потому, что превосходно играл в вист.

Вторым по действительной власти, хотя, пожалуй, первым по чину, был знаток искусств мистер Уинтерблоссом – человек обходительный, щепетильный и изысканный в обращении. Он пудрил волосы и носил косичку, у колена – пряжки с поддельными бриллиантами, а на пальце – перстень с печаткой размером побольше, чем у сэра Джона Фальстафа^[49]. Было у него в лучшую пору именице, которое, как и подобает джентльмену, он промотал, живя на широкую ногу. Короче говоря, он был как бы одним из тех почтенных звеньев, что соединяют современного фата с фатом прошлого столетия, и мог сравнить безумства обоих, проверив их на своем собственном опыте. Когда он стал постарше, он набрался благоразумия и кое-как расстался с рассеянным образом жизни, правда успев уже расстроить и здоровье и состояние.

Теперь мистер Уинтерблоссом жил на скромную ренту и, заняв место постоянного председателя за табльдотом на Сент-Ронанских водах, нашел способ, как примирить скудные средства с большим обществом и всегда накрытым столом. Он развлекал собравшихся анекдотами, предметом которых были Гаррикс^[50], Фут^[51], Боннел Торнтон^[52] или лорд Келли^[53], и изрекал свое мнение по всем вопросам, требовавшим хорошего вкуса. Он превосходно резал жаркое и умел без ошибки наделить каждого гостя тем, что ему подобало, а в награду за свои труды никогда не забывал приберечь лакомый кусок для себя самого. Добавим, что он был знатоком изящных искусств и, во всяком случае, разбирался в живописи и музыке. Впрочем, ему доступна была лишь техническая сторона искусства, а не то в нем, что согревает сердце и возвышает душу. И в самом мистере Уинтерблоссоме не было ничего сердечного или возвышенного. Был он хитер, эгоистичен и сластолюбив, хотя последние два свойства скрывал от окружающих под лоском внешней любезности. Поэтому, исполняя за столом обязанности хозяина и как будто во всех тонкостях следуя правилам хорошего воспитания, он не позволял прислуге подавать остальным гостям, пока не бывали полностью удовлетворены его собственные прихоти.

Мистер Уинтерблоссом был также обладателем нескольких любопытных гравюр и других предметов искусства, показывая которые он помогал иногда скоротать в гостинной пасмурное утро. Собрана была его коллекция *viis et modis*¹¹, как говаривал, многозначительно подмигивая, законник – другой важный член комитета.

Об этой личности сказать почти нечего. Он был широк в кости, шумен в обращении, красен лицом, весьма немолод, и звали его Миклем. Будучи местным адвокатом и присяжным стряпчим, он улаживал дела сквайра с изрядной выгодой его или своей, а то и обоих. Посредине его широкого грубого лица, как медный угольник на диске старинных солнечных часов, торчал сдвинутый набок нос. В своем деле он держался таким забиякой, словно оно было военным, а не штатским занятием. Старик вел все формальности по разбивке на делянки для построек сент-ронанской поймы, которую так оплакивала матушка Додз, и находился в прекраснейших отношениях с доктором Квеклебенем, который всегда рекомендовал его своим пациентам, когда дело доходило до составления завещания.

После законника шел воин – капитан Мунго Мак-Терк, бывший лейтенант шотландского полка в отставке, и притом довольно давней. Вину он предпочитал крепкий пунш и *per diem*¹² приканчивал – в чистом виде или в виде пунша – почти целую бутылку виски, если удавалось ею раздобыться. Он именовался защитником мира и спокойствия на том же основании, на каком констеблям, полицейским с Боу-стрит^[54] и тому подобным чинам, снабженным дубинками для проламывания голов и непременно и законным участникам любой

¹¹ Всеми правдами и неправдами (*лат.*).

¹² В день (*лат.*).

драки и свалки, присваивается наименование блюстителей порядка. Основание это заключалось в том, что его доблесть принуждала других к осторожности. Капитан бывал главным третейским судьей при разборе тех пустых распрей, которые во всех подобных местах легко вспыхивают по вечерам и преспокойно улаживаются наутро, а подчас и сам заводил ссору, желая сбить спесь с какого-нибудь чрезмерно задиристого новоприезжего. Эта должность доставляла капитану Мак-Терку великое уважение обитателей Сент-Ронанских вод, ибо он был из тех, кто рад сразиться с первым встречным, кому отказать в этом нельзя было ни под каким предлогом, поединок с кем представлял значительную опасность (Мак-Терк не раз доказывал на деле, что умеет затушить свечу выстрелом из пистолета) и, наконец, столкновение с кем не приносило противнику ни чести, ни славы. Капитан всегда ходил в синем сюртуке с красным воротником, сохранял высокомерное молчание, заедал крошенный лук порей куском сыра, а цветом лица напоминал копченую селедку.

Остается упомянуть еще пастыря – кроткого мистера Саймона Четтерли, который случайно попал на Сент-Ронанские воды с берегов то ли Кэма^[55], то ли Айзиса^[56] и более всего гордился знанием греческого языка да своим любезным обхождением с дамами. По будним дням, как уже намекала тетушка Додз, сей преподобный джентльмен либо заседал за карточным столом, либо пребывал в бальном зале, в зависимости от того, кому в тот вечер он был нужен в качестве партнера – молодой девице или пожилой матроне. По воскресеньям же он читал молитвы в столовом зале – для всех, кто пожелает его слушать. Кроме того, он умел придумывать шарады и разгадывать загадки и был главным помощником мистера Уинтерблоссом по части изобретения запутанных и романтических маршрутов на холм, который высился позади отеля и на который зигзагами, словно ходы сообщений между траншеями, вели извилистые тропинки. С вершины его открывался чудесный вид, а тропинки, выбранные мистером Уинтерблоссом и преподобным мистером Четтерли, поднимались в гору достаточно круто, чтобы джентльмен мог в качестве опоры предложить даме свою руку, а дама – принять ее, ничуть не нарушая приличий.

Числился в этом славном комитете еще один участник – мистер Майкл Мередит, которого мы можем назвать увеселителем, или, если угодно, местным Джеком Пудингом^[57]. Его делом было по мере сил отпускать шуточки и распевать забавные песенки. Однако, к несчастью, этот деятель вынужден был вскоре удалиться с Сент-Ронанских вод: забыв, что на нем нет все-таки пестрого кафтана, гарантирующего права и привилегии шутовского сословия, он как-то отпустил остроту насчет мистера Мак-Терка. Шутка задела капитана за живое, и мистер Мередит уж сам рад был убраться хоть к черту на кулички. Где-то миль за десять от Сент-Ронана он нашел себе тайное убежище и теперь отсиживался там, выжидая, пока вмешательство его собратьев по высокому комитету поможет уладить дело.

Мы со всем доступным беспристрастием представили читателю джентльменов, правивших делами быстро растущего поселения. Каждый из них имел, разумеется, свои тайные симпатии: законник и воин втихомолку склонялись на сторону сквайра, а пастырь, мистер Мередит и мистер Уинтерблоссом предпочитали поддерживать леди Пенелопу. Таким образом, лишь один доктор Квеклебен, памятуя, вероятно, что джентльмены так же подвержены расстройству желудка, как дамы – расстройствам нервной системы, оказывался единственным, кто и на словах и на деле хранил самый строгий нейтралитет. Но так как эти мужи совета принимали близко к сердцу судьбы всего предприятия и так как каждый из них понимал, что его собственные выгоды, нужды и удовольствия в некоторой мере зависят от процветания поселка, они не позволяли своим личным пристрастиям влиять на их общественные обязанности и действовали каждый в своей сфере на благо и пользу общины.

Глава IV

Приглашение

В углу картины подпись живописца.
Прайор^[58]

Шум, всегда возникающий при конце обеда и переходе из столовой в гостиную, наконец затих. Стук ножей, вилок и тарелок, суетливый топот деревенских увальней, прислуживавших за столом и то пинавших друг друга ногами, то препиравшихся в дверях, в которые они стремились выйти все трое зараз, звон разбитых рюмок и бокалов, в суматохе сброшенных на пол, громкие вскрики хозяйки и негромкая, но яростная брань хозяина, – все стихло. Тем из гостей, кто имел своих слуг, соответственные Ганимеды подали соответственные бутылки с остатками водки или вина, которые вышеназванные Ганимеды еще не допили с вечера. Прочие гости, уже приученные мистером Уинтерблоссом к соблюдению такого обряда, терпеливо ожидали, пока собственные особые и многообразные нужды достойного председателя будут наконец удовлетворены. Его приказания выполняли опрятная молодая женщина и некий неуклюжий подросток, входившие в состав прислуги при гостинице; однако мистер Уинтерблоссом не позволял им заняться ни одним из гостей, пока не будут, как говорит гимн:

Исполнены его потребности все^[59].

– Дайна, а где же мой херес? Поставь-ка бутылочку сюда, Дайна. Вот и хорошо, голубушка. А ты, Тоби, принеси мне кувшинчик горячей воды, да смотри, чтоб кипела. Да постарайся уж как-нибудь не облить по дороге леди Пенелопу.

– Зачем же? Ведь ее светлости и так уже пришлось жарко сегодня, – сказал сквайр.

Впрочем, на это саркастическое замечание леди Пенелопы ответила лишь презрительным взглядом.

– И принеси мне сахару, Дайна, самого лучшего индийского сахару. Да еще, Дайна, лимон, самый свежий, из тех, что привезли утром. Сходи-ка, Тоби, за ним в буфет, да уж постарайся как-нибудь не слететь вниз головой по лестнице. А ты, Дайна – да постой же, Дайна, – не забудь мускатного, ореха и имбирю, голубушка. И потом положи-ка мне. Дайна, подушку за спину и поставь скамеечку под ноги, а то у меня палец на ноге что-то опять разболелся после утренней прогулки на вершину Бельведера^[60] с ее светлостью.

– Ее светлость может в обычном разговоре называть эту возвышенность как ей угодно, хотя в документах следует ее именовать Маунт-грэнзи, ибо под таковым названием она значится в старинных судебных извещениях и свидетельствах о ней, – вставил стряпчий.

– И еще, Дайна, подыми-ка мой носовой платок, – продолжал председатель, – и дай-ка мне, Дайна, сухарик, и... и... кажется, мне больше ничего не нужно. Поухаживай за гостями, голубушка. С превеликим удовольствием пью за здоровье всех присутствующих. Не сделает ли ваша светлость мне честь пригубить стаканчик негуса?^[61] Приготовлять негус я научился у сына старого Дартинефа – он всегда употреблял индийский сахар и прибавлял тамаринду^[62]. Тамаринд удивительно улучшает вкус. Дайна, не забудь напомнить отцу, чтобы он послал за тамариндом. Дартинеф кое-что смыслил в этом деле и, пожалуй, почти не отставал от своего отца, я с ним встречался в Бате в... Постойте, когда же это было? Гаррик как раз покидал сцену, значит, это было в... – И речь Уинтерблоссом лилась не переставая.

– А это что такое, Дайна? – спросил он, когда она подала ему свернутый в трубочку листок.

– А это Нелли Троттер (в отеле ее звали Нелли Топ-Топ) принесла от рисовальщика, что живет у той тетки (так грубо определила почтенную миссис Маргарет Додз эта зазнавшаяся вертихвостка)... у той тетки в Старом городке, в Клейкемском подворье^[63]. – Это название, кстати сказать, гостиница Мег получила из-за применения, которое на вывеске нашел для своего епископского посоха святой Ронан.

– Вот как! – сказал мистер Уинтерблоссом, важно вынимая очки и протирая их, прежде чем развернуть лист. – Наверно, пачкотня какого-нибудь мальчишки. Папаша и мамаша мечтают устроить его в нашу даровую школу, вот и подбираются ко мне, хотят, чтобы я принял в нем участие. Но я уже выдохся – я устроил за прошлый год троих юнцов. Пожалуй, ничего из этого не вышло бы, не пользуйся я особым влиянием у секретаря, который очень считается с моим мнением. Но уж так и быть... Ах, черт побери! Да что же это? Здесь видно и умение, и понимание гармонии! Кто бы это мог быть, миледи? Вы только посмотрите на линию горизонта – право, здесь что-то есть. Вот так рисунок, прелесть, право! Да кто же он такой, черт возьми? И как он попал в эту конуру в Старом городке, к этой злющей хрычовке – тысяча извинений, ваша милость! – что держит там постоянный двор?

– Мне кажется, миледи, – заговорила вдруг молоденькая девушка лет четырнадцати, и от сознания, что она говорит вслух, да еще перед таким многочисленным собранием, глаза у нее делались все круглей и круглей, а щеки все красней и красней, – мне кажется, миледи, это тот самый джентльмен, которого мы встретили на прогулке в новом лесу. Сразу было видно, что он джентльмен, только никто его не знал, и вы еще сказали, что он хорош собою.

– Я вовсе не говорила, что он хорош собою, Мария, – возразила леди, – дамы не говорят так о мужчинах. Я только сказала, что с виду он интересен и благовоспитан.

– А это, миледи, – с поклоном сказал, улыбаясь, молодой священник, – отзыв еще более лестный, и тут, наверное, все поддержат меня. Мы можем приревновать вас к этому незнакомцу.

– Ах, нет, – мило разболтавшись, с искренней и вместе с тем деланной наивностью настаивала Мария. – Ваша милость запомнили: вы тут же сказали, что не можете счесть его джентльменом, потому что он не побегал за вами с перчаткой, которую вы обронили. Тогда я сама пошла за перчаткой вашей милости, а он и не подумал предложить мне свои услуги, и я его разглядела лучше, чем ваша милость. И скажу про него, что он, несомненно, красив, хоть и не очень любезен.

– Вы слишком разговорились, мисс, – сказала леди Пенелопа, и от естественной краски, разлившейся по ее лицу, цвет румян, которые ее обычно заменяли, сильно сгустился.

– А вы что скажете на это, сквайр Моубрей? – спросил элегантный сэр Бинго Бинкс.

– Скажу, что это прямой вызов на бой, сэр Бинго, – ответил сквайр. – Когда дама роняет перчатку, джентльмену остается только уронить платок.

– Как вы стараетесь все перетолковать, мистер Моубрей, и притом всегда в мою пользу, – с достоинством сказала леди. – Я полагаю, мисс Мария сочинила свой рассказик вам в угоду. Миссис Диггз будет вполне права, если станет сетовать, что я ввожу ее дочь в общество людей, поощряющих такое поведение.

– Ну-ну, миледи, – вмешался председатель, – не стоит обращать внимание на шутку. Рисунок же действительно превосходен, и поэтому я просил бы вашу милость удостоить нас своим мнением – совместимо ли с приличиями для нас пойти навстречу этому кавалеру?

– По-моему, – сказала леди, лицо которой еще пылало гневом, – *кавалеров* у нас и так достаточно; жаль, что у нас гораздо меньше *джентльменов*. Вот поэтому дамам на Сент-Ронанских водах, пожалуй, и делать нечего.

Такого рода намеки безотказно действовали на сквайра, который умел показать свою воспитанность, когда хотел. В конце концов ему удалось умиротворить миледи. Но, сменив гнев на милость, она потребовала, чтобы впредь он в обеспечение своей учтивости приводил сюда свою сестру, иначе она не будет больше доверять ему.

– Миледи, – ответил Моубрей, – Клара чуточку своевольна, и вашей милости придется самой заняться ее приручением. Что бы вы сказали, если бы мы затеяли поездку в мое старое логово? Конечно, в доме холостяка нечего ждать порядка, но Клара сочтет честью...

Леди Пенелопа с радостью приняла предложение устроить пикник и, вполне примирившись с Моубреем, стала расспрашивать, может ли она пригласить и неизвестного художника, «если, разумеется, – добавила леди, оглядываясь на Дайну – он человек порядочный».

Дайна поспешила уверить леди, что «джентльмен, живущий у Мег Додз, – насквозь джентльмен и, кроме того, прорисованный поэт».

– Прорисованный поэт? Да что ты, Дайна! – воскликнула леди Пенелопа. – Ты, верно, хочешь сказать – «прославленный поэт»?

– С вашего позволения, вы совершенно правы, ваша милость, – ответила Дайна, приседая.

Веселый трепет нетерпеливого возбуждения тотчас охватил всю партию синих чулков; впрочем, для враждебной партии такая новость тоже не была вовсе безразлична. Первые, то есть синие чулки, принадлежали к тем, кто, подобно юному Асканию^[64], всегда надеется наткнуться на редкостную дичь, хотя чаще им удается вспугнуть всего лишь какую-нибудь скучную личность¹³. Остальные, покинув дома свои обычные дела и интересы, радовались случаю превратить самое обыденное происшествие в событие чрезвычайной важности.

– Прославленный поэт! – говорили принадлежавшие к первому роду. – Кто бы это мог быть?

Перебирали все имена, обследовали всю Великобританию, от холмов Шотландии до озер Камберленда^[65] и от Сиднемского луга^[66] до Сент-Джеймской площади^[67], и в поисках имени, соответствующего такому сильному эпитету, доходили даже до берегов Босфора^[68].

– Ведь он не только пишет дивные стихи, но и рисует бесподобно! Кто бы это мог быть? – вопрошали они.

А прочие бездельники, за отсутствием собственной догадки, подтягивали хором:

– Кто же, кто же это?

Винный клуб, куда входили самые избранные и самые стойкие приверженцы сквайра Моубрея и баронета, джентльмены, коим не под силу отказаться от бутылки кларета, чтобы приберечь ее для завтрашней пирушки, и коим нет никакого дела до вышеупомянутых изящных искусств, – этот Винный клуб тоже ухитрился на свой манер заинтересоваться художником.

– Знаете, баронетик, – говорил сквайр, – это тот самый малый, которого мы с вами видели внизу, у Ивовой заводи, в субботу. Он одет довольно порядочно и забросил двенадцатифутовую леску одной рукой – наживка упала на воду легче пушинки.

– Уф! – словно пес в слишком тесном ошейнике, выдохнул в ответ собеседник.

– Мы еще видели, как он вытащил лосося, – продолжал Моубрей. – Помните, отличная была рыбина, с отметинами на жабрах, весом, пожалуй, фунтов на восемнадцать.

– Шестнадцать, – со всеми признаками удушья проворчал сэр Бинго.

– Вранье, Бинг, – заявил его приятель. – Восемнадцать, а не шестнадцать!

– Нет, шестнадцать, черт побери! – каркнул баронет.

¹³ Асканию было одинаково любезно то и другое – «Optat aprum, aut fulvum descendere monte leonem» [Он желал, чтобы с горы спустился кабан или рыжий лев (лат.)], но современные троянцы гораздо привередливей на охоте, чем был он. (Примеч. авт.)

– Поспорим на дюжину бутылок с голубой печатью для всей компании? – предложил сквайр.

– Нет, будь я проклят! – прохрипел баронет. – Только для наших.

– Идет! – промолвил сквайр.

– Идет! – ответил баронет, и оба вытащили красные записные книжки.

– Кто же будет судьей в споре? – спросил сквайр. – Сам великий поэт, я полагаю? Его ведь собираются пригласить сюда. Впрочем, наши кривляки ему, наверно, придется не по нутру.

– Сам напишу ему, Джон Моубрей! – сказал сэр Бинго.

– Это вы-то, баронет? Вы напишете? Черт побери, меня не надует! Где вам! – усомнился сквайр.

– Напишу! – прорычал сэр Бинго более членораздельно, чем обычно.

– Да ведь вы не умеете! – заявил Моубрей. – Кроме тех прописей, за которые вас секли в школе, вы во всю свою жизнь не написали ни строчки.

– Умею и напишу! – сказал сэр Бинго. – Два против одного – напишу!

На этом дело остановилось, так как комитет приступил к бурному обсуждению наиболее приличного способа вступить в сношения с таинственным незнакомцем, и мистер Уинтерблоссом своим когда-то звучным, а теперь, на старости лет, весьма пискливым голосом уже взывал к собравшимся: «К порядку! К порядку!» Оба героя вынуждены были умолкнуть и, навалившись локтями на стол, могли лишь кашлем и зевотой выражать свое равнодушие к обсуждаемому предмету. Все прочие спорили так, словно дело шло о жизни и смерти.

– Необходимой подготовкой к приглашению, – высказалась леди Пенелопа Пенфезер, – должен стать визит, который от лица всех нас нанесет художнику кто-нибудь из джентльменов – например, мистер Уинтерблоссом, если он согласится взять на себя этот труд.

Мистер Уинтерблоссом выразил свое полное согласие с мнением миледи: он, конечно, рад был бы представлять общество, собравшееся на Сент-Ронанских водах. Однако, идя к художнику, надо подняться на холм. Миледи известно, что подагра, этот жестокий враг мистера Уинтерблоссом, только и ждет, как бы напасть на него. Для того чтобы лететь по приказу дам, здесь, наверно, найдутся другие джентльмены, моложе и достойней его – старого Вулкана. Он может указать хотя бы на храброго Марса или красноречивого Меркурия.

Тут мистер Уинтерблоссом отвесил по поклону в сторону капитана Мак-Терка и преподобного Саймона Четтерли. Затем он откинулся на спинку кресла и стал потягивать свой негус с самодовольной усмешкой человека, который тремя изящными фразами отделался от хлопотливого поручения. При этом он, вероятно по рассеянности, сунул в карман рисунок, который, обойдя стол, вернулся к председательскому месту, откуда началось его путешествие из рук в руки.

– Шорт побери, сударыня, – сказал капитан Мак-Терк, – я шитал бы шестью подшиться приказу вашей милости, но, клянусь, я никогда не хожу первый ни к кому, кто до этого не бывал у меня, разве что с вызовом от лица своего приятеля или с чем-нибудь в этом роде.

– Гляньте-ка на нашего знатока, – сказал сквайр баронету. – Он собирается прикарманить рисунок.

– Ну-ка, Джонни Моубрей, выложи это ему напрямик, – шепнул баронет.

– Благодарю покорно, сэр Бинго, – также шепотом ответил сквайр. – Уинтерблоссом нам под стать, хоть и постарел изрядно. Он не потерпит таких шуток. У него еще сохранилась пара уогденских пистолетов, которые славно служили ему в свое время. В стог сена он попадет не хуже любого из нас. Впрочем, погодите, теперь они взялись за пастора.

В самом деле, гости всем скопом старались уговорить мистера Четтерли нанести визит неведомому гению. Однако, хотя он улыбался и мялся и никак не осмеливался произнести

слово «нет», он все-таки смиреннейшим образом попросил разрешения отклонить от себя эту миссию.

Дело в том, сказал он в свое оправдание, что, возвращаясь однажды из сент-ронанского замка через так называемый Старый городок, он остановился у дверей Клейкемского подворья (он произносил это название на английский манер, с открытым «э» вместо первого «е»), в надежде получить стакан сиропа или глоток чего-либо прохладительного. Он даже высказал вслух свое пожелание и довольно громко постучал. Вдруг рама в окошке над дверью взлетела вверх, и, прежде чем он понял, что произойдет, на него хлынул настоящий потоп, промочив его, как он выразился, до нитки. А старая ведьма крикнула изнутри, что если для прохладения ему одного ведра мало, у нее найдется другое. Такое сообщение заставило его отступить со всею поспешностью, ибо принимать душ повторно он вовсе не был склонен.

Все очень смеялись над несчастным приключением священника, о котором он рассказывал с видимой неохотой, и то лишь потому, что был вынужден привести вескую причину, не позволявшую ему выполнить приказ дам. Но сквайр и баронет веселились гораздо дольше, чем позволяла пристойность. Откинувшись в креслах, засунув руки в карманы и хохоча во все горло, они потешались над ним без всякого стеснения. Сердитый и расстроенный страдалец пытался принять насмешливый вид, но в конце концов лишь вызвал этим еще один взрыв всеобщего веселья.

Мистеру Уинтерблоссому удалось все-таки установить кое-какой порядок. Однако он увидел, что злоключения молодого священника не только насмешили, но и устроили собравшиеся: никто не решался отправиться с чрезвычайной миссией во владения королевы Мег, которая, пожалуй, могла пренебречь уважением, подобающим священной особе посла. Тогда решили, что, взамен личного визита, незнакомцу будет послано любезное письмо, которое мистер Уинтерблоссом составит от лица всего общества. Однако Дайна уверила собравшихся – и это усугубляло и без того немалые затруднения, – что никто из прислуги ни за какие деньги не возьмется снести такое письмо: когда назад тому два сезона подобное событие уже имело место, Мег заподозрила за этим приглашением попытку сманить ее жильца и так отделала парня, принесшего письмо, что тот бежал прочь из этой местности и счел себя в безопасности лишь в деревне, находившейся в десяти милях отсюда. Рассказывали, будто он записался потом в рекруты, предпочитая встретиться лицом к лицу с французами^[69], чем возвращаться домой, где ему угрожала немилость Мег Додз.

Общество как раз обсуждало эти новые трудности, когда за дверьми послышались громкие крики. Первым предположением было, что Мег самолично явилась к отелю во всей своей грозной силе, дабы предупредить задуманное вторжение. Но из расспросов выяснилось, что это ее подружка Нелли Троттер, или Нелли Топ-топ, пыталась опрокинуть соединенные силы всей челяди и проложить себе путь наверх, в господские комнаты, с целью востребовать назад, по ее выражению, «картинку матушки Додз».

Сокровище, припрятанное нашим знатоком, затрепетало у него в кармане. Он сунул полкроны в руку Тоби, умоляя его передать монету торговке и уговорить ее отступить. Тоби, прекрасно знакомый с характером Нелли, опустил монету в свой собственный карман и схватил с буфета большой стакан виски. Вооружившись таким образом, он смело предстал перед воительницей, ибо такой груз, как бы решительно бедная Нелли ни была настроена, мог задержать ход ее корабля не хуже рыбы-прилипалы. Применив свое средство, Тоби сумел отвести грозу, надвигавшуюся на все общество в целом, а на мистера Уинтерблоссом в частности, и в конце концов принес гостям утешительное известие, что Нелли Топ-топ согласилась – после того как она проспится на гумне – передать их послание незнакомцу в Клейкемское подворье Старого городка.

Чтобы придать своим действиям законный характер, мистер Уинтерблоссом сначала внес в протоколы общества запись о полученных им полномочиях, а затем в самых отбор-

ных дипломатических выражениях составил свое послание и запечатал его печаткой Сент-Ронанских вод, изображавшей что-то вроде нимфы, сидящей рядом с чем-то, что должно было изображать урну.

Обе враждующие партии не хотели полагаться лишь на одно это официальное приглашение. Леди Пенелопа держалась того мнения, что следует найти способ намекнуть незнакомцу – безусловно, одаренному талантом, – что в обществе, куда его приглашают, есть избранные души, которые почитают себя вправе посягнуть на его уединение.

Поэтому ее светлость возложила на изящного мистера Четтерли обязанность сочинить на этот случай стихи и тонко выразить в них желание общества видеть у себя неведомого художника. Муза оказалась, однако, неблагоприятной к бедному мистеру Четтерли, ибо за полчаса он произвел только две строчки, каковы, списав их с закапанной кляксами рукописи, мы приводим здесь вместе с вариантами, подобно тому, как доктор Джонсон^[70], публикуя перевод «Илиады», принадлежавший перу Александра Попа, печатал также все его поправки и поправки:

Сент-Ронанские нимфы, собравшись на совет,
 (девы)
(дамы, каких не видел свет)
 Младому юноше, кому в стихах и красках равных нет,
 (пастушку)
 (пришельцу)
 на обед.

Поскольку божественная муза явно отказывалась содействовать этому опыту, пришлось сочинить красноречивое послание в прозе, которое и было тайно вручено попечением Нелли Топ-топ. Выспавшись на гороховой соломе и приступая к снаряжению своей тележки для возвратного пути на берег морской (по дороге к которому Нелли должна была проехать через Старый городок), сие доверенное лицо приняло для передачи еще одно письмо. Оно было написано самим сэром Бинго, как он это и грозился сделать. Баронет взял на себя такой труд в целях разрешения спора, ибо рассудил, что джентльмен, одетый по моде и умеющий с одного маху и с такой точностью закинуть леску в двенадцать футов длиною, может счесть приглашение старого Уинтерблоссома пустой болтовней, как может пренебречь и милостями сентиментального синего чулка и всей ее *coterie*¹⁴, беседы которой, по мнению сэра Бинго, по вкусу напоминали жидкий чай и ломоть хлеба с маслом. Таким-то образом удачливый мистер Фрэнсис Тиррел, к великому своему изумлению, получил ни много ни мало сразу три приглашения из Сент-Ронанских вод.

¹⁴ Клики (*фр.*).

Глава V

Эпистолярное красноречие

Но можно ль отвечать, не прочитав сперва?
Прайор

Стремясь по мере сил подкрепить все наши важнейшие факты таким же числом подлинных документов, мы после долгих розысков добились возможности представить читателю следующие точные копии писем, вверенных попечению Нелли Топ-топ.

«Мистер Уинтерблоссом из Силверхеда, выполняя указания леди Пенелопы Пенфезер, сэра Бинго и леди Бинкс, мистера и мисс Моубрей (сент-ронанских) и всех остальных особ, обитающих в отеле и в пансионе в Сент-Ронанских водах, выражает от их имени надежду, что джентльмен, остановившийся в Клейкемской гостинице в Старом сент-ронанском городке, окажет им честь своим присутствием в столовом зале, когда ему это заблагорассудится, и будет посещать их в дальнейшем так часто, как ему будет угодно. Общество, собравшееся на Сент-Ронанских водах, считает необходимым направить мистеру... настоящее приглашение, так как, согласно местным правилам, столовый зал могут посещать только леди и джентльмены, проживающие на Сент-Ронанских водах. Однако все они будут счастливы сделать исключение ради джентльмена, столь преуспевающего в изящных искусствах, как мистер..., пребывающий в Клейкемской гостинице. Если мистер..., ближе ознакомившись с нашим обществом и его правилами, пожелает переселиться на воды, мистер Уинтерблоссом, ни в коей мере, впрочем, не желая связывать себя определенными обещаниями на этот счет, полагает, что, несмотря на чрезвычайный съезд в этом сезоне, мистера..., можно будет устроить в меблированных комнатах так называемого Лилипут-холла. Облегчению этого дела весьма способствовало бы, если бы мистер... сообразовал прислать точную мерку своего роста, ибо капитан Рэнлтри, проживающий в данное время в Лилипут-холле, видимо, намерен отказаться от складной кровати ввиду того, что ее длина оказалась для него недостаточной. В заключение мистер Уинтерблоссом заверяет мистера..., что он высоко чтит его талант, и просит принять уверения в совершенном личном почтении

*Сквайру...
Клейкемская гостиница
Старый городок в Сент-Ронане.
Отель, пансион, меблированные комнаты и т. д. и т. д.
в Сент-Ронанских водах».*

Вышеприведенное приглашение (мы всегда строго сохраняем орфографию) было написано ровным, круглым канцелярским почерком, который, подобно характеру мистера Уинтерблоссом, был аккуратным и заурядным, хотя и с некоторым жеманным пристрастием к росчеркам и завитушкам.

Другое письмо было полным контрастом к официальному сообщению мистера Уинтерблоссом с его дипломатической важностью и точностью. Академические шутки и цветы

классического красноречия молодого священника смешивались здесь с полевыми цветами богатого воображения леди Пенелопы. Вот это письмо:

«Дриады и наяды, слетевшиеся стаяей к целебному сент-ронанскому ключу, с изумлением прослышали, что юноша, коего Аполлон в щедрую минуту наделил двумя ценнейшими из своих даров, своевольно бродит по владениям этих нимф, блуждая по рощам и по берегам ручья, но до сих пор еще не явился воздать дань уважения охраняющим их божествам. Поэтому его призывают пред их лицо. Скорое послушание сулит ему прощение, но, в случае упорства, пусть он остерегается снова братья за лиру или палитру.

Постскриптум:

Очаровательная Пенелопа, давно включенная в сонм богинь за свою красоту и добродетели, раздаст нектар и амброзию, слышущие у смертных за чай и пирожные, в меблированных комнатах поблизости от священного родника по четвергам в восемь часов вечера. В этот час не отказываются там присутствовать и музы. Незнакомцу предлагается прибыть и принять участие в этих вечерних забавах.

Пост-постскриптум: Некий пастушок, по своему честолобию стремясь к удобствам, которых не предоставляет ему занимаемое им узкое ложе, покидает его через день-другой.

Сомнения нет, внаем его взять можно.

«Как вам это понравится»^[71].

Пост-пост-постскриптум: Ирида в клетчатом плаще, известная у смертных под именем Нелли Топ-топ, принесет нам ответ незнакомца на наш милостивый призыв».

Письмо было написано изящным курсивом и разукрашено тонкими хвостиками, черточками и усиками, так искусно свитыми, что получались узоры, изображавшие лиры, палитры, вазы и другие символы соответственно смыслу письма.

Третье послание было полной противоположностью первым двум. Почерк был некрасив и неровен, словно у недоучившегося школьника, но, видимо, письмо все не стоило автору таких трудов, как если бы оно являло собой образец самой изощренной каллиграфии. Вот каково было его содержание:

«Сэр!

*Джек Моубрей набился со мной об закат, что ласось, что вы паймали в прошлую субботу, весит около васимнатцати фунтов, а я говорю около шист-натцати. Вы, гаварят, разбираетесь в рыболовстве, так что мы бирем вас судьей. Вы, надеюсь, придете сами или саапците про это – уверен, вы скажете по чести. Мы наспорили на дюжину вина, чтоп угостить всех наших в отеле в панидельник, и мы просим вас придти тоже. Моубрей считает вы придете. Ваш покорный слуга
Бинго Бинкс из Блок-холла, баронет.*

Постскриптум. Пасылаю три витка лески из индийской пеньки и пять черных мушек, что изгатовил мой конюх. Надеюсь, они себя оправдают, коли пагода и вода хороши будут».

В течение трех дней ни на одно из приглашений не последовало ответа. И хотя это обстоятельство втайне скорее усиливало, чем ослабляло заинтересованность обитателей

Сент-Ронанских вод, оно вызвало в обществе великий гнев против незнакомца, как против человека дурно воспитанного и грубого.

Тем временем Фрэнсис Тиррел, к своему изумлению, начал, подобно иным философам, понимать, что человек менее всего одинок, будучи в одиночестве^[72]. Душевное состояние заставляло его искать тишины, однако он мог быть уверен, что во время самой уединенной прогулки ему встретится кто-нибудь из постояльцев отеля, для которых он вдруг стал предметом такой заботы и интереса. Совершенно не догадываясь, что причина, навлекающая эти частые встречи, скрыта в нем самом, он начал подумывать, уж не являются ли леди Пенелопа с ее девами, мистер Уинтерблоссом со своим серым пони и священник в коротком черном сюртуке и панталонах сизого цвета просто многочисленными типографскими оттисками с одних и тех же лиц и не обладают ли они такой быстротой передвижения, что оказываются вездесущими. Он никуда не мог пойти, чтобы не встретить их на прогулке, и притом не один раз на дню. Иногда присутствие нежной Ликориды^[73] угадывалось неподалеку по сладкому лепету в тени деревьев, иногда, считая себя в совершенном уединении, Тиррел вдруг слышал хрип флейты – это священник наигрывал «Грамакри Молли», а если ему случалось отправиться на речку, он не сомневался, что сэр Бинго или его приятели будут подсматривать, как он удит рыбу.

Старания Тиррела избежать этого преследования, а также раздражение, которое он выказывал при встречах, доставили ему среди обитателей отеля славу мизантропа. Он стал предметом всеобщего любопытства, и тот, кому удавалось за очередным обедом дать подробный отчет, где был и чем занимался утром мизантроп, мог рассчитывать на самое глубокое внимание. Нелюдимость Тиррела ничуть не отбивала у обитателей отеля охоту искать его общества, а трудность удовлетворения только обостряла упомянутое желание: так рыболов сильнее всего стремится к успеху, закидывая свою удочку на самую хитрую и осторожную форель в заводи.

Короче говоря, любопытство, возбужденное мизантропом в душах жителей Сент-Ронанских вод, было так горячо, что, несмотря на неприятные свойства, о которых говорило это прозвище, нашелся лишь один человек, не мучимый желанием видеть его в отеле, чтобы поближе и не спеша рассмотреть его. Дамам особенно хотелось расспросить незнакомца, действительно ли он мизантроп? Всегда ли он был мизантропом? Что заставило его стать мизантропом? И нет ли какого-нибудь средства излечить его от мизантропии?

Как мы сказали, лишь одна личность не испытывала особого желания завязать более близкое знакомство с мнимым Тимоном Клейкемским^[74], и этой личностью был мистер Моубрей сент-ронанский. Через достойного Джона Пернера, по собственному определению – ткача, а на самом деле – известного в Старом городке браконьера, который обычно сопровождал Тиррела для того, чтобы показывать рыбные места на речке, нести мешок и тому подобное, сквайр удостоверился, что мнение сэра Бинго касательно спорного веса той рыбы было более справедливо, чем его собственное. Это угрожало ему потерей авторитета, не говоря уже об оплате изрядного счета. Последствия могли оказаться даже еще серьезней – могло дойти до полной эмансипации сэра Бинго. До сих пор сэр Бинго был его послушной тенью и сторонником. Уверившись же в превосходстве своего мнения по такому важному пункту и победив в споре, сэр Бинго мог либо совсем перестать считаться со сквайром, либо вообразить, что Моубрей, так долго состоявший центральной планетой кружка, согласится в будущем на роль простого спутника и станет вращаться вокруг него самого, сэра Бинго.

Поэтому Моубрей уповал на то, что строптивое настроение Тиррела затянется и помешает разрешению спора, в то же время втайне испытывая сильную вражду к этому незнакомцу, ставшему (поскольку Тиррелу не удалось поймать лосося хотя бы на фунт тяжелее) причиной неприятного и затруднительного положения, в котором оказался сквайр. И он

громко поносил бесхарактерность всех хлопотавших о дружбе с Тиррелом и ссылался на оставленные без внимания письма как на яркий пример его наглости, которая доказывала, что он не джентльмен.

Но хотя обстоятельства говорили против Тиррела и хотя он и в самом деле по нраву своему предпочитал уединение и не испытывал влечения к такому жеманному и суетному обществу, поступки его, с виду столь невежливые, объяснялись весьма легко – он просто не получал этих писем, требовавших ответа.

То ли не желая без рисунка показываться на глаза своей приятельнице Мег Додз, то ли по забывчивости, вызванной двойной порцией спиртного, которым ее угостили на водах, Нелли Топ-топ протарахтела со своей тележкой прямо в милую ее сердцу родную деревню Скейтроу. Оттуда она переправила письма с первым попавшимся голодранцем, державшим путь в Старый городок, так что в конце концов – правда, с изрядным опозданием – они все-таки дошли до клейкемской гостиницы и попали в руки мистера Тиррела.

Прибытие этих документов отчасти объяснило ему странное поведение соседей с Сент-Ронанских вод. Уразумев, что они невесть почему вообразили его каким-то дивом, и считая такую репутацию смешной и обременительной для себя, он поспешил написать мистеру Уинтерблоссому записку в стиле, принятом у простых смертных. В ней он сообщал, что запоздал с ответом, так как поздно получил письмо, и, выразив по этому поводу свое огорчение, заявлял о намерении пообедать на следующий день со всем уважаемым обществом на водах; сожалел, что прочие обстоятельства, состояние здоровья и настроение не позволяют ему в течение его пребывания здесь обедать с ними часто, и, наконец, просил не хлопотать о его переезде на воды, поскольку он вполне доволен тем, как устроен сейчас. В отдельном письме на имя сэра Бинго он написал, что, к своему удовольствию, может удостоверить вес рыбы, так как отметил цифру в своем дневнике («Черт побери, – сказал тут баронет, – неужели этот молодец и денник для коней себе здесь завел?»). Далее Тиррел писал, что хотя решение вопроса может по-настоящему обрадовать лишь одну из сторон, он желает обоим, то есть и победителю и побежденному, весело провести время за вином и сожалел, что лишен возможности участвовать в пирушке. В письмо он вложил листок, где написал, каков был вес рыбы, и скрепил цифру своей подписью. Вооруженный этим свидетельством, сэр Бинго тотчас предъявил свои претензии на вино. Он шумно ликовал по поводу своей правоты, клялся громче и членораздельнее, чем ему когда-либо удавалось, что-де «этот Тиррел, черт побери, вполне порядочный человек», и заявлял, что рассчитывает познакомиться с ним поближе. Приунывший сквайр в глубине души проклинал приезжего на чем свет стоит и, чтобы утихомирить своего приятеля, вынужден был признать свой проигрыш и назначить день для распития заклада.

В гостиницах отеля все общество чуть ли не с помощью микроскопа изучало ответ Тиррела мистеру Уинтерблоссому и напрягало всю свою изобретательность, стараясь за самыми банальными выражениями угадать глубокий эзотерический смысл, таинственный и намеренно скрытый от глаз читателя. Мистер Миклем, адвокат, читая письмо, особенно напирал на слово «*обстоятельства*» и старался истолковать его.

– Ах, бедняга! – вывел он свое заключение. – Сидеть за печкой у Мег Додз ему, поди, дешевле, чем тянуться за нашим обществом!

Доктор Квеклебен, словно пастор, выбирающий из библейского текста одно слово, на котором он собирается особенно настаивать в проповеди, твердил вполголоса:

– Состояние здоровья? Хм... состояние здоровья... Не острый припадок, ведь за врачом не посылали... Наверно, что-нибудь хроническое, пожалуй, вроде подагры... Потом эта его нелюдимость, блуждающий безумный взгляд, неровная походка... Встретив нечаянно незнакомого человека, он вздрагивает, круто поворачивается и уходит в раздражении...

Мистер Уинтерблоссом, будьте добры, велите, чтобы мне показали старые газеты. Очень неудобно, что вы не позволяете проглядывать их.

– Ничего не поделаешь, приходится, доктор, – отозвался председатель. – Никто из нашей компании почти ничего, кроме газет, не читает. Не убрать – так от старых газет давно и клочка не осталось бы.

– Ну, ну, распорядитесь, пожалуйста, – сказал доктор. – Помнится, я видел объявление, что какой-то молодчик сбежал от своих родственников. Мне бы надо перечитать описание его наружности. Где-то в аптеке у меня, кажется, хранится смиренная рубашка.

Такое предположение перепугало мужскую половину общества – никому уже не казался приятным завтрашний обед с джентльменом, состояние духа которого внушало столь мало доверия. Зато барышни помоложе шептались друг другу: «Ах, бедняжка! Даже если доктор прав, то как знать, что довело его до болезни, милая? Он ведь жалуется на свое настроение – ах, бедный, бедный!..»

Так в результате хитроумных комментариев, которым обитатели Сент-Ронанских вод подвергли простое письмо, уместившееся на осьмушке листа писчей бумаги, пославший его был лишен состояния, разума и сердца, «всех сразу, по очереди или по частям», как кратко и определенно выражается в своих приговорах закон. Одним словом, так много говорилось за и против мизантропа, столько высказывалось мнений и столько отстаивалось предположений о его нраве и характере, что когда гости, собираясь приступить к обеду, в урочный час встретились в гостиной, они, кажется, уже не были уверены, как войдет в дверь их новый сотрапезник – шагом или ползком. И когда Тоби громовым голосом объявил: «Мистер Тиррел», то в джентльмене, вошедшем в комнату, они видели так мало чего-либо из ряда вон выходящего, что на миг были разочарованы. Дамы – те даже усомнились, действительно ли то смешение гениальности, человеконенавистничества, безумия, ума и чувствительности, которое они себе воображали, могло воплотиться в представшем перед ними благовоспитанном и даже элегантном молодом человеке. Хотя он явился одетым просто (что, положим, оправдывалось дальней дорогой, а также свободными правилами общежития, принятыми на Сент-Ронанских водах), но даже в самых мелких подробностях его одежды никто не мог заметить никакой небрежности или беспорядка, какие бывают свойственны облачению отшельника-мизантропа, безразлично – в здравом он уме или вовсе без оного. Он обошел гостей, приветствуя каждого, и по очереди с их глаз спала пелена. С удивлением они увидели, что все такие несообразности существовали только в их воображении и зависели от их собственного предвзятого мнения и что каково бы ни было положение в обществе и судьба мистера Тиррела, он, как и подобает джентльмену, держался сдержанно и учтиво. Он поблагодарил мистера Уинтерблоссума за приглашение и сделал это так, что тому понадобилось припомнить всю свою воспитанность, чтобы не отстать от гостя. Затем, не желая оставаться в неловком положении человека, на которого обращено всеобщее внимание, он постарался незаметно смешаться с толпой гостей. При этом он вовсе не напоминал ни сову, которой хочется забиться в чашу, ни увальня, отвыкшего от людей и робеющего в обществе, куда он попал против своей воли, – наоборот, он и тут сохранял вид джентльмена, который умеет оставаться самим собой и в кругу более высоком, чем его собственный. К леди Пенелопе он обратился в стиле романтического послания мистера Четтерли, о котором ему пришлось упомянуть. Он опасается, сказал он, что должен принести Юноне жалобу на небрежность Ириды, ибо по своей нерасторопности та не вручила ему вовремя некий верховный приказ, на который он не осмелился бы ответить иначе, как безмолвным повиновением, если, разумеется, это приглашение (как могло показаться по содержанию письма) не предназначалось иному, гораздо более одаренному смертному, чем тот, кому доставил его случай.

Леди Пенелопа уверила его собственными устами – а многие молодые дамы сделали то же, пользуясь своими очами, – что никакой ошибки не случилось, что он и есть тот музами

одаренный смертный, коего нимфы решили призвать пред свое лицо, и что всем им прекрасно известны его таланты как стихотворца и живописца. Тиррел строго и твердо отвел обвинение в стихотворстве и заявил, что не только никогда не брался сам за это искусство, но и читает-то стихи неохотно, разве что произведения самых первоклассных поэтов, да и то иные – как ему ни страшно вымолвить, – наверно, понравились бы ему больше, будь они написаны смиренной прозой.

– Теперь вам надо отречься еще от умения рисовать, – сказала леди Пенелопа, – и мистера Тиррела придется счесть самым ужасным притворщиком и обманщиком из всей мужской половины рода человеческого, ибо он намерен лишить нас счастливого случая насладиться плодами его несравненных дарований. Будьте уверены, я постараюсь предостеречь против вас моих молодых подружек: у такого притворства, вероятно, есть особая цель.

– А я, – сказал мистер Уинтерблоссом, – могу предъявить преступнику улики.

С этими словами он развернул набросок, похищенный им у Нелли Топ-топ. Он уже подчистил и подклеил его, а в этом искусстве он был выдающимся мастером, выровнял сгибы, залатал протертые места и подправил рисунок не хуже, чем мой старый друг миссис Уир подправила бы какой-нибудь потерпевший от времени шекспировский том первого издания.

– Вот и *corpus delicti*¹⁵ налицо, – ухмыляясь и потирая руки, вставил стряпчий.

– Если вам угодно называть эту пачкотню рисунком, – сказал Тиррел, – то мне придется признаться, что здесь повинен я. Я всегда рисовал для собственного удовольствия, но раз моя хозяйка миссис Додз раскрыла, что я зарабатываю этим себе на пропитание, то зачем мне отказываться от этого листка?

Такое признание, сделанное без малейшего следа неловкости или *retenue*¹⁶, видимо, чрезвычайно поразило все общество. Председатель дрогнувшей рукой торопливо запрятал рисунок в портфель, несомненно опасаясь, как бы художник не востребовал его или же не назначил за него платы. Миледи растерялась, как неученая лошадь, которой надо сменить ногу в галопе. Леди Пенелопе теперь приходилось оставить то уважительное и простое обращение, к которому ее принуждала манера Тиррела, и впредь держаться с ним покровительственного тона, как с человеком зависимым. Такой переход не сделаешь в один миг.

– Вот они, «обстоятельства», так я и думал! – пробормотал законник.

А сэр Бинго тихонько сказал на ухо своему другу сквайру:

– Видно, запарился, сбился с ноги и прочь с дорожки! А жаль, славный, поди, был конек, черт его побери!

– Кляча из кляч! – шепнул в ответ Моубрей. – Я его сразу раскусил!

– Спорю и ставлю двадцать пять фунтов, дружище, и сам спрошу его, кем он был прежде.

– Согласен, иду на двадцать пять, но с условием – вы с ним переговорите не позже, чем через десять минут, – сказал сквайр. – Да, впрочем, вы не осмелитесь, Бинги: он глядит строго и, видно, не робкого десятка, при всей его учтивости.

– Идет, – сказал сэр Бинго уже не так самоуверенно и, вероятно, решив действовать осторожно. – У меня наверху есть стопка золотых, а заклады мы передадим Уинтерблоссому.

– Золотых у меня нет, но я выпишу чек на Миклема, – ответил сквайр.

– Надеюсь, не так, как в прошлый раз: я не собираюсь снова оставаться в дураках, Джек, друг мой, вы влопались!

– Сначала выиграйте заклад. Ох, Бинги, я еще увижу, как этот бродячий щеголь проломит вам голову, – ответил Моубрей. – Уж лучше вы сразу сговаривайтесь с капитаном. Ну

¹⁵ Состав преступления (*лат.*).

¹⁶ Сдержанности (*фр.*).

и попадете вы в переделку! Я могу еще освободить вас, Бинги, от этого пари. Платите мне гинеею штрафа, да поспешите, пока я не выписал чек!

– Ну и черт с ним, выписывайте! – сказал сэр Бинго. – Вы проиграли, Джек, могу вас уверить.

Он зашаркал к Тиррелу, поклонился и представился в качестве сэра Бинго Бинкса.

– Имел честь... писать... сэр... – Это все, что протиснулось сквозь его горло, вернее – сквозь туго затянутый шейный платок.

«Проклятый олух! – подумал Моубрей. – Он совсем от рук отобьется, если станет действовать так быстро. И дважды будь проклят этот бродяга, который невесть откуда взялся и невесть почему портит мои дела!»

Пока его друг с вытянутым от таких размышлений лицом стоял, поглядывая на свои карманные часы, сэр Бинго, с инстинктивным приливом тактичности, которую чувство самосохранения пробудило в его не чересчур сообразительной и не чересчур догадливой голове, начал свои расспросы с общих замечаний о рыбной ловле, стрельбе и охоте. Оказалось, что в этой области Тиррел мог похвалиться далеко не поверхностными познаниями. В частности, о рыбной ловле и стрельбе он говорил даже с горячностью, так что сэр Бинго начал проникаться к нему изрядным уважением и почти уверился, что молодой приезжий не мог быть бродячим художником, за которого выдавал себя, и что, во всяком случае, по рождению не был предназначен для этой цели. Поэтому сэр Бинго решил тут же, без дальних проволочек задать ему свой вопрос.

– Осмелюсь заметить, мистер Тиррел, вы ведь нашего поля ягода... осмелюсь заметить...

– Если вы хотите сказать, сэр Бинго, что я охотник то вы правы. Я охочусь издавна и довольно искусен в этом деле, – ответил Тиррел.

– Значит, вы раньше этими штуками не занимались.

– О чем вы говорите, сэр Бинго? – сказал Тиррел. – К сожалению, я не понимаю вас.

– Да этими самыми картинками, – сказал сэр Бинго. – Я вам сделаю заказ на целый ворох, если вы ответите мне, честное слово!

– А вас так интересуют мои дела, сэр Бинго? – спросил Тиррел.

– Да нет... разумеется... не так уж... – проговорил сэр Бинго, запинаясь, потому что сухой тон Тиррела пришелся ему далеко не так по вкусу, как пришелся бы бокал сухого хереса. – Только, черт дери, я говорил про вас, что вы свойский парень... и я побился об заклад, что вы не всегда занимались этим ремеслом. Вот и все.

– Спор ведется с мистером Моубреем, я полагаю? – спросил Тиррел.

– Да, с Джеком, – ответил баронет. – Вы попали прямо в точку. Ну что, переспорил я его?

Тиррел нахмурился и посмотрел сначала на мистера Моубрея, потом на баронета и, пораздумав мгновение, обратился к последнему:

– Вы, сэр Бинго, остры в суждении и умеете изящно вести расспросы. Вы совершенно правы – я не готовился с детства к профессии художника и не всегда занимался рисованием, хотя сейчас и занимаюсь им. Вот ответ на ваш вопрос.

– Значит, Джек продулся! – воскликнул баронет в восторге, хлопая себя по ляжке и с торжествующей улыбкой оглядываясь то на сквайра, то на своего судью в споре.

– Погодите-ка минутку, сэр Бинго, – произнес Тиррел, – мне нужно сказать вам еще два слова.

Биться об заклад – дело почтенное. Исконное право и привилегия каждого англичанина – ставить ставки на что ему вздумается и учинять допрос, не разбирая пути, словно он скачет на лихом скакуне по широкому полю. Но я уже дважды своими ответами помогал

разрешать ваши споры и этим отдал дань обычаям страны. А потому прошу вас впредь не превращать меня и мои дела в предмет ваших закладов.

«И не стану, будь я проклят!» – решил про себя сэр Бинго. Вслух он пробормотал какие-то извинения и искренне обрадовался, что прозвучавший в это время звонок к обеду представил ему законный предлог, волоча ноги, отойти в сторону.

Глава VI Застольная беседа

*«И если, сэр, иные толки верны,
С голландцами-то будут шутки скверны.
Австрийцы же...» – «Фасоль я обожаю.
И зелени другой ее предпочитаю!»*

*.....
Здесь веселей гостей не отыскать...
«Ах, вы, мадам, хотите в вист сыграть?»*

«Застольная беседа»

Поднявшись, чтобы идти в столовую, леди Пенелопа завладела рукой Тиррела со снисходительной и ласковой улыбкой, которая должна была внушить удостоенному такой чести гостю, насколько велика оказанная ему милость. Однако безрассудный художник не только не проявил никакого смущения при столь незаслуженном внимании, но, по-видимому, счел эту любезность вполне естественной по отношению к человеку, знакомство с которым только что состоялось. Усадив леди Пенелопу во главе стола рядом с председателем и поместившись сам между ее милостью и леди Бинкс, несчастный, очевидно, вовсе не понимал, насколько он тем самым вознесен над своим истинным положением в обществе, и держал себя так уверенно, словно его посадили на нижнем конце стола рядом с почтенной миссис Блоуэр с Баухед, которая прибыла на Сент-Ронанские воды, чтобы избавиться от последствий обжорства, или, как она предпочитала выражаться, «инфленцы».

Равнодушие Тиррела совершенно спутало карты леди Пенелопы и еще больше подстрекнуло ее желание разгадать его тайну – будь у него эта тайна – и привлечь его на свою сторону. Читатель, если вы бывали на каких-нибудь водах, вы знаете, что хотя их завсегда-тай не всегда слишком учтивы с рядовыми людьми, появление неизвестного красного зверя вызывает у всех чрезвычайное и еле сдерживаемое приличиями любопытство. Амазонки, возглавляющие отдельные партии, словно охотники Буэнос-Айреса^[75], готовят свои лассо и изо всех сил маневрируют, стараясь заарканить ничего не подозревающую диковинку и затащить ее в свой зверинец. Мы можем в нескольких словах разъяснить, почему леди Пенелопа Пенфезер так рьяно занималась этой охотой.

Она была дочерью графа и обладала привлекательной наружностью. Черты ее лица в молодости можно было назвать даже красивыми, хотя теперь они, пожалуй, стали слишком резкими, чтобы мы были вправе утверждать это по-прежнему. Нос заострился, и щеки потеряли свою девическую округлость. Пятнадцать лет она в качестве признанной красавицы правила обществом и задавала тон, но так как жених за этот срок не появился или, во всяком случае, не появился в подходящий момент, ее светлость, сделавшись независимой благодаря наследству после смерти старой тетки, начала восхвалять дружбу, разлюбила проводить летний сезон в городе и стала вздыхать о зеленых полях и лужайках.

К счастью для леди Пенелопы, как раз тогда, когда она переменила таким манером свой образ жизни, ей открылись с помощью доктора Квеклебена целебные свойства Сент-Ронанского источника. Внеся свою долю в устройство этого *urbs in rure*¹⁷, возникшего вокруг родника, она, в качестве законодательницы мод, обосновалась в маленькой колонии, кото-

¹⁷ Города в деревне (лат.).

рую сама же помогла открыть и населить. Поэтому миледи справедливо ожидала, что все новоприбывшие в ее земли должны нести ей дань уважения и знаки покорности.

В остальном леди Пенелопа почти ничем не отличалась от многолюдного сословия, к которому принадлежала. По существу, она была женщиной честных правил, но слишком ветреной, чтобы позволить честным правилам стеснять свои прихоти. Поэтому миледи не была чересчур разборчива в друзьях и знакомых. Добродушная, но в то же время капризная и вздорная, она охотно выказывала сердечность и щедрость, покуда это не мешало ее причудам и не грозило особым беспокойством. Она могла объехать с подписным листом хоть весь свет и куда угодно сопровождать какую-нибудь свою молодую приятельницу. Но притом ее ничуть не заботило, что ее ветреная подопечная кокетничает направо и налево. Зато у многочисленного сословия барышень она слыла милейшей дамой. Кроме того, леди Пенелопа много жила в свете, хорошо знала, когда надо вставить слово, и, сославшись на свое незнание, умела избежать опасного спора, сохранив в то же время понимающий вид. Поэтому обычно никто не догадывался о ее глупости, пока она сама не пробовала выказать свой замечательный ум. Последнее время это случалось уже нередко, может быть, потому, что, невольно замечая, как часто приходится ей теперь прибегать к ухищрениям туалета, она воображала, будто новый свет, по словам поэта, просветил ее разум, пробившись сквозь щели, открывающиеся по вине времени. Однако многие из ее друзей полагали, что добрый дух леди Пенелопы сделал бы лучше, посоветовав ей оставаться в рядах посредственности в качестве светской и воспитанной дамы, а не покровительствовать талантам и не выставлать напоказ свои новоявленные претензии в вопросах вкуса. Но миледи придерживалась иного мнения, и ей, несомненно, было виднее.

По другую сторону Тиррела сидела леди Бинкс, в девичестве — прекрасная мисс Бонниригг. На Сент-Ронанских водах помнили, как в прошлом сезоне она отплясывала самые отчаянные шотландские танцы, скакала на самом резвом пони, хохотала громче всех при самой грубой шутке и носила юбки короче, чем любая из нимф источника, заставляя все общество попеременно восхищаться, смеяться и дивиться ей. Мало кто догадывался, что, скрывая свой настоящий характер, она рядилась в своенравие и безрассудство ради того, чтобы хорошо выйти замуж. Она остановила свой взор на сэре Бинго, а ей были известны его заявления, что-де «его может изловить только самая лихая девчонка» и что в жене нужна «отчаянность», без чего «не бывает хорошего охотника». И вот она добила своего и стала несчастна. Вся ее буйная веселость была напускной: на самом деле она была вдумчива, честолобива и способна на глубокое чувство. Особой щепетильностью она не отличалась: открывая свою охоту на сэра Бинго, она знала, что он болван и скотина. Но она не понимала сама себя и не могла предположить, что, став «плотью от плоти его», она будет испытывать такой стыд и гнев, видя, как по глупости своей он делается всеобщим посмешищем и добычей грабителей, и такое отвращение, когда его грубость обратится на нее самое. Правда, он, в общем, был довольно безобидной лошадкой, которую можно было заставить идти довольно сносным аллюром, то крепко взнуздывая и подтягивая повод, то похлопывая и ублажая. Но нерешительность и проволоочки супруга, оттягивавшего огласку их тайного брака, так ожесточили ее против него, что теперь она никак не была склонна к мирным действиям. Помощь в заключении брака ей оказала не только шотландская Фемида, обычно снисходительная к ошибкам красавиц: на сцену, не вмешайся тут Гименей, видимо, был готов выступить и Марс. Был где-то *de par le monde*¹⁸ у юной леди брат-офицер и, как выяснилось, как раз в отпуску. В одиннадцать часов вечера, с крепкой дубовой тростью в руке, он выскочил из наемной кареты у дверей гостиницы Фокса. Ему сопутствовал другой джентльмен, как и он сам, в походной треуголке и в мундире с черным воротником. Из вышеупомянутого эки-

¹⁸ На свете (*фр.*).

пажа вынесли, как сообщил верный Тоби, небольшой дорожный мешок, инструмент работы Андреа Феррары^[76] и ящичек красного дерева длиной восемнадцать дюймов, глубиной три и шириной около шести. На следующее утро в неурочно ранний час и при участии капитана Мак-Терка и мистера Моубрея открылись торжественные переговоры – «палаверы», как жители Мадагаскара именуют собрание своих народных представителей. В результате за завтраком все присутствующие были осчастливлены известием, что сэр Бинго уже в течение нескольких недель состоит супругом их общей любимицы, каковой союз, скрываемый до сей поры по семейным обстоятельствам, он теперь может признать во всеуслышание, чтобы наконец лететь на крыльях любви за своей печальной голубкой, которая укрывалась в тени листвы, пока препятствия к их взаимному счастью не были устранены. И хотя все это звучало довольно складно, впоследствии кроткая голубка леди Бинкс не могла вспомнить об этих событиях без чувства глубочайшей обиды и жесточайшего негодования против главного их героя – сэра Бинго.

В довершение всех этих неприятных обстоятельств, семья сэра Бинго не согласилась, чтобы он, идя навстречу желаниям супруги, привез ее в свое родовое поместье. И то, что он стыдился ее и не решался поступить наперекор своим родным, перед неудовольствием которых испытывал ребяческий страх, хотя никогда не следовал ни одному их доброму совету, было еще одним ударом по ее гордости и еще одним поводом для того, чтобы презирать бедного сэра Бинго.

Манеры молодой леди переменились не меньше, чем ее характер: раньше она была чересчур беззаботна и вольна в обращении, теперь стала сдержанна, замкнута и надменна. Сознание, что многие сторонятся ее в обществе, заставляло ее назойливо подчеркивать свой титул и во всем видеть недостаток уважения к себе. Полновластно распоряжаясь кошельком сэра Бинго, она не знала ограничений в расходах на платья или новый выезд. Теперь, в противоположность своим девичьим привычкам, она предпочитала богатство и наряды веселью и пыталась роскошью своего обихода привлечь то внимание, ради которого более не старалась быть ни приятной, ни забавной. Тайным источником постоянного унижения была для нее необходимость выражать свою почтительность леди Пенелопе Пенфезер, которую она считала неумной и чьи претензии на значение в обществе, понимание литературы и покровительство художникам и поэтам она видела насквозь и презирала, ибо была достаточно проницательна. Эта вражда оказывалась тем тягостней, что молодая леди Бинкс понимала, насколько поддержка леди Пенелопы нужна ей, чтобы сохранить свое положение в далеко не избранном кругу сент-ронанского общества. Она видела, что, не будь этой поддержки, она может утратить и то, что имеет. Добрые чувства леди Пенелопы к леди Бинкс тоже не были особенно искренни. Она разделяла старинную и естественную нелюбовь незамужних нимф известного возраста к нимфам, делающим блестящие партии у них под носом, и сильно подозревала леди Бинкс в тайной неприязни к себе. Однако та носила громкое имя, да и роскошный образ жизни супруги сэра Бинго делал честь Сент-Ронанским водам. Поэтому обе дамы удовлетворяли свою взаимную вражду тем, что время от времени под маской вежливости отпускали друг другу язвительные словечки.

Такова была леди Бинкс. Однако половина всех барышень на Сент-Ронанских водах завидовала ее нарядам, каретам и прислуге. И, глядя на нее, сидевшую среди них с омраченным досадой красивым лицом (ибо она была хороша собой и прекрасно сложена), они думали только о том, как она гордится тем, что достигла своей цели, и как воображает, что благодаря своему богатству и алмазному обручу на лбу она теперь не равня всем остальным. Поэтому они покорно терпели ее властное и тираническое обращение, которого отнюдь не смягчали воспоминания о времени, когда в своей прежней роли сорванца-девчонки ей приходилось быть предметом их сплетен и ехидства. Леди Бинкс вовсе не собиралась забывать обид, нанесенных юной мисс Бонниригг. А прелестные девицы покорно сносили ее злобу,

подобно молодым лейтенантам на корабле, которые терпят брань грубого капитана, клянясь в душе выместить все на своих подчиненных, когда они сами станут капитанами. Так – королевой и мученицей – сидела на своем месте за обеденным столом леди Бинкс и терзалась то от глупых речей своего супруга и повелителя, то от мимоходом сделанного саркастического выпада леди Пенелопы, на который она хотела бы, но не смела ответить.

Время от времени она поглядывала на своего соседа Фрэнсиса Тиррела, но ни разу не обратилась к нему и молча принимала от него разные услуги, к которым обязывала его обычная вежливость. Она отлично заметила, что он говорил с сэром Бинго, и, зная по опыту, с каким видом ее почтенный повелитель отступает после неудачного спора, а также памятуя его умение попадать в такие переделки, она ничуть не сомневалась, что он претерпел от Тиррела какое-то унижение. Поэтому она испытывала к новому гостю смешанное чувство, не зная, благоволить ей к человеку, оскорбившему того, кого она ненавидела, или сердиться на него, так как унижение, перенесенное мужем, естественно, задевало и ее. Возможно, были у леди Бинкс и другие мысли. Так или иначе, она посматривала на Тиррела с пристальным, хотя и безмолвным вниманием; он же почти не говорил с ней, будучи вынужден беседовать с леди Пенелопой Пенфезер, совершенно завладевшей им.

Из вежливых, хотя и уклончивых ответов Тиррела на вопросы о том, чем он занимался прежде, ее милости удалось уразуметь лишь, что он много путешествовал по отдаленным областям Европы и даже Азии. Леди несколько растерялась, но не отступила.

Поскольку он был здесь человеком новым, она указала ему на некоторых из присутствовавших и любезно предложила представить его, так как знакомство с ними могло быть для него полезно или приятно. Но посередине разговора она вдруг прервала свою речь и спросила:

– Вы не прогневайтесь, мистер Тиррел, если я скажу вам, что уже несколько минут слежу за вами и что я разгадала ваши мысли? Все время, пока я рассказывала вам об этих милых людях, а вы мне отвечали такими учтивыми замечаниями, что они могли бы с полным правом и великой пользой войти в «Домашний разговорник для обучения иностранцев, как изъясняться по-английски в обычных обстоятельствах», вы все время думали только об этом кресле напротив, которое стоит пустое между нашим председателем и сэром Бинго.

– Признаюсь, сударыня, – ответил он, – мне показалось странным, как такое почетное место не занято, хотя за столом гости сидят довольно тесно.

– О, продолжите ваши признания, сэр! Признайтесь, что пустое место – кресло Банко^[77] – для поэта привлекательней занятого, даже если бы это кресло занимал какой-нибудь олдермен^[78]. А что, если Чернокудрая Дама^[79] вдруг проскользнула бы к столу и заняла это кресло? Достало бы у вас мужества выдержать ее появление, мистер Тиррел? Уверю вас, это не так уж невероятно.

– Что невероятно, леди Пенелопа? – удивленно спросил Тиррел.

– Вы уже испугались? Ну, тогда я опасаюсь, вы не вынесете роковой встречи!

– Какой встречи? Разве ожидают еще кого-нибудь? – спросил Тиррел и, как ни старался, а все же не мог скрыть любопытства, хотя и подозревал, что все это не более чем мистификация со стороны ее милости.

– Как я рада, что нашла ваше уязвимое место! – воскликнула она. – Ожидают! Разве я сказала: «Ожидают»? Нет, нет, больше никого не ожидают.

Скользя, как ночь, из края в край,
Она своей чарует речью...^[80]

Но, впрочем, вы теперь в моей власти, а я проявлю великодушие и все объясню вам. Мы зовем – разумеется, между собою – мисс Клару Моубрей – сестру джентльмена, что сидит

рядом с мисс Паркер, – Чернокудрой Дамой, и это место оставлено для нее. Ожидали... – да нет, я опять забыла! – думали, что, может быть, она осчастливит нас сегодня и посетит наш многолюдный и веселый пир. Ее брат – наследственный владетель здешнего замка, и она из любезности принята у нас в качестве почетной гостьи. Ни я, ни леди Бинкс ничуть не возражаем против этого... Она оригинальная девушка, эта Клара Моубрей, она очень забавляет меня, я всегда даже рада встрече с ней.

– Если я правильно понял вашу милость, она сегодня не появится? – спросил Тиррел.

– Пожалуй, сейчас уж поздно даже для нее, – ответила леди Пенелопа. – Обед запоздал на полчаса, и за это время наши бедные больные чуть не поумирали с голоду, как вы можете судить по подвигам, которые они сейчас совершают за обеденным столом. Но Клара – странное создание, и если ей придет в голову явиться сейчас, она сейчас и явится. Она очень склонна к причудам... Многие считают ее красивой, однако, по-моему, она похожа на существо из потустороннего мира и всегда напоминает мне Призрачную Даму из романа Мэтью Льюиса^[81].

И она прочла нараспев:

Но я прошу лишь об одном –
Ты не откажешь мне
Вручить на память перстень свой,
О рыцарь на коне!

И вы, конечно, помните, что ответил крестоносец:

У дочки из рук взял перстень лорд Брук
И поклялся своей душой,
Что будет она мне навеки жена,
Когда я вернусь домой.

Ведь вы, мистер Тиррел, наверно, и людей рисуете, не только пейзажи? Вы должны сделать для меня набросок – так, просто пустячок. Я считаю, что искусство гораздо свободней в набросках, чем в законченных картинах. Обожаю такие неожиданные вспышки таланта – они подобны молнии, сверкнувшей из туч! Вы мне сделаете набросок для моего будуара, любимой унылой каморки в моем Воздушном замке?.. А Призрачную Даму вы срисуете с Клары Моубрей...

– Это было бы не очень лестно для вашей подруги, миледи, – возразил Тиррел.

– Подруги? Мы не так уж накоротке, хотя Клара мне нравится. У нее лицо совершенно в сентиментальном духе. Помнится, в Лувре^[82] – я была там в тысяча восьмисотом году – я видела античную головку, очень похожую на нее. У нее совсем античное лицо и глубоко запавшие глаза... Кто знает, быть может, горести тому виною! Но из какого дивного мрамора изваяны ее черты! Над глазами – дуги черного агата, нос прямой, а рот и подбородок совершенно греческие. Роскошные длинные гладкие черные волосы и кожа невиданной белизны – белей белейшего пергамента! И ни следа краски в лице, ни следа... Если бы она решилась подбавить самую капельку румянца, она, пожалуй, могла бы сойти за красавицу. Ее и так многие считают красивой, хотя, по правде сказать, мистер Тиррел, женскому лицу необходимы краски: ему необходимы три цвета... Но все-таки в прошлом сезоне она считалась Мельпоменой нашего источника. А леди Бинкс – тогда она не была еще леди Бинкс – называлась у нас Эвфразиной^[83]. Не так ли, дорогая?

– Кто назывался, сударыня? – переспросила леди Бинкс гораздо резче, чем надлежало даме с такой прекрасной наружностью.

– Жалею, что оторвала вас от ваших мечтаний, душечка, – сказала леди Пенелопа. – Я только говорила мистеру Тиррелу, что вы были раньше Эвфрозиной, хотя сейчас и перешли под знамена кавалера Пенсерозо^[84].

– Уж не знаю, кем я была раньше, – ответила леди Бинкс, – знаю только, что сейчас я не мастерица разбираться в остроумии и учености вашей милости.

– Бедняжка! – шепнула Тиррелу леди Пенелопа. – Мы ведаем, кто мы такие, и не ведаем, кем станем. А теперь, мистер Тиррел, я достаточно долго служила вам Сивиллой и объясняла наш Элизиум, и в награду вы должны доверить мне свои тайны.

– Будь у меня тайны, которые могли бы хоть чуть-чуть заинтересовать вашу милость... – возразил Тиррел.

– О, жестокий! – воскликнула леди. – Он не желает понять меня... Говоря простыми словами, мне хочется заглянуть в ваш портфель. Я хочу узнать, что в мире спасли вы от неизбежной гибели, чему доставили бессмертие вашим карандашом. Вам не понять, мистер Тиррел, вам поистине не понять, как я обожаю ваше безмолвное и ясное искусство, которое уступает одной поэзии и равно только музыке или даже превосходит ее.

– У меня не много найдется вещей, достойных внимания такого судьи, как ваша милость, – ответил Тиррел. – Пустяки, вроде того, что вы видели, я подчас оставлял под деревом, в тени которого рисовал.

– Как Орландо^[85] разбрасывал свои стихи по Арденнскому лесу?^[86] О, безумная расточительность! Вы слышали, мистер Уинтерблоссом? Нам надо ходить вслед за мистером Тиррелом и подбирать, что он роняет по дороге.

Тут речь ее милости перебил хохот, донесшийся со стороны, где сидел сэр Бинкс. Леди покарала его гневным взглядом и выразительно продолжала:

– Мистер Тиррел, вы не должны так поступать! В мире есть законы, дорогой сэр, с которыми и гений должен соразмерять свой полет. Надо поговорить с гравером – впрочем, может быть, вы сами гравируете?

– Я бы это заподозрил, судя по легкости штриха мистера Тиррела, – ухитрился наконец вставить слово мистер Уинтерблоссом.

– Раз уж меня обвиняют в этом грехе такие сведущие судьи, – сказал Тиррел, – я не стану отрицать, что и мне подчас случалось испортить медную дощечку – правда, лишь в виде опыта.

– Ни слова более! – воскликнула леди. – Мое заветное желание исполнилось! Мы давно мечтаем увековечить лучшие из примечательных и романтических уголков нашей маленькой Аркадии^[87]. Места, посвященные дружбе, искусствам, любви и нежности, должен обесмертить правдивый резец, который не захочет опорочить славы гравера. Вы, мистер Тиррел, потрудитесь над этой задачей! А мы внесем свою долю в виде примечаний и разъяснений. Мы все окажем вам помощь, но пусть иным из нас будет позволено остаться неизвестными... Вы понимаете, мистер Тиррел, благосклонность фей должна сохраняться в тайне... Вам же будет разрешено совершить набег на наш альбом – там есть милые вещицы, сочиненные мистером Четтерли. Мистер Эджит, принадлежащий к тому же братству, что и вы, окажет вам, я надеюсь, свою помощь, а доктор Квеклебен напишет несколько научных заметок. Что касается подписного листа...

– Вот и финансы! Призываю вашу милость к порядку! – воскликнул стряпчий, прерывая леди Пенелопу с наглой фамильярностью, которая, несомненно, казалась ему самому веселой шуткой.

– Разве я вношу беспорядок? – выпрямляясь в кресле, спросила леди.

– Призываю к порядку! Никакие денежные распоряжения не могут издаваться без согласия распорядительного комитета!

– Но кто же говорил о деньгах, мистер Миклем? – возразила леди Пенелопа. – У этого старого кляузника, – шепнула она Тиррелу, – только и на уме, что его грязные деньги.

– Вы заговорили о подписном листе, миледи, а это тоже деньги – разница лишь во времени уплаты. Подписка является договором *de future*¹⁹ с некоторой *iractus temporis in gremio*²⁰. Слыхал я не раз, как иные почтенные люди, из тех, что живут на наших водах, плакались на подписные листы. Это просто беда, жалуются они, либо от других отставай, либо плати звонкой монетой за книжки с балладами и картинками и за прочую чепуху, что тебе и даром не нужна.

Многие из сидевших на нижнем конце стола поддерживали стряпчего кивками и невнятным гулом голосов. Оратор собрался было говорить дальше, но Тиррел постарался привлечь к себе внимание, пока спор не зашел слишком далеко. Он заверил общество, что ее милость введена в заблуждение своим собственным добросердечием. У него, сказал он, нет готовых произведений, достойных внимания и заботы присутствующих, и поэтому он выражает свою глубочайшую признательность леди Пенелопе за ее доброту, но не в силах выполнить ее приказ. Кое-кто захихикал, ибо ее милость, как лукаво заметил стряпчий, оказалась несколько излишне рьяной в своем стремлении оказать покровительство художнику.

Отложив на время ответные удары, для которых, и в самом деле, не оставалось времени, так как обед давно закончился, леди Пенелопа подала дамам знак покинуть столовую. Джентльмены остались одни, и бутылка пошла вкруговую.

¹⁹ На будущее (*лат.*).

²⁰ Временной отсрочкой платежа (*лат.*).

Глава VII Чаепитие

*...Напиток этот
Всех нас, не опьяняя, веселит.*

Каупер^[88]

По принятому на Сент-Ронанских водах обычаю одна из дам время от времени устраивала после обеда чаепитие для всего общества. Разумеется, для этого требовалось принадлежать к числу тех, кто по своему положению и роли в этом маленьком кругу был достоин занять на целый вечер место хозяйки. Врученную ей власть леди обыкновенно сохраняла и при переходе гостей в большой зал, где две скрипки, контрабас и quantum sufficit²¹ сальных свечей (против употребления которых часто негодовала леди Пенелопа) давали обществу возможность закончить вечер, как говорится, «порхая шаловливо на носках»^[89].

На этот раз мистер Фрэнсис Тиррел, бывший гвоздем вечера, настолько не оправдал пылких ожиданий леди Пенелопы, что она уже горевала, зачем ей пришлось в голову заняться им, а более всего – зачем она сегодня добивалась права взять на себя роль распорядительницы чаепитием и зря потратилась на отборные китайские чаи. Ее милость, призвав собственную служанку и свою *fille de chambre*²², поручила им готовить чай, а мальчику на побегушках, лакею и кучеру – разносить его, каковые обязанности им помогали исполнять два обшитых позументом и густо напудренных выездных лакея леди Бинкс, чьи ливреи затмили более скромные одеяния челядинцев леди Пенелопы и заставили померкнуть даже блестящие короны у них на пуговицах. Покончив с этими распоряжениями, она стала всячески чернить и честить того, кто столько времени был предметом ее любопытства.

– Этот мистер Тиррел, – заявила она властным и решительным тоном, – по-видимому, совсем заурядная личность, самый обыкновенный человек. Избрав своим жилищем старый постоялый двор, он, пожалуй, понимал свое положение лучше, чем мы, когда приглашали его в отель. Он сам лучше нас знает свое место – ни в его наружности, ни в беседе нет ничего необычайного, вовсе нет ничего, так сказать, *frappant*²³. Не верится даже, чтобы он сам сделал тот набросок! Правда, мистер Уинтерблоссом расхвалил этот рисунок, но ведь всем известно, что любая гравюра и любой рисунок, как только мистер Уинтерблоссом ухитрится им завладеть и присоединить их к своей коллекции, становятся в тот же миг вещью невиданной красоты. У коллекционеров всегда так: любой гусь у них превращается в лебедя.

– А лебедь вашей светлости оказался просто гусем, моя дорогая леди Пен, – сказала леди Бинкс.

– Мой лебедь, дорогая леди Бинкс? Понять не могу, чем я заслужила такой подарок.

– Не сердитесь, дорогая леди Пенелопа. Я имею в виду, что недели две, а то и больше, вы только и говорили об этом мистере Тирреле, а за обедом вы только и говорили, что с ним.

Услышав, что в этом коротком диалоге столько раз повторилось слово «дорогая», около них собрались дамы. Это слово сулило приятное развлечение, И, как в подобных случаях водится и у простолюдинов, вокруг бойцов образовался круг.

²¹ Достаточное количество (*лат.*).

²² Горничную (*фр.*).

²³ Поразительного, примечательного (*фр.*).

– Он сидел между нами, леди Бинкс, – с достоинством ответила леди Пенелопа. – У вас ведь, по обыкновению, болела голова, и, чтобы не посрамить всех нас, я говорила одна.

– И притом за двоих, с позволения вашей милости, – возразила леди Бинкс. – То есть за себя и за меня, – прибавила она, желая смягчить свои слова.

– Сожалею, – сказала леди Пенелопа, – что говорила за милейшую леди Бинкс, которая сама умеет вести беседу в столь изысканном стиле. Во всяком случае, мне и в голову не приходило завладевать разговором. Повторяю, я ошиблась в этом человеке.

– Я тоже думаю, что вы ошиблись, – сказала леди Бинкс, и в голосе ее послышалось не только простое согласие с заявлением леди Пенелопы.

– Сомневаюсь, художник ли он вообще, – заметила леди Пенелопа. – А если художник, тогда он рисует по заказу какого-нибудь журнала, или словаря, или чего-нибудь в этом роде.

– Я тоже сомневаюсь, чтобы он был художником по профессии, – откликнулась леди Бинкс. – А если да, так, верно, он отличный художник, потому что мне редко приходилось встречать такого воспитанного человека.

– Среди художников встречаются очень воспитанные люди, – сказала леди Пенелопа. – Это занятие для джентльмена.

– Разумеется, – ответила леди Бинкс. – Но тем, кто победнее, часто приходится бороться с нуждой и зависимостью. В обычном обществе они оказываются в положении купцов, столкнувшихся со своими покупателями, а это трудная роль. Разные есть люди: одни бывают скромны и сдержанны, потому что сознают свои заслуги; другие говорят дерзости и капризничают, стараясь выказать свою независимость; третьи становятся назойливыми, воображая, что держатся свободно; а иные даже раболепствуют и унижаются, если их натуре свойственна подлость. Но настоящая непринужденность дается им редко. Поэтому я полагаю, что этот мистер Тиррел либо первоклассный художник, уже совершенно не нуждающийся в унижительном для него покровительстве, либо он не художник по профессии.

Леди Пенелопа кинула на леди Бинкс взгляд, очень похожий на взгляд Валаама^[90], который тот кинул на свою ослицу при неожиданно открывшейся у нее способности вступать в спор. Про себя она пробормотала:

– Mon âne parle, et même il parle bien!²⁴

Однако она отклонила ссору, которую, видимо, хотела затеять леди Бинкс, и ответила добродушно:

– Ну, дорогая Рэчел, не будем пререкаться из-за этого человека! Ваше доброе мнение даже немножко поднимает его в моих глазах. Таковы уж мы, женщины, милая моя! Мы можем признаться в этом, пока здесь нет этих самодовольных, жалких созданий мужского пола! Мы еще увидим, что он представляет собою, ему недолго разгуливать перед нами в шапке-невидимке. Вы что-то сказали, Мария?

– Да вот я говорю, дорогая леди Пенелопа, – начала мисс Диггз, чью резвую болтовню мы уже изобразили читателю, – я говорю, что он очень красив, только у него слишком длинный нос и слишком большой рот. Зато зубы словно жемчуг, а глаза-то! Особенно когда вы с ним разговариваете, миледи. Вы, наверно, не рассмотрели его глаза – они глубокие, и темные, и блистают огнем, как писала та леди о Роберте Вернее, вы еще читали нам ее письмо...

– Право, мисс, вы делаете успехи, – сказала леди Пенелопа. – Я вижу, надо выбирать, что при вас читаешь или говоришь. Да пожалейте же нас, миссис Джонс, довольно вам брэнчать чашками и блюдечками. Кончайте, пожалуйста, эту вашу увертюру, и пусть наконец начнется первый акт чаепития.

– Ваша милость говорит о молитве? – спросила впервые допущенная в это почтенное общество простоватая миссис Блоуэр. Она деловито развернула индийский платок, служив-

²⁴ Осел мой говорит, и даже верно! (фр.)

ший, вероятно, парусом на грот-мачте одного из люгеров^[91] ее мужа, возивших контрабанду, и старательно разложила его на коленях, чтобы уберечь во время чая с пирожными, которым собиралась отдать должное, свое черное шелковое платье с цветами. – Ваша милость говорит о молитве? Вот как раз идет наш священник. Пожалуйте сюда, сэр, ее милость ждет, чтобы вы прочли молитву.

Вслед за священником ковылял и мистер Уинтерблоссом, потому что большой палец на ноге уже успел намекнуть ему, что пора покинуть столовую. Каждая черточка в лице бедной вдовушки вопила о ее желании приобщиться через председателя к местным законам и обычаям, но хотя мистер Уинтерблоссом понял муки ее любопытства, он презрел их и прошел на другую сторону комнаты.

Минуту спустя она была утешена приходом мистера Квеклебена. Доктор держался того правила, что любой пациент стоит внимания, и по опыту знал, что *honoraria*²⁵, которые ему предстоит получать от купчихи с Баухед, будут ничуть не меньше, а то и больше, чем вознаграждение от миледи. Поэтому он спокойно уселся рядом с миссис Блоуэр, весьма участливо расспросил ее о здоровье и выразил надежду, что она не забывает принимать по столовой ложке спирту, выпаренного до получения *residium*²⁶ и назначенного ей от плохого пищеварения.

– Знаете, доктор, – сказала простодушная женщина, – парила я, парила бренди, и сил моих не хватало смотреть, как добро губится. Потом, когда уж из одной бережливости пришлось мне потушить огонь, я взяла да и выпила с полнымперсточка (хотя нельзя сказать, чтоб я к этому была приучена), и представьте себе, доктор Квеклебен, мне помогло!

– Не сомневаюсь, сударыня, – сказал доктор. – Вообще я не сторонник алкоголя, но бывают случаи... бывают особые случаи, миссис Блоуэр. Мой уважаемый учитель, один из величайших людей нашей профессии, какие когда-либо существовали, ежедневно после обеда принимал внутри полный стакан старого рому с сахаром.

– Ах, боже мой, вот это был бы приятный доктор! – сказала миссис Блоуэр. – Может статься, он разобрался бы и в моей болезни. А жив он сейчас, как вы думаете, сэр?

– Он умер много лет назад, сударыня, – отвечал доктор, – и, поверьте, мало кто из его учеников достоин сейчас занять его место. Если я и могу, пожалуй, считаться исключением, так только потому, что я всегда был его любимцем. Ах, как я помню его старую красную мантию! Под ней скрывалось больше искусства врачевания, чем под всеми докторскими одеяниями целого нынешнего университета.

– Вот, сэр, слыхала я про одного врача, – сказала миссис Блоуэр. – Его ужас как хвалят в Эдинбурге. Зовут его Мак-Грегор^[92], что ли... Откуда только к нему не съезжаются!

– Я знаю, о ком вы говорите, сударыня. Это человек способный, спору нет, способный. Но бывают такие болезни, как у вас, например, да, пожалуй, как у многих, кто приезжает пить здешнюю воду... Нельзя сказать, чтобы этот доктор хорошо разбирался в таких болезнях... Он судит поспешно, чересчур скоро и поспешно. А я – я сначала предоставляю болезни идти своим чередом, а затем изучаю ее, миссис Блоуэр, и выжидаю перемены погоды.

– Вот это верно, – вздохнула вдова. – Мой Джон Блоуэр, бедняга, тоже все ждал перемены погоды.

– К тому же этот доктор заставляет голодать своих больных, миссис Блоуэр. Он голодом принуждает болезнь к сдаче, как солдаты – крепость. Он не считается с тем, что дружественное население страдает от голода не меньше, чем вражеский гарнизон, гм, гм!

Тут он многозначительно кашлянул и затем продолжал:

²⁵ Гонорары (лат.).

²⁶ Осадок (лат.).

– Я не являюсь сторонником слишком сильных, крайних средств, миссис Блоуэр. Надо ведь поддерживать человека. Подкрепляющая диета, лекарства, вводимые в разумных дозах, конечно, по совету медика, – таково мое мнение, говоря по дружбе, миссис Блоуэр, а другие пусть морят своих пациентов голодом, если им нравится.

– Мне голодать не подходит, доктор Кикербен, – сказала испуганная вдовушка, – для меня это вовсе не годится! Мне дня не прожить, коли понемножку не поддерживать себя, как того природа требует. Ведь с тех пор, как Джон Блоуэр помер, за мной смотреть некому. Премного благодарна, сэр (это было сказано слуге, разносившему чай), и тебе тоже, голубчик (а это – мальчику, подававшему пирожное). А не кажется ли вам, доктор, – доверительным шепотом продолжала она, – что чай-то у ее милости жидковат... Не знаю, как по-вашему, а по-моему – просто водица. Да и эта миссис Джонс режет пирожное слишком тонко.

– Так уж принято, миссис Блоуэр, – ответил доктор Квеклебен, – а чай у ее милости превосходный. Когда пьешь минеральную воду, то вначале она, случается, отбивает вкус; оттого вы и не чувствуете, как хорош чай. Мы должны поддерживать организм, укрепляя пищеварительную систему... Разрешите-ка, миссис Блоуэр, – вы ведь у нас человек новый, и мы должны о вас заботиться... У меня есть с собой один эликсир, с помощью которого можно мигом исправить дело.

С этими словами доктор Квеклебен достал из кармана коробку с набором медикаментов.

– Я всегда во всеоружии, – сказал он. – Вот по-настоящему полезная фармакопеея, а все остальное – вздор и надувательство. Имей такой набор весной, а осенью ездите недельки на две, а то и на месяц на Сент-Ронанские воды – и раньше своего срока не помереть.

С хвастливой миной доктор вынул из своей коробки большой флакон или, скорее, бутылочку, наполненную ярко окрашенной жидкостью, и влил три полных столовых ложки в чашку миссис Блоуэр. Попробовав, та сразу заявила, что и поверить нельзя, до чего вкус чая улучшился и какой он стал приятный и живительный.

– Может быть, доктор, ваше лекарство и мне поможет? – сказал мистер Уинтерблоссом, ковыляя к ним с протянутой чашкой.

– Никак не советую вам принимать его, – сказал доктор Квеклебен, весьма хладнокровно захлопывая коробку. – Ваша болезнь одоматозного характера^[93], и вы лечите ее по-своему. Вы ведь и сами врач не хуже меня, а я не привык вмешиваться в чужую практику.

– Ладно, доктор, – сказал Уинтерблоссом. – Придется мне подождать, пока явится сэр Бинго: обычно у него с собой охотничья фляга с лекарством, которое, наверно, ничуть не хуже вашего.

– Долго же вам придется дожидаться сэра Бинго, – ответил доктор. – Этот джентльмен предпочитает сидячий образ жизни и уже второй раз заказал себе магнум^[94].

– Неподходящее имя для знатного человека «сэр Бинго»^[95]. Как по-вашему, доктор Коклеен? – спросила миссис Блоуэр. – Вот мой Джон Блоуэр, бедняга, случись ему только быть чуточку навеселе, «оказаться против ветра», как он говаривал, так он все пел песенку про пса, что звался Бинго и жил, кажись, у одного фермера.

– Наш Бинго пока еще щенок, сударыня, а если и пес, так бездомный, – сказал Уинтерблоссом и, весьма довольный собственным остроумием, улыбнулся своей неподражаемой улыбкой.

– А то и бешеный – ведь он воды в рот не берет, – вставил мистер Четтерли и тоже мило улыбнулся в восторге, что, так сказать, «перешиб» каламбур председателя.

– Ишь какие они оба шутники, – сказала вдова, – да и сэр Бунги охулки на руку не положит. Беда только, что он так засиживается за бутылкой, а? Джон Блоуэр тоже любил, грешным делом, выпить, бедняга. Бывало, как причалит к миске пунша с подветренной стороны, так его и не оторвать. Однако вот и со стола убирают. Ведь это ужас, доктор, чтобы мы блага

земные так и принимали, ни до еды, ни после молитвы не прочитав? Этот мистер Читерлинг, если он на самом деле священник, будет в ответе, что пренебрегает службой Господней.

– Да ведь, сударыня, – сказал доктор, – мистер Четтерли едва достиг сана полномочного священника.

– Уполномоченного? Ах, доктор, вы опять, верно, шутите, – вздохнула вдова. – Совсем как мой бедный Джон Блоуэр. Когда я уговаривала его попросить прихожан помянуть в своих молитвах «Красотку Пегги» (судно-то было по мне названо, доктор Китлебен) со всем ее грузом, так он, бывало, отвечал: «Пусть молится за нее, кто решится, – она ведь у меня застрахована, Пегги Брайс!» Весельчак весельчаком, а хоть и любил пошутить, был он все-таки человек положительный, не хуже других капитанов, что снимались с якоря на Литском рейде^[96]. После его смерти осталась я одна-одинешенька, ох, нет мне покою ни днем, ни ночью... А на душе, на душе-то как тяжело, доктор! И не могу сказать, чтобы с тех пор, как я живу здесь, мне полегчало, разве что вот сейчас. Уж вы мне все-таки скажите, доктор, сколько я вам должна за этот эликсир? Он мне так сильно помог, да и душу я себе облегчила беседой с вами.

– Что вы, что вы, сударыня, – сказал доктор, увидев, что вдова вытащила кошель из толстой кожи, в каких моряки обычно держат табак, но сейчас до отказа набитый банкнотами. – Что вы, что вы, сударыня! Я ведь не аптекарь, у меня диплом Лейпцигского университета, я настоящий доктор, сударыня. Мой эликсир всегда к вашим услугам, а если вам понадобится совет, я ваш покорный слуга.

– Как я признательна вам за вашу доброту, доктор Киклпин! – сказала вдова, убирая деньги. – А кошель этот служил бедному Джону Блоуэру для табаку, кисетом, как говорится: вот я и ношу его в память мужа. Он был хороший человек и оставил мне всего вдоволь. Да нет добра без худа – быть одинокой женщиной, доктор Китлпин, тяжкая доля...

Доктор Квеклебен подвинул свой стул поближе к вдове и утешения ради повел с нею разговор куда нежнее прежнего и, очевидно, уже не предназначавшийся для слуха остальных гостей.

Одним из главных преимуществ жизни на водах является то, что дела каждого обитателя находятся как бы под особым наблюдением всего общества. Поэтому всякие там ухаживания, liaisons²⁷ и вообще тому подобные отношения, которые, естественно, завязываются среди гостей, доставляют удовольствие не только заинтересованным сторонам, но, вероятно, и наблюдателям, точнее говоря – всему обществу, членами которого в настоящий момент являются названные стороны. Леди Пенелопа, верховная богиня здешних краев, бдительно следившая за всем своим кружком, тотчас заметила, что доктор внезапно углубился в нежную беседу со вдовой и то ли как любезный кавалер, то ли как медик и врач осмелился даже завладеть ее хорошенькой пухлой ручкой.

– Боже мой, – сказала миледи, – что это там за миловидная дама, на которую с таким необыкновенным вниманием поглядывает наш превосходный и ученый доктор?

– Недурна, немолода и наклонна к полноте, – отозвался мистер Уинтерблоссом, – вот все, что я о ней знаю. Особа из торгового мира.

– Это, господин председатель, тяжело груженная колониальными товарами карака^[97] под названием «Красотка Пегги Брайс», – сказал священник, – в настоящее время не имеющая хозяина, ибо покойный Джон Блоуэр из Норт-Лита спустил шлюпку и отплыл по направлению к Стиксу^[98], не оставив на борту судна команды.

– Доктор, по-видимому, собирается определиться на корабль рулевым, – сказала леди Пенелопа, наводя на парочку свой лорнет.

²⁷ Связи (фр.).

– Я бы сказал, что ему хочется переименовать «Красотку Пегги» и сменить ее судовой регистр, – заметил мистер Четтерли.

– Тут уж он с нею поквитается, – поддержал Уинтерблоссом. – Она переименовала его шесть раз за пять минут, что я стоял рядом с ними и слушал беседу.

– А что вы думаете об этом, дорогая леди Бинкс? – спросила леди Пенелопа.

– Да, сударыня? – откликнулась леди Бинкс, не расслышав или не поняв вопроса и как бы опоминаясь от своей задумчивости.

– Мне хотелось знать ваше мнение о том, что там происходит, леди Бинкс.

Леди Бинкс повернулась в ту сторону, куда смотрела леди Пенелопа, не скрываясь, как принято в модном свете, оглядела вдову и доктора и затем, медленно опуская руку с лорнетом, безразлично произнесла:

– Я, право, не вижу там ничего такого, о чем стоило бы раздумывать.

– Чудесно, наверное, быть замужем, – сказала леди Пенелопа. – Душа, очевидно, так переполнена собственным счастьем, что не остается ни времени, ни охоты веселиться, как все прочие. Мисс Рэчел Бонниригт смеялась бы до упаду над тем, что оставляет совершенно равнодушной леди Бинкс. Замужество, вероятно, приносит такое блаженство, что больше уже ничего не нужно.

– Тот, кому удастся по-настоящему убедить в этом вашу милость, будет счастливым человеком, – вставил мистер Уинтерблоссом.

– Как знать, может быть, найдет и на меня такая причуда, – ответила леди. – Впрочем, нет, нет, нет, трижды нет!

– Скажите еще шестнадцать «нет», – сказал любезный председатель, – и пусть все эти отказы станут одним согласием.

– Если я повторю «нет» тысячу раз, все равно ни одному кудеснику не сделать из этой кучи и одного «да», – заявила ее милость. – Вспомним королеву Бесс! Она показала всем нам, как надо беречь власть, раз она тебе досталась. Что там за шум?

– Просто обыкновенная послеобеденная ссора, – объявил священник. – Я слышу, как наш неразговорчивый капитан призывает спорщиков утихомириться, пугая дьяволом и дамами.

– Знаете, дорогая леди Бинкс, все это совсем нехорошо со стороны вашего супруга и повелителя, а также со стороны Моубрея, который мог бы вести себя поумней; да и со стороны всех прочих тоже. Они каждый вечер ссорятся и только волнуют нас, размахивая друг у друга перед носом пистолетами, словно раздраженные охотники, которых дождливая погода задержала дома двенадцатого августа^[99]. Мне уж наскучил этот миротворец: едва он притушит ссору в одном месте, глядишь – она вспыхнула в другом. Как вы считаете, душенька, может быть, нам издать приказ, чтобы следующую ссору, которая возникнет, они уже *bona fide*²⁸ довели до поединка? Мы отправимся вместе с ними в качестве зрителей и разделимся на партии. А если дело кончится похоронами, так мы и на них явимся в полном составе. Черное ведь всем к лицу, не так ли, дорогая леди Бинкс? Взгляните-ка на глубокий траур вдовушки Блоуэр – вы ей не завидуете, душенька?

Леди Бинкс едва было не ответила резкостью на речь леди Пенелопы, но сдержалась, сочтя, вероятно, неблагоприятным идти на открытый разрыв с миледи. В тот же миг двери гостиной распахнулись, и появилась молодая дама в амазонке и с черной вуалью на шляпе.

– О ангелы и силы небесные! – воскликнула леди Пенелопа с трагическим жестом. – Дорогая Клара, почему вы так поздно? И почему в таком костюме? Пройдите в мои комнаты, горничная выберет вам что-нибудь из моих платьев – мы ведь одного роста. Идите

²⁸ Достойным образом (*лат.*).

же, прошу вас, по крайней мере, я потом буду чваниться каким-нибудь своим туалетом, если разок увижу его на вас!

Все это было сказано с выражением самой горячей дружбы, какая только бывает между женщинами. Прекрасная хозяйка тут же наградила мисс Моубрей нежным поцелуем, которыми дамы – благослови их Господь! – любят с ненужной щедростью осыпать друг друга к великому неудовольствию и зависти присутствующих мужчин.

– Вы дрожите, дорогая Клара, вы вся горите? Ну конечно, у вас жар, – с нежным беспокойством продолжала леди Пенелопа. – Послушайтесь меня, вам надо лечь в постель.

– Право, вы ошибаетесь, леди Пенелопа, – отвечала мисс Моубрей, видимо ничуть не удивляясь преувеличенной ласковости леди Пенелопы. – Мой пони шел резвой рысью, мне стало жарко – вот вам и разгадка. Налейте мне чашку чаю, миссис Джонс, и дело с концом.

– Свежего чаю, Джонс, да поскорее, – сказала леди Пенелопа, увлекая свою равнодушную приятельницу к себе в уголок, как ей угодно было называть конец гостиной, где находилась ее резиденция. Дамы приседали, когда они проходили мимо, джентльмены кланялись, но новая гостья отвечала им не более любезно, чем того требовала простая учтивость.

Леди Бинкс не поднялась навстречу ей: выпрямившись в своем кресле, она лишь принужденно кивнула головой. Мисс Моубрей ответила на ее приветствие столь же гордо, и они не обменялись ни одним словом.

– Кто она такая, доктор? – спросила вдова Блоуэр. – Помните, вы мне обещали рассказать все про здешнюю знать. Почему леди Пенелопа за ней так ухаживает? И отчего эта дама явилась в амазонке и фетровой шляпе, когда все мы (тут она оглядела самое себя) в шелках и атласе?

– Кто она такая, миссис Блоуэр, мне сообщить вам нетрудно, – ответил обязательный доктор. – Это мисс Клара Моубрей, сестра владельца замка, того джентльмена в зеленом сюртуке со стрелой на пелерине. Но зачем она надевает костюм для верховой езды или почему она делает еще что-нибудь – не под силу выяснить докторскому искусству. По правде сказать, я думаю, что она немножко... самую малость... так сказать, тронута. Называйте это нервами, или ипохондрией, или как хотите.

– Господи помилуй, вот бедняжка! – с состраданием воскликнула вдова. – И в самом деле, похоже на то. Но ведь нельзя же давать ей разгуливать на свободе, доктор, ведь она может сама изувечиться или другого изувечить. Смотрите-ка, она берется за нож! Ах, она просто хочет отрезать себе ломтик булки, не дожидаясь, чтобы ей услужили эти пудренные лакейские мартышки. Пожалуй, доктор, это разумно, ведь она может отрезать себе кусок, какой ей надо – толстый или тонкий. Ох, господа, да она взяла самую крошечку! Такой кусочек можно просунуть канарейке в клетку между прутьями. Лучше бы она подняла свою длинную вуаль и сменила бы юбку для верховой езды. В самом деле, ей надо растолковать, как вести себя по правилам, доктор Киклшин.

– Какие бы правила мы ни вводили, она на них не посмотрит, миссис Блоуэр, – сказал доктор. – По соизволению брата и по капризу леди Пенелопы, которая решила потакать Кларе Моубрей, ей все сходит с рук. А им следовало бы подумать о ее поведении.

– Ох, пора, пора подумать! Разве годится такой молодой девушке врываться к нарядным дамам, словно прискакав прямо с Литских песков? А как миледи с ней носится! Они, право, друг друга стоят.

– Пожалуй, что и так, – сказал доктор Квеклебен. – Одна ничуть не лучше другой. О леди Пенелопе-то, впрочем, было кому хорошенько подумать. Мой покойный друг, граф Фезерхед, был человек рассудительный и руководил семьей по всем правилам медицины. От минеральной воды или от моего ухода, а только здоровье леди Пенелопы отличное, и оно тут ни при чем: просто она капризница, и характер у нее вздорный – вот и все. При ее титуле и богатстве это позволительно. Однако другой способ лечения мог бы довести ее до беды.

– Да, да, ей друзей не занимать статью, – согласилась вдова. – Ну а эта девочка Моубрей? Бедняжка! Почему так вышло, что о ней никто не позаботится?

– Мать ее умерла, отец же ни о чем другом не думал, кроме своих забав, – ответил доктор. – Брат ее воспитывался в Англии, а если бы жил тут, так тоже заботился бы только о своем благе. Воспитание она получила из собственных рук, книги читала те, что находила в библиотеке, набитой старыми рыцарскими романами, общество у нее было случайное, друзья – кто попало. При ней не было, наконец, домашнего врача – поблизости не было даже порядочного лекаря. Нечего и удивляться, что бедная девочка выросла такой странной.

– Ах, бедняжка! Выросла без доктора! Даже без лекаря! – воскликнула вдова. – Но знаете, доктор, может быть, она, бедненькая, всегда была здорова и поэтому не нуждалась...

– Ха-ха-ха, сударыня, это значит лишь, что она нуждалась во враче гораздо больше, чем если бы была болезненной. Искусный врач знает, как умерить крепкое здоровье, миссис Блоуэр. Здоровье – чрезвычайно тревожный признак, если подходить к организму *secundum artem*²⁹. Внезапная смерть приключается чаще всего, когда люди находятся в добром здравии. Ох, состояние полного здоровья – вот в чем главная опасность для пациента, на взгляд врача!

– Так, так, доктор! Я-то прекрасно понимаю, как важно иметь подле себя человека искусного, – сказала вдова.

Доктору так захотелось уверить миссис Блоуэр в том, насколько для нее опасно одно только предположение, будто ей можно жить и дышать без разрешения врача, что тут его голос перешел в нежный умоляющий шепот, и сообщивший нам эти строки наблюдатель уж не мог дальше разобрать ни звука. Речь доктора, как это случается подчас с великими ораторами, «не была слышна на галерее».

Тем временем леди Пенелопа продолжала осыпать Клару Моубрей своими ласками. Любила ли миледи в глубине души молодую девушку – утверждать довольно трудно. Так ребенок, наверно, любит свою игрушку. Но Клара не всегда оказывалась послушной игрушкой и в своем роде была так же капризна, как ее светлость. Однако причуды бедной Клары бывали причудами на самом деле, а ее светлость свои большей частью выдумывала. Не соглашаясь с резкими суждениями доктора относительно Клары, надо все же признать, что ее настроение действительно отличалось неустойчивостью и случайные порывы легкомыслия сменялись у нее долгими промежутками печали. К тому же светскому обществу ее легкомыслие казалось гораздо большим, чем было на самом деле. Ей никогда не приходилось испытывать сдерживающего влияния подлинно хорошего общества, и она несправедливо презирала то, с которым ей по временам приходилось сталкиваться. К несчастью, некому было внушить ей ту важную истину, что иные формы и ограничения нужно соблюдать не столько для других, сколько ради нас самих. Поэтому она одевалась, вела себя и судила по-своему, и хотя ее наряды, манеры и мнения удивительно шли ей, они, как венок Офелии и обрывки ее странных песен, должны были, по сути дела, вызывать сострадание и грустные чувства, а не только забавлять окружающих.

– А почему вы не приехали к обеду? Мы ожидали вас, ваш трон был приготовлен.

– Я не приехала бы и к чаю, будь моя воля, – ответила мисс Моубрей. – Но брат говорит, что вы, ваша милость, собираетесь посетить Шоуз-касл. Желая утвердить вас в этом приятном намерении, он считал совершенно необходимым, чтобы я приехала и сказала: «Пожалуйста, приезжайте, леди Пенелопа». И вот я явилась и говорю: «Приезжайте, пожалуйста!»

– Неужели ваше лестное приглашение относится только ко мне, моя дорогая Клара? Леди Бинкс будет обижена.

²⁹ Согласно науке (лат.).

– Привозите и леди Бинкс, если она захочет сделать нам честь (тут обе обменялись принужденным поклоном), привозите мистера Спрингблоссом, то бишь Уинтерблоссом³⁰, везите всех здешних львов и львиц – у нас на всю коллекцию хватит места. Братец, кажется, приведет весь свой медвежий батальон. Обезьяны, без которых не обходится ни один караван, дополнят зверинец. Как вас будут угощать в Шоуз-касле – слава богу, дело не мое: это уж забота Джона.

– Нам не требуется угощения по всем правилам, душенька, мы удовольствуемся простым *dejeuner a la fourchette*³¹. Мы знаем, Клара, вам легче скончаться, чем выступать хозяйкой на званом обеде.

– Ничего подобного: я буду жить долго, составлю завещание и всякие званые обеды оставлю в наследство дьяволу, который их придумал.

Супруге баронета, которая сама ходила раньше в кокетках и сорванцах, а сейчас играла роль строгой дамы, развязность молодой девушки пришлась не по нраву, и она громко объявила:

– Мисс Моубрей высказывается в пользу

Шампанского с цыпленком на закуску.

– Предпочитаю цыпленка без шампанского, с вашего разрешения, – ответила мисс Моубрей. – Мне известно, что иным дамам приходится дорого расплачиваться за свое желание всегда иметь шампанское к обеду. Кстати, леди Пенелопа, вам не удастся держать ваш зверинец в такой строгости, как Барбоса с Полканом. Проходя их помещение в нижнем этаже, я слышала, как они там ворчали и грызлись.

– Это час кормления, душенька, – сказала леди Пенелопа, – а все животные низших видов в это время склонны к драке. Вы видите, мы наших ручных и ученых зверей не держим под замком, и они ведут себя хорошо.

– О да, в присутствии укротительницы, разумеется. Ну, придется мне рискнуть и снова пройти через холл, несмотря на этот рык и ворчанье. Мне бы, как принцу в сказке, иметь про запас бараньи окорока, чтобы швырять их вашему зверью, если оно на меня кинется. Помните, жил-был принц, который хотел добыть воды из Львиного источника? Впрочем, я лучше пройду другим ходом, не встречаясь с ними. Недаром честный ткач Основа говорит:

Когда б, как львы, они пришли сюда,
То их самих настигла бы беда^[100].

– Проводить мне вас, дорогая? – спросила леди Пенелопа.

– Не надо, у меня и самой духу хватит пройти через холл: ведь любые из них сходны со львами только шкурой.

– Но почему вы уходите так рано, Клара?

– Да ведь поручение исполнено – я пригласила вас и всех ваших, не так ли? Сам лорд Честерфилд^[101] признал бы, что я выполнила все требования вежливости.

– Но вы и слова ни с кем не молвили! Нельзя же быть такой нелюбезной, моя дорогая, – сказала леди Пенелопа.

– Обращаясь к вам и леди Бинкс, я обращалась и ко всем остальным. Впрочем, я буду пайной и сделаю как мне велят.

³⁰ Спрингблоссом – по-английски «весенний цвет», уинтерблоссом – «зимний цвет».

³¹ Завтраком на скорую руку (*фр.*).

Тут она оглядела собрание и с преувеличенной любезностью и учтивостью, едва скрывавшими презрение, сказала по несколько слов каждому из гостей:

– Мистер Уинтерблоссом, надеюсь, что подагра немного отпустила вас? Мистер Роберт Раймер^[102] (слава богу, я удержалась и не назвала его Томасом!), надеюсь, публика оказывает музам покровительство? Ваш карандаш, мистер Килевин, наверное, по-прежнему трудится без отдыха? Мистер Четтерли, паства ваша, несомненно, все совершенствуется? Доктор Квеклебен, я надеюсь, ваши пациенты выздоравливают? Вот и все, кого я знаю в этом уважаемом обществе. Прочим – кто болен – желаю доброго здоровья, а кто здоров – веселья!

– Неужели вы в самом деле покидаете нас, душенька? – сказала леди Пенелопа. – Так носиться верхом вредно для ваших нервов, право же, вредно. Вам следует беречь себя. Не поговорить ли мне с Квеклебеном?

– Не надо мне ни врачей, ни знахарей, моя дорогая. Зачем вы подмигиваете леди Бинкс? Зряшные намеки, со мной ничего такого нет, уверяю вас. Я не хочу, чтобы на Сент-Ронанских водах меня все жалели и все мне дивились, как леди Клементине. Не хочу я быть и Офелией, хоть и повторю вслед за ней: «Доброй ночи, сударыни! Доброй ночи вам, милые дамы...»^[103] Теперь же... нет, нет, я не скажу: «Подайте мне карету!»^[104] – а только: «Коня, коня!»^[105]

С этими словами она выскользнула из комнаты через боковую дверь, предоставив дамам обмениваться понимающими взглядами и многозначительно покачивать головами.

– Бедная девушка чем-то встревожена, – сказала леди Пенелопа, – такой странной я вижу ее в первый раз.

– Что до меня, – сказала леди Бинкс, – я думаю, что, как говорит в комедии миссис Хаймор, напрасно она старается свою дерзость выдать за безумие.

– Нехорошо, милая леди Бинкс! – упрекнула ее леди Пенелопа. – Пожалейте мою любимицу. Уж кому-кому, а вам-то следует быть снисходительней к милым эксцентрическим выходкам. Простите меня, душенька, но должна же я защитить отсутствующую подружку. Ведь я уверена, что у леди Бинкс хватит великодушия и искренности, и она не станет

Уловки осуждать, что помогли возвыситься самой.

– Не знаю, о каком возвышении вы говорите, миледи, – возразила леди Бинкс, – и поэтому не пойму, какие я должна была применять уловки для достижения его. По-моему, нет ничего особенно странного в том, что леди из старинной шотландской семьи выходит замуж за английского баронета.

– Конечно нет, но знаете ли, чего только на свете не считают странным, – кольнула ее леди Пенелопа.

– Если вам завиден мой бедный чудак, сэр Бинго, я помогу вам раздобыть себе такого же, милая.

– Ничуть не сомневаюсь в вашей сноровке, дорогая, но уж если мне понадобится, я и сама раздобуду себе такого. Ну вот наконец и все эти чудачки!.. Джолиф, предложите джентльменам чаю, а потом приготовьте здесь все для танцев и расставьте столы для карт в соседней комнате.

Глава VIII

После обеда

*Берут стаканы, пьют и вскоре
От дружбы переходят к ссоре.*

Прайор

Если читателю доводилось присматриваться к нравам собачьего племени, он, наверно, заметил, что ссоры женского пола у них сильно отличаются от ссор мужского. Особы, принадлежащие к первому роду, задиристы и обидчивы, а свое раздражение, неприязнь и ревность, возникающие в присутствии соперниц, склонны выражать внезапным лаем и стремительным нападением, которое производится по возможности врасплох. Однако эти взрывы озлобления не ведут к очень глубоким и затяжным столкновениям – схватка начинается и заканчивается в один миг. Не такова вражда среди мужественных псов. Раз возникнув и подогреваемая оскорбительным и вызывающим рычанием с обеих сторон, она непременно приводит к яростному и упорному поединку. Если эти бравые псы равны по силе, то они, катаясь по загону, будут долго рвать, грызть и душить друг друга. Чтобы разъединить бойцов, нужно притушить их ярость ведром холодной воды либо изо всех сил тянуть за ошейники, и, только почти задохнувшись, они разжимают пасти.

Это грубое сравнение, взятое из жизни собак, все-таки вполне приложимо к людям. Пока дамы, как только что описывалось, занимались за чайным столом перестрелками и перепалками, у джентльменов, оставшихся в столовой, уже не раз назревали более серьезные столкновения.

Мы говорили, какие веские причины заставляли мистера Моубрея отнестись с враждебным предубеждением к молодому человеку, приглашенному к обеду с общего согласия. Этого предубеждения отнюдь не уменьшило поведение Тиррела, который хоть и был хорошо воспитан, но держался со всеми на равной ноге, что сент-ронанскому лэрду казалось чрезмерной самонадеянностью.

Что касается сэра Бинго, то в нем уже росла настоящая ненависть, какую человек низкой души всегда испытывает к противнику, перед которым ему случилось однажды позорно отступить. Он не забыл, как Тиррел пресек его непрошеную назойливость, он не забыл его взгляда и тона при этом. И хотя в то мгновение сэр Бинго смолчал, в сердце его засела обида, требовавшая отмщения. За вином в нем стала пробуждаться храбрость, отсутствие которой в более трезвые минуты оказывало сдерживающее влияние на его драчливый характер. Эта храбрость быстро распалила его злобу, и он уже несколько раз, выдавая свое раздражение, затевал споры с Тиррелом без всякой причины, и притом более резко, чем то позволяло их столь недавнее знакомство. Тиррел замечал его враждебность, но обращал на его слова столько же внимания, сколько вызвали бы в нем выходки великовозрастного школьника, которому не стоит отвечать, хотя бы его глупость и заслуживала того.

Один раз внешним поводом для грубой выходки баронета, носившей совсем ребяческий характер, послужило следующее. Разговор коснулся охоты, то есть одной из самых волнующих тем для молодых шотландских помещиков, и Тиррел упомянул своего любимого сеттера, собаку редкой красоты, которую он не взял с собой, но которую ему должны были привезти на следующей неделе.

– Сеттер! – насмешливо заметил сэр Бинго. – Вы, наверно, хотели сказать – пойнтер.

– Нет, сэр, – возразил Тиррел. – Мне отлично известна разница между сеттером и пойнтером, и я знаю, что старомодный сеттер нынче не в чести у охотников. Но я люблю свою собаку как друга и ценю ее охотничьи качества. Сеттер к тому же понятливей, привязчивей, и с ним лучше коротать вечера у камина, чем с пойнтером. Этому причиной, – добавил он, – вовсе не недостаток у него сообразительности. Но грубые псары и конюхи обыкновенно так плохо обращаются с пойнтерами, пока те находятся в их ведении, что псы теряют все, кроме своих охотничьих навыков, и пойнтер в конце концов только и умеет, что находить дичь и делать стойку.

– А кому нужно, чтобы он годился на что-нибудь еще? – спросил сэр Бинго.

– Многие, сэр Бинго, придерживаются того мнения, – ответил Тиррел, – что и собаки и люди, которые хороши на охоте, могут подчас пригодиться и для дружеского общения.

– То есть для того, чтобы вылизывать тарелки и скрести кастрюли, вероятно, – пробормотал сэр Бинго *sotto voce*³² и прибавил несколько громче и членораздельнее:

– Никогда не слыхивал, чтобы с сеттером охотился кто-нибудь, кроме браконьеров.

– Теперь это вам известно, сэр Бинго, – ответил Тиррел, – и, надеюсь, вы не впадете снова в такую грубую ошибку.

Тут блюстителю мира и порядка счел свое вмешательство необходимым и, преодолев привычную молчаливость, произнес следующую содержательную речь:

– Шорт побери! А по-моему, коли вы хотите знать мое мнение, здесь и спорить не о чем. Потому что – шорт побери! – мне кажется, знаете ли, вы оба правы, шорт побери! Хорошо моему другу, уважаемому сэру Бинго, имея конюшни для лошадей и конуры для псов и все такое, держать полдюжины грязных псов, что визжат и воют весь день и всю ночь у меня под окном, шорт побери! Они там визжат и воют, а я – шорт побери! – предпочел бы, чтобы они визжали и выли где-нибудь в другом месте. На свете немало людей, по сути дела настоящих джентльменов, которые ничуть не хуже моего уважаемого друга сэра Бинго, только они, может быть, бедны. А если человек беден – будь это я, например, или этот достойный джентльмен мистер Тиррел, ведь нет такого правила или закона, чтобы ему не держать пса для охоты или своего удовольствия? И если нет у него конюшни или конуры, чтобы дершать там свою животину, так разве он не может дершать ее у себя в спальне или на подстилке у камина, поскольку матушка Додз к себе на кухню их ни за что не пустит? Так что, если мистер Тиррел считает, что ему для этого сеттер подходит больше пойнтера, то, шорт побери, по-моему, против этого нет закона, умереть мне на этом месте!

Если читателю эта речь покажется слишком пространной для такого случая, пусть он припомнит, что капитану Мак-Терку приходилось, вероятно, переводить ее с перифрастического языка Оссиана^[106], на каковом она первоначально возникла в его мозгу.

Мужу мира и порядка отвечал муж закона:

– Ну, на этот раз вы ошиблись, капитан! Против сеттеров есть закон. Я берусь доказать, что они-то и есть те «брехливые собаки», о которых говорится в одном старинном шотландском статуте и которых запрещается укрывать у себя под страхом...

Тут капитан принял важный вид и прервал его весьма строго:

– Шорт побери, мистер Миклем, я хотел бы знать, что вы имеете в виду, заявляя мне, будто я ошибаюсь, сэр, и упоминая о «брехливых собаках»? Вам следует понять, и запомнить, и твердо усвоить, что я ни разу в жизни не ошибался, разве что принимая вас за джентльмена, сэр.

– Не имел намерения оскорбить вас, капитан! Да и ваше дело блюсти порядок, а не заводить ссоры, – сказал муж закона и тихонько зашептал на ухо своему патрону:

³² Тихим голосом, в сторону (*ит.*).

– Он сварлив, словно старый шотландский терьер, что кидается на всякого, кто ни подойди. Но вот что я скажу вам, Сент-Ронан: честное слово, по-моему, это тот самый мальчишка Тирл, против которого еще во времена вашего отца я поднимал дело за то, что они – с ним был еще один висельник – охотились на Спрингвелхедской пустоши.

– Верно, верно, Мик, – так же шепотом ответил ему лэрд. – Теперь благодаря вам мне становится понятно, почему он все время так не нравился мне. Я чувствовал, что это какой-то проходимец. Ну, я выведу его на чистую воду, попомните мое слово!

– Тише, тише, погодите, Сент-Ронан! Помалкивайте пока. Ведь я возбудил процесс по желанию вашего батюшки перед сессией суда, но только старый помощник шерифа оказался на стороне этого мальчишки, и некоторые судьи посчитали, что парни нечаянно забрели на пустошь. Поэтому добиться решения в нашу пользу не удалось. У вашего отца тогда разыгралась подагра, а мне не хотелось тревожить его. Я боялся, как бы их не оправдали вчистую, и предпочел отложить разбор дела. Так что, Сент-Ронан, тут вам лучше действовать осторожно – в суд-то их вызывали, да ведь не осудили же.

– А нельзя ли снова поднять дело? – спросил мистер Моубрей.

– Фью! Нет, теперь пиши пропало; уж лет шесть-семь, как оно прекращено за давностью. Да, Сент-Ронан, это просто позор, что применение законов об охоте, которые остаются последней защитой помещиков от посягательств низшей братии, ограничено такими короткими сроками. Браконьер может себе скакать взад-вперед, словно блоха под одеялом, – прошу прощения, сэр, – да носиться сорокой из одного графства в другое, как ему заблагорассудится, и если вы не поспеете придавить его в тот же миг, так кушайте на здоровье одни отмены и давности.

– В самом деле, позор, – громко сказал Моубрей, отворачиваясь от своего агента и наперсника и обращаясь ко всему обществу, но при этом в упор глядя на Тиррела.

– Позор, сэр? – переспросил Тиррел, почувствовав, что замечание относится именно к нему.

– Позор, что на наших угодьях развелось столько браконьеров и бродяг, сэр, – ответил сент-ронанский лэрд. – Я даже сожалею, что разрешил строить поселок у источника, как только вспомню, сколько из-за этого бродяг с ружьем за плечами является в мои владения.

– Да что вы, Сент-Ронан! – вскричал муж закона. – Не разрешить строить поселок у источника! Да на что была бы тогда похожа вся здешняя округа, хотел бы я знать? Таких перемен, такого процветания не видали здесь с сорок пятого года!^[107] Нет, нет, из-за браконьерства и воровства дичи Сент-Ронанские воды бранить нечего. Всем этим сбродом мы обязаны Старому городку. У нас на водах против незаконной охоты имеются определенные и строгие правила.

– Понять не могу, – сказал сквайр, – почему мой отец решил продать старый постоялый двор той ведьме, что держит его из пустого упрямства и пригревает у себя всяких браконьеров и бродяг. И зачем ему понадобилось учинить такую глупость?

– Вероятно, вашему отцу понадобились деньги, сэр, – сухо сказал Тиррел. – А у моей почтенной хозяйки миссис Додз они нашлись. Вам, наверно, известно, что я остановился там?

– О сэр, – с презрительной учтивостью отвечал Моубрей, – как вы сами понимаете, я не говорю о присутствующих. Я только хотел отметить то обстоятельство, что нам досаждают разные посторонние люди, которые охотятся на наших угодьях, не имея на то ни права, ни разрешения. Я просто прикрою за это ее гостиницу, вот и все. Ведь мы страдали от этой напасти еще во времена моего отца, не так ли, Мик?

Но мистер Миклем, в ком выражение лица Тиррела не вызывало никакой охоты подтверждать этот факт, только буркнул что-то в сторону гостей, а шепотом особо предостерег своего патрона, что не стоит дразнить гусей.

– Он меня раздражает, хоть я и сам не пойму, откуда берется моя неприязнь, – сказал Сент-Ронан. – Однако ссориться с ним безо всякого повода было бы все-таки глупо, и поэтому, дружище Мик, я постараюсь потерпеть и держаться тихо.

– А чтобы это удалось, – добавил Миклем, – вам, я думаю, лучше не пить больше вина.

– Пожалуй, – согласился сквайр. – У меня от каждой рюмки, выпитой в его обществе, делается изжога. И хотя он ничем не отличается от остальных моих собутыльников, но в нем есть что-то невыносимое для меня.

С этими словами он отодвинул стул и – *regis ad exemplar*³³ – вслед за лэрдом поднялись и все остальные.

Сэр Бинго встал из-за стола с великой неохотой, которую и выразил злобным ворчанием, переходя за остальными в соседнее помещение, служившее прихожей и отделявшее столовую от чайной комнаты, как она называлась. Намереваясь присоединиться к дамам, гости стали здесь разбирать свои шляпы (хотя в старину джентльмены брались за шляпы лишь при выходе из дому).

Тиррел обратился к разряженному лакею, который стоял тут же, и попросил передать свою шляпу, лежавшую на столе позади слуги.

– Кликните своего собственного слугу, сэр, – заявил ленивый парень с подлинно лакейской наглостью.

– Вашему хозяину, – сказал ему Тиррел, – следовало бы поучить вас приличному обхождению, мой друг, прежде чем приводить сюда.

– Мой хозяин – сэр Бинго Бинкс, – по-прежнему нахально ответил избалованный лакей.

– Ну-ка, Бинги, вперед! – шепнул Моубрей, который знал, что после вина храбрость баронета достигнет уровня, нужного для драки.

– Да, этот парень – мой слуга, – сказал сэр Бинго громче и членораздельней обычного. – Кому-то это не по нраву?

– Тогда я умолкаю, – с полнейшим хладнокровием ответил Тиррел. – Я бы удивился, окажись слуга сэра Бинго воспитанней хозяина.

– Что вы этим хотите сказать, сэр? – сказал сэр Бинго, выступая вперед с весьма грозным видом, ибо он недаром отличался на Файвз-Корте^[108]. – Что вы этим хотите сказать, черт вас побери, сэр! Вы и глазом не моргнете, как получите у меня!

– А вы и охнуть не успеете, как я вздую вас, сэр Бинго, если вы сейчас же не оставите этот тон!

И гость взмахнул дубовой тростью, которую держал в руке. Как ни малоприметен был взмах, но он доказывал некоторое знакомство с благородным искусством фехтования. Узрев сие, сэр Бинго счел благоразумным несколько попятиться, хотя его и подталкивали вперед иные из его друзей, которые в своем рвении о его чести предпочитали увидеть, как ему переломают ребра в доблестном поединке, чем быть свидетелями того, как его достоинство будет замарано позорным отступлением. Тиррел, видимо, собирался доставить им это удовольствие. Однако в тот самый миг, когда его рука уже поднималась, выражая достаточно определенное намерение, кто-то прошептал у самого его уха следующие многозначительные слова:

– Достойно ли мужчины это?^[109]

Даже волнующий голос нашей неподражаемой миссис Сиддонс^[110], когда она, бывало, потрясала театр шепотом, произнося эти шекспировские слова, не оказывал на слушателей такого могущественного действия, какое произвел этот неожиданный вопрос на того, к кому он был сейчас обращен. Тиррел забыл все – ссору, обстоятельства, в которых находился, всех

³³ По примеру государя (лат.).

окружающих. Толпа словно вдруг растаяла, и в мире, казалось, не осталось другой цели, как только следовать за тем, кто только что обратился к нему.

Но как ни быстро он обернулся, исчезновение его тайного увещателя совершилось еще стремительней, ибо среди пошлых лиц, окружавших его, он не увидел ни одного, к кому мог бы отнести звуки, возымевшие такую власть над ним.

– Посторонитесь! – сказал он толпившимся вокруг, и в голосе его прозвучала готовность, если понадобится, силой проложить себе дорогу.

Мистер Моубрей Сент-Ронан выступил вперед.

– Постойте-ка, сэр, – сказал он, – так не годится. Вы явились сюда, где вас никто не знает, и напускаете на себя такую важность, словно, черт вас побери, вы принц или герцог. Нам надо знать, кто вы и что вы, а не то мы не дадим вам разговаривать дальше таким надменным тоном.

От этих слов гнев Тиррела сразу как будто стих, а нетерпеливое желание покинуть отель еще усилилось. Он повернулся к Моубрею, подумал мгновение, словно собираясь с мыслями, и ответил так:

– Мистер Моубрей, ни с кем здесь я не ищу ссоры, а менее всего хотел бы повздорить с вами. Я явился сюда по приглашению и, хотя не ждал от этого визита особого удовольствия, все же не думал наткнуться на неучтивость. Мое предположение оказалось ошибочным, и поэтому я пожелаю всем собравшимся покойной ночи. Мне надо еще проститься с дамами.

Промолвив это, он, как бы в нерешимости, сделал несколько шагов к двери в комнату, где играли в карты. Но вдруг, ко всеобщему изумлению, остановился, пробормотал, что «теперь не время», круто повернулся и, высокомерно кивнув расступившимся перед ним джентльменам, скорым шагом направился в противоположном направлении, в сторону холла.

– Черт возьми, неужели вы позволите ему уйти, сэр Бинго? – воскликнул Моубрей, которому, видно, хотелось втравить своего друга в новую ссору. – Держите-ка его – видите, он трусил!

Подбодренный такими словами, сэр Бинго с вызывающим видом стал на пути Тиррела, загораживая ему выход. Тогда гость, выразительно обозвав баронета дураком, схватил его за шиворот и с силой отшвырнул в сторону.

– Всякий, кому я понадобится, может найти меня в Старом городке, – объявил он. И, не дожидаясь последствий своего резкого поступка, тотчас покинул гостиницу.

Однако во дворе он остановился, словно раздумывая, куда идти, и как бы собираясь задать кому-нибудь вопрос, вертевшийся у него на языке. Наконец на глаза ему попался конюх, стоявший неподалеку от входа с прекрасным пони на поводу под дамским седлом.

– Чей это... – начал Тиррел и запнулся, не будучи в состоянии договорить.

Но парень ответил так, будто выслушал вопрос до конца.

– Владелица этого пони – мисс Моубрей из Сент-Ронана, сэр. Она сейчас уезжает, и мне велено поводить его. Не всякая леди до этого додумается, сэр.

– Она возвращается к себе в Шоуз по дороге мимо Оленьего камня?

– Наверно, сэр, – ответил конюх. – Этот путь короче, а мисс Клара не боится плохих дорог. Она проскачет по любой!

Тиррел отвернулся от конюха и поспешно пошел прочь. Однако он направился к Старому городку не обычным путем, а углубился в молодой лесок по тропинке, которая следовала течению ручья и пересекала верховую дорогу, ведущую к поместью мистера Моубрея у романтического поворота, носившего название Оленьего камня.

Здесь, на небольшом полуостровке, образованном излучиной ручья, стоял на зеленом склоне грубо вытесанный каменный столб. По преданию, он отмечал место гибели оленя редкой силы, величины и прыти. Долгий летний день бежал он, преследуемый охотниками,

и здесь его настигла смерть, к великой чести и вящей славе одного из старинных сент-ронанских баронов и своры его верных гончих. При вырубках леса, происходивших ввиду постоянной нужды в деньгах у сент-ронанских владельцев гораздо чаще, чем советует Понти, деревья по соседству с этим массивным обелиском получили пощадку. Старые дубы, может быть, еще внимали кликам охотников, приветствовавших конец оленя, и были свидетелями того, как воздвигался простой памятник, увековечивший великое событие. Под широко раскинутыми ветвями здесь даже в полдень царили сумерки; теперь же, когда солнце клонилось к закату, в тени дубов уже стояла ночная тьма. Особенно темно было в одном месте, на расстоянии пистолетного выстрела от Оленьего камня, где несколько таких дубов простирали свои могучие ветви над глубокой ложиной, по которой вилась верховая дорожка в Шоуз-касл. Так как в поместье Моубрея чаще ездили по проезжей дороге, которая шла стороной, эта тропа оставалась почти в первобытном виде, всюду на ней лежали большие камни, и местами ее пересекали овраги. Она пленяла глаз любителя живописных пейзажей своей прихотливостью, но была трудна, а для всадника, чей конь шел нетвердой поступью, даже опасна.

Пешеходная тропинка к Оленьему камню, выходявшая здесь к верховой дороге, была проложена на общественный счет по указанию мистера Уинтерблоссома, у которого хватило вкуса, чтобы оценить красоту этого уединенного уголка, где в былые времена с удобством устроился бы в засаде какой-нибудь грабитель со своей шайкой. Об этом невольно подумал Тиррел, проходя знакомым путем и торопясь к месту, подходящему для осуществления его цели. Он сел у одного из старых, развесистых деревьев, где, скрытый громадными ветвями, мог на большом расстоянии наблюдать дорогу от отеля, будучи сам невидим для всякого, кто двигался бы по ней.

Между тем его внезапный уход возбудил в только что покинутом им обществе изрядное волнение и заставил многих делать на его счет далеко не лестные выводы. Особенно гремел сэр Бинго. Чем более увеличивалось расстояние между ним и его противником, тем яростней он бушевал, клялся «наказать негодяя за его низость», «изгнать его вон из округа» и сыпал уж не знаю какими страшными угрозами.

В старинных рассказах о всякой *diablerie*³⁴ дьявол всегда оказывается рядом с тем, кто лелеет дьявольские замыслы: нечистому стоит лишь подтолкнуть такого человека под руку, и все эти замыслы будут осуществлены. Это свойство князя тьмы было присуще благородному капитану Мак-Терку, и притом в такой степени, что при малейшем намеке на ссору и поединок он незамедлительно оказывался тут как тут. Вот и сейчас он очутился рядом с сэром Бинго и в качестве миротворца тотчас высказал свое мнение о событиях:

– Шорт побери! Вы совершенно правы, мой дорогой сэр Бинго, все это действительно задевает вашу честь и честь Сент-Ронанских вод, да и порошит нас всех и марают наше имя, шорт побери! Это дело требует разрешения – ведь, по-моему, он осмелился толкнуть вас, мой дорогой друг!

– Толкнуть меня! – закричал в смятении сэр Бинго. – Ну нет, капитан Мак-Терк, до этого не дошло! Да посмей он только, я бы выкинул его в окошко, будь он проклят! Наглец хотел взять меня за шиворот, и только я отступил на шаг, чтобы схватиться с ним, как этот негодяй, черт побери, пустился наутек.

– Верно, совершенно верно, сэр Бинго, – согласился законник. – Это настоящий негодяй, браконьер и бродяга! Трех дней не пройдет, как я выставлю его вон из наших краев. Не стоит вам и думать о нем, сэр Бинго.

– Вот что, шорт побери, мистер Миклем, – с весьма строгой миной сказал блюститель порядка, – зря вы путаетесь не в свое дело. Для шести и доброго имени Сент-Ронанских вод и

³⁴ Чертовщине (фр.).

всех нас будет гораздо лучше, если сэр Бинго последует совету лиц, смыслящих поболее вас в делах такого рода. С вами стоит посоветоваться, когда речь идет о мелких долгах, здесь же, мистер Миклем, встал вопрос о достоинстве джентльмена, а это, сдается мне, не по вашей шасти.

– Нет, клянусь святым Георгием, не по моей! – ответил Миклем. – Разбирайтесь тогда сами, капитан, и могу себе представить, до чего вы доразбираетесь!

– В таком случае, – сказал Мак-Терк, – не угодно ли вам, сэр Бинго, пройти со мною в курительную комнату? Там за сигарой и рюмкой джина мы обсудим, как нам поступить при сложившихся обстоятельствах, без урона для шести всего общества.

Баронет принял это приглашение, вероятно, столько же прельщенный тем занятием, за которым капитан собирался преподать ему свои воинственные советы, сколько и удовольствием, которое ему сулили сами эти советы. И вслед за своим гордо выступавшим советником, чья военная поступь сделалась еще тверже, а выправка от предвкушения надвигающейся ссоры еще строже, баронет направился в курительную комнату. Там, со вздохом закулив сигару, сэр Бинго приготовился внимать наставлениям мудрости и доблести, которые бурным потоком готовились излиться из уст капитана Мак-Терка.

Тем временем все остальные джентльмены присоединились к дамам.

– Здесь была Клара, – сказала сквайру леди Пенелопа. – Мисс Моубрей только что появилась среди нас, чтобы, подобно солнечному лучу, на миг ослепить нас и тотчас покинуть.

– Ах, бедная Клара, – сказал Моубрей, – несколько минут тому назад в прихожей мне показалось, что она мелькнула в толпе, но я не был уверен в этом.

– Так вот, – сказала леди Пенелопа, – она приглашает всех нас в Шоуз-касл позавтракать а la fourchette в четверг. Надеюсь, вы поддерживаете приглашение сестры, мистер Моубрей?

– Разумеется, леди Пенелопа, – ответил Моубрей. – Я очень рад, что Клара была так мила и подумала об этом. Другой вопрос, конечно, как мы справимся с приемом, – ведь ни она, ни я не привыкли принимать гостей.

– О, я уверена, все выйдет прелестно, – сказала леди Пенелопа. – Клара мила со всеми и всегда, а вы, мистер Моубрей, умеете быть воспитанным человеком, если захотите.

– Как вы строги ко мне! Ну что ж, постараемся выказать благовоспитанность. Да и как мне не постараться, если зато я увижу вас у себя в Шоуз-касле, куда так давно не заглядывали гости. Мы с Кларой живем сами по себе, каждый на свой лад.

– Не прогневайтесь на меня, мистер Моубрей, – сказала леди Бинкс, – но только, по моему, вам не следовало бы позволять своей сестре столько разъезжать верхом без провожатого. Я знаю, ни одна женщина не сидит в седле так крепко, как мисс Моубрей, но все-таки может приключиться беда.

– Беда? – переспросил Моубрей. – Ах, леди Бинкс! С дамами при наличии провожатого беда приключается так же легко, как и без него.

Леди Бинкс, которая в девичестве часто скакала по здешним лесам в сопровождении сэра Бинго, вспыхнула, метнула гневный взгляд и замолкла.

– Да, впрочем, что тут опасного, – добавил Джон Моубрей шутливо. – В наших лесах не водится волков, которые могли бы съесть наших милых Красных Шапочек. Львов у нас тоже никаких не встретишь... кроме светских львов вокруг леди Пенелопы.

– Тех самых, что впряжены в колесницу Кибелы, – сказал мистер Четтерли.

К счастью, леди Пенелопа не поняла сравнения, которое прозвучало несколько иначе, чем рассчитывал мистер Четтерли.

– Кстати, – спросила она, – а что вы сделали с главным львом сегодняшнего праздника? Я нигде не вижу мистера Тиррела. Он, наверно, приканчивает добавочную бутылку с сэром Бинго?

– Мистер Тиррел, сударыня, – ответил Моубрей, – с успехом изображал сегодня и льва рыкающего и льва посрамленного^[111]; он сначала затеял ссору, а затем сбежал, отступив перед грозным гневом доблестного рыцаря леди Бинкс.

– Надеюсь, этого не случилось, – сказала леди Бинкс. – Неудачные воинственные выступления моего супруга до сих пор не отбили у него охоты к ссорам, но достанься ему хоть одна победа, и он будет бойцом до конца своих дней.

– Нет худа без добра, – шепнул Уинтерблоссом Моубрею, – бойцы на свете не заживаются.

– Ну нет, – ответил Моубрей. – У леди Бинкс не даром вырываются такие горькие слова – ее отчаяние понятно и вполне законно, ибо сэр Бинго в этом смысле не подает никаких надежд.

Затем Моубрей простился с леди Пенелопой и в ответ на просьбу остаться и принять участие либо в танцах, либо в картах, заявил, что сейчас не может терять времени.

– Наверное, – сказал он, – старые слуги в Шоуз-касле, услышав от Клары о событиях, назначенных на четверг, со страху уже совсем потеряли голову, и так как моя сестра, разумеется, не подумает заняться соответствующими приготовлениями, мне придется взять эти заботы на себя.

– Если вы поедете быстро, – заметила леди Пенелопа, – вы можете даже предупредить переполох, нагнав нашу милую Клару на пути домой. Она иногда, словно Бетти Фой^[112], предоставляет своему пони брести шажком по тропе как ему вздумается.

– Но зато другой раз, – вставила маленькая мисс Диггз, – она несется галопом сломя голову, так что жаворонок покажется улиткой рядом с ее пони, – со стороны даже смотреть страшно!

Тут доктор тронул за локоть миссис Блоуэр, которая перебралась поближе к кружку избранных гостей, не решаясь, впрочем, вмешиваться в разговор. Они обменялись понимающим взглядом и с превеликим сочувствием покачали головами. Моубрей случайно поглядел на них в эту минуту. Несмотря на то что оба они поспешили изменить выражение лица, он, вероятно, понял их мысли; может быть, в нем самом зародилось схожее опасение. Он взял шляпу и вышел из комнаты с несвойственным ему задумчивым видом. Минуту спустя со двора донесся стук копыт его лошади, с места пущенной галопом.

– Эти Моубрей какие-то странные сегодня, – сказала леди Пенелопа. – Клара – бедный милый ангелочек! – она особенная, у нее всегда капризы. Но Моубрея я считала человеком вполне светским и слишком здравомыслящим для таких причуд. Почему вы так внимательно изучаете свою памятную книжечку, моя дорогая леди Бинкс?

– Я только хотела справиться, в какой четверти сейчас луна, – ответила ее милость, опуская в сумочку календарик в черепаховом переплете. И она поднялась, чтобы помочь леди Пенелопе в хлопотах по устройству вечера.

Глава IX Свидание

*В стране мечтаний встретимся, как тени,
Что знаками одними говорят.*

Неизвестный автор

Позади одного из дубов, описанных нами в предыдущей главе, и укрывшись за ним, точно охотник, подстерегающий добычу, или индеец – своего врага, но с иной, совсем иной целью, лежал на земле Тиррел. Он не спускал глаз с верховой тропы, которая вилась, уходя вниз по долине, и чутко ловил ухом каждый звук, примешивавшийся к шуму ветерка или к журчанию ручья.

«Заговорить с ней среди всего этого сборища грубиянов и дураков, – таковы были, между прочим, его размышления, – было бы безумием ничуть не меньшим, чем та трусость, что мешала мне до сих пор подойти к ней там, где наша знаменательная встреча прошла бы никем не замеченной. Но теперь, теперь-то мое решение твердо, да и место благоприятствует свиданию. Я не хочу ждать, пока случай снова столкнет нас под сотней злобных взглядов, не хочу, чтобы за нами следили, дивились нам, таращили на нас глаза и понапрасну старались разгадать причину волнения, которое мне не под силу было бы скрыть. Чу! чу! Слышен конский топот! Да нет, это просто капризное бормотание воды, струящейся по камешкам. Неужели она направилась в Шоуз-касл другой дорогой? Но звуки становятся все отчетливей, я вижу ее, она быстро несется по тропе. Достанет ли у меня мужества выступить вперед? Да, да, я сделаю это! Пришла пора. Настал час, и будь что будет».

Однако, едва приняв это решение, он опять заколебался, не зная, как лучше осуществить его. Показать издали? Но это могло дать леди возможность повернуть обратно и избежать разговора, на который он уже отважился. Притаиться и ждать, пока лошадь на всем скаку не поравняется с местом его засады? Но это грозило опасностью для всадницы. Пока же он будет раздумывать, как ему поступить, удобный момент для появления перед мисс Моубрей может вообще миновать. Понимая это и не желая упускать представившегося случая, он принял поспешное и отчаянное решение. И в тот миг, когда пони замедлил ход на подъеме, Тиррел выступил на середину ложины шагах в шести от молодой девушки.

Она натянула поводья и остановилась словно пораженная громом.

– Клара!

– Тиррел!

То были единственные слова, произнесенные ими. Наконец Тиррел, медленно волоча точно свинцом налитые ноги, двинулся вперед, постепенно сокращая расстояние между ними. И только тогда, заметив, что он приближается, мисс Моубрей громко закричала:

– Не подходите! Ни шагу далее! Я могу еще смотреть на вас издали, но если вы подойдете ближе – я сойду с ума!

– Чего вы боитесь? Чего вам бояться? – глухо вымолвил Тиррел, продолжая подвигаться вперед, пока между ними не остался лишь один шаг.

Тогда Клара бросила поводья, молитвенно сложила руки и, протягивая их к нему, едва слышно прошептала:

– Всемогущий боже! Если этот призрак – плод моего больного воображения, пусть он сгинет! Если это явь – дай мне силы вынести его присутствие! Заклинаю тебя, ответь мне, Фрэнсис ли Тиррел ты во плоти и крови? Или ты лишь одно из тех мимолетных видений,

что так часто пересекают мою дорогу и смотрят на меня, но исчезают, чуть я начинаю вглядываться в них?

— Да, я Фрэнсис Тиррел во плоти и крови, — ответил он, — равно как и та, с кем я говорю, подлинно Клара Моубрей.

— Тогда помилуй Господи нас обоих! — в смятении сказала Клара.

— Аминь! — откликнулся Тиррел. — Но что явилось причиной такого бурного волнения? Вы ведь только что видели меня, мисс Моубрей, ваш голос еще звучит в моих ушах, вы говорили со мной, и притом среди толпы чужих людей. Почему же вам не сохранять спокойствие теперь, когда нас никто не видит и не слышит?

— Правда? — сказала Клара. — Значит, это вас я только что видела? Я так и думала, я что-то сказала вам... После того как мы расстались, рассудок мой был одно время помрачен... Но сейчас-то я здорова, совсем здорова... Я позвала их всех к нам в Шоуз-касл, брат хотел, чтобы я позвала их. Надеюсь, что мистера Тиррела я тоже увижу среди гостей... Хотя, кажется, между братом и вами стоит какая-то старинная вражда?

— Увы, Клара, вы ошибаетесь! Я едва знаю в лицо вашего брата, — ответил глубоко опечаленный и растерянный Тиррел, не зная, как ему говорить с нею, чтобы облегчить, а не усугубить ее умственное расстройство, в котором он больше не мог сомневаться.

— Верно, верно, — сказала она, припоминая. — Мой брат был тогда еще в школе. Это с моим отцом, с моим бедным отцом была у вас ссора. Но вы приедете в Шоуз-касл в четверг к двум часам дня, не правда ли? Джон будет рад вам; он умеет быть приветливым, если захочет. И мы поговорим о былом... Сейчас мне надо спешить, чтобы все наладить. Прощайте.

Она хотела проехать, но он осторожно придержал лошадь под уздцы.

— Я провожу вас немного, Клара, — сказал он. — Дорога трудна и опасна, вам не следует ехать так быстро. Я пойду рядом, и мы поговорим о минувших днях; так нам удобней будет беседовать, чем на людях.

— Правда, правда, вы правы, мистер Тиррел, будь по-вашему. Брат велит мне иногда появляться в обществе и ездить вниз, в этот противный отель. Я бываю там, чтоб угодить ему, да и эти люди ни в чем не связывают меня: я могу приходить и уходить когда вздумается. Знаете, Тиррел, очень часто, когда я там сижу и Джон следит за мной, я могу держаться легко и быть веселой, словно мы с вами никогда и не встречались.

— Лучше бы нам вовсе не встречаться, — сказал Тиррел дрогнувшим голосом, — раз все пришло к такому концу.

— А как же было греху и безрассудству не кончиться печалью? И когда же своеволие приводило к счастью? Разве тихий сон слетает к подушке злодея? Вот что я повторяю себе, Тиррел, и вы тоже должны твердить себе это, и тогда вы научитесь нести свою долю так же легко, как я несу свою. Зачем жаловаться, когда мы всего лишь получили по заслугам? Вы, кажется, плачете? Что за ребячество! Правда, говорят, будто слезы облегчают; раз так, то плачьте, плачьте, я не буду смотреть...

Тиррел шел рядом с ее пони, напрасно стараясь побороть свое волнение и найти силы для ответа.

— Бедный Тиррел! — помолчав, сказала Клара. — Бедный Фрэнк Тиррел! Быть может, и вы, в свою очередь, скажете: «Бедная Клара!» Но я крепче вас духом — буря может согнуть, но ей никогда не сломить меня.

Опять последовало долгое молчание, ибо Тиррел все не мог решить, как ему говорить с молодой девушкой, чтобы не пробудить в ней воспоминаний — мучительных и даже опасных при ее расстроенном здоровье. Наконец она заговорила снова:

— Но к чему все это, Тиррел? Да и зачем вы сюда приехали? Зачем было мне видеть, как вы только что спорили с самыми отъявленными спорщиками и задирали самых отчаянных задира среди этих бездельников, кутил и пропойц? Раньше вы были сдержанней и рас-

судительней. Другому – да, тому другому, кого мы с вами знавали когда-то, – ему бы еще пристало совершать такие глупости, ему бы это, пожалуй, было к лицу. Но вы-то, который считает себя человеком благоразумным? Стыдитесь, стыдитесь! И уж если мы заговорили об этом, разве благоразумно было вообще приезжать сюда? К чему хорошему может привести ваше пребывание здесь? Не для того же вы явились, чтобы возобновить свои мучения и умножить мои?

– Умножить ваши мучения? Упаси боже! – ответил Тиррел. – Нет, я приехал сюда лишь оттого, что после стольких лет скитаний мне страстно захотелось вновь посетить этот край, где схоронены все мои надежды.

– Да, вы верно сказали, схоронены, – отозвалась она. – Растоптаны и схоронены в самую пору цветения. Я часто думаю об этом, Тиррел, а по временам – помоги мне Боже! – не могу думать почти ни о чем другом. Посмотрите на меня; вы помните, какова я была? Глядите же, что сделали со мною горе и одиночество.

Она откинула обвивавшую ее шляпу вуаль, которая до сих пор скрывала ее черты. Это было то самое лицо, что он прежде знал в полном расцвете юной красоты. Краса осталась, но цвет увял навеки. Ни быстрый бег коня, ни причиненные неожиданной встречей боль и смятение не вызвали и самого мимолетного подобия румянца на щеках бедной Клары. Лицо ее было мраморно-белым, словно лицо прекрасной статуи.

– Возможно ли? – спросил Тиррел. – И во всем этом повинна печаль?

– Печаль – болезнь души, но болезнь тела – ей сестра, – ответила Клара. – Они близнецы, Тиррел, и редко живут врозь. Подчас первой приходит болезнь тела, она туманит наш взор и лишает силы наши руки, хотя в нас еще горит жар души и мысли. Но знаете: вскоре за ней идет ее грозная сестра. Из своего кувшина она окропит холодной росой наши надежды, нашу любовь, память, наши воспоминания и чувства, и мы поймем тогда, что им не пережить гибели наших телесных сил.

– Увы! – сказал Тиррел. – Неужто пришло к тому?

– Да, к тому, – ответила она, больше следуя поспешному и прихотливому ходу своих мыслей, чем оттого, что уяснила себе смысл его горестного восклицания. – К тому все должно идти, пока наши бессмертные души связаны тленным веществом, из которого состоит наше тело. Но грядет иная жизнь, и там все будет иначе, Тиррел. Дай-то бог, чтобы она наступила скорее!

Ее охватило грустное раздумье. Тиррел боялся его нарушить. Ее торопливая речь слишком явно доказывала беспорядочность мыслей, и, чтобы выражением своего горя не потрясти и не расстроить ее еще сильнее, он должен был скрывать боль собственного сердца, боль, которую обостряла череда мучительных воспоминаний.

– Я не думала, – продолжала она, – что после этой ужасной разлуки, после стольких лет я буду при встрече с вами так спокойна и рассудительна. Но хотя то, чем мы были когда-то друг для друга, позабыть нельзя, все это уже прошло, и мы теперь только друзья, не правда ли?

Тиррел не мог вымолвить ни слова.

– Я не могу медлить дольше, – опять заговорила Клара, – не то меня застигнут здесь сумерки. Мы встретимся вновь, Тиррел, встретимся друзьями, только друзьями. Вы приедете в Шоуз-касл повидаться со мною? Нам теперь незачем таиться. Бедный отец спит в могиле, и все свои предрассудки он унес с собою. Мой брат Джон – человек добрый, хотя подчас бывает суров и строг. В самом деле, Тиррел, я думаю, он меня любит, только мне страшно, когда он нахмурится, если я чересчур развеселюсь и разболтаюсь... Но он меня любит, по крайней мере, я так думаю, потому что сама-то люблю его. Вот я и заставляю себя ездить вниз, в отель, выслушиваю там всякие глупости и, в общем, отлично справляюсь с комедией жизни. Знаете, ведь все мы – актеры, а мир всего-навсего – подмостки^[113].

– А у пьесы, которую мы играем, печальный и тяжелый конец, – с горечью прибавил Тиррел, не в силах больше сдерживаться.

– Правда, ваша правда, Тиррел. Впрочем, чего иного и ждать тем, кто обручается в пору безрассудной юности? Ведь мы с вами захотели быть мужчиной и женщиной на пороге детства. Подростками мы пустились в испытания и страсти, свойственные молодости, и вот мы состарились раньше срока, и зима нашей жизни наступает раньше, чем разгорелось лето. О Тиррел! Как часто, часто думаю я об этом! Да что я говорю – часто! Увы! Когда же придет время, чтобы я могла думать о чем-либо ином?

Бедная девушка горько зарыдала, и слезы ее хлынули ручьем, видно, давно уже она так не плакала. Лошадь ее шла по тропе по направлению к дому, а Тиррел шагал рядом и тщетно старался придумать, что ему сказать несчастливце, не пробуждая в ней, да и в себе самом, тягостных чувств. Все, что он мог бы сказать, все это не годилось. Ему было ясно, что рассудок ее, правда в малой степени, но все-таки омрачен тенью безумия, которое расстроило, хотя и не совсем погубило в ней способность к здравому суждению.

Наконец, стараясь говорить как можно спокойнее, он стал спрашивать, все ли у нее есть и не нужно ли ей чего? Не может ли он чем-нибудь облегчить ее положение? И не может ли она пожаловаться на что-либо, от чего он в состоянии избавить ее? Она кротко ответила, что обычно тиха и покойна, пока брат позволяет ей оставаться дома. Если же ее принуждают выходить на люди, она переживает то же, что испытывала бы, вероятно, вода ручья, дремлющая в хрустальной заводи под скалой, когда, покинув свое ложе, она бешеным водопадом свергается вниз.

– Но мой брат, – сказала она, – считает, что он прав; может быть, он и в самом деле прав. Бывает, что об иных вещах и впрямь думаешь слишком много. Да если бы он и ошибался, так почему мне не сделать усилия над собой для его удовольствия? Вокруг меня теперь так мало людей, которым я могу доставить удовольствие или причинить огорчение. К тому же, Тиррел, я ведь по временам весела в разговоре, почти так же весела, как и прежде, когда вы меня, бывало, корили за мои безумства. Ну, вот теперь я уж все рассказала вам. От себя я задам только один вопрос, один-единственный, и то если у меня хватит силы: а он-то жив ли?

– Жив, – промолвил Тиррел, но так тихо, что, вероятно, только напряженное внимание, с которым мисс Моубрей ожидала ответа, помогло ей разобрать едва слышное слово.

– Жив! – вскричала она. – Жив! Он жив, и, значит, ваша рука не запятнана кровью навеки! О Тиррел, если бы вы знали, какую радость приносит мне эта весть!

– Радость? – откликнулся Тиррел. – Радоваться тому, что жив негодяй, навсегда сгубивший наше счастье? Жив и даже может предъявить свои права на вас?

– Никогда, никогда он этого не посмеет! – дико вскрикнула Клара. – Пока умеет топить вода, душить веревка и пронзать сталь, пока есть пропасть под скалою и омут в реке – никогда, никогда!

– Не надо так волноваться, дорогая Клара, – сказал Тиррел. – Я сам не помню, что говорю. Он жив, это правда, но он далеко и, я уверен, никогда не появится в Шотландии.

Он хотел сказать еще что-то, но, охваченная страхом и волнением, девушка нетерпеливо ударила лошадь хлыстом. Норовистый пони, почувствовав, что его подгоняют и в то же время удерживают на месте, вышел из повиновения и встал на дыбы. Тиррел испугался за Клару, но, зная ее как отличную наездницу, счел более безопасным отпустить повод. Лошадь рванулась и так быстро понеслась по крутой и неровной тропе, что сразу скрылась из виду.

Пока Тиррел стоял, соображая, не следует ли ему пойти вслед за мисс Моубрей и удостовериться, что на пути в Шоуз-касл с ней ничего не случилось, он услышал быстрый конский топот, приближавшийся по дороге, которая шла от гостиницы. Не желая, чтобы его сейчас заметили, он отступил в сторону и скрылся в зарослях. Вскоре из своей засады Тиррел

увидел, как сент-ронанский лэрд в сопровождении конюха проскакал мимо и понесся той же дорогой, по которой только что проехала его сестра. С появлением брата Тиррел мог не беспокоиться за мисс Моубрей, и, таким образом, главная причина, почему он хотел следовать за ней, отпала. Все происшедшее во время свидания заставило его погрузиться в глубокое и печальное раздумье. Он почти убедился, что его дальнейшее пребывание поблизости от Клары могло только сделать их обоих еще более несчастными, и в то же время не мог оторваться от этих мест, как не мог отречься от чувства, укоренившегося в его сердце.

В расположении духа, которому едва ли можно было позавидовать, вернулся он к себе в Старый городок.

В комнате Тиррела не оказалось света, когда он вошел туда, а служанки матушки Додз, в противоположность расторопным лакеям в отеле Лонга^[114], не спешили снабдить постояльца свечами. Тиррел никогда не был особо требователен к слугам, а сейчас даже рад был избежать необходимости говорить с кем бы то ни было и о таком пустячном деле; поэтому он спустился в кухню, чтобы самому взять то, что ему было нужно. Сойдя вниз, он в первую минуту не заметил, что владычица этих мест в сей миг обреталась в своем святилище; тем более не обратил он внимания на величественное и негодующее выражение лица почтенной матроны. Ее недовольство сначала выражалось лишь отрывистыми восклицаниями.

– Хорошенькое дело! – бормотала она. – Да прилично ли это? Перебудить всех в порядочном заведении в такой час! Вот и держи постоялый двор – да лучше держать сумасшедший дом!

Затем, видя, что ее воркотня остается без ответа, хозяйка заняла позицию между постояльцем и дверью, через которую он хотел выйти со своей зажженной свечой, и потребовала, чтобы он объяснил свое поведение.

– Какое поведение, сударыня? – переспросил постоялец таким несвойственным ему суровым и раздраженным тоном, что она чуть не пожалела, зачем вывела его из всегдашнего терпеливого безразличия. Сама затеяв ссору, она теперь даже оробела, так как для любого завзятого и опытного забияки всегда есть что-то устрашающее в гневном отпоре обычно тихого и мирного человека. Однако, протрубив сигнал к наступлению, она уже не могла отступать, ибо этого ей не позволяла гордость, и поэтому, несколько сбавив тон, она продолжала:

– Я хотела только спросить вас, мастер Тирл, как человека разумного, можно ли считать ваше поведение добропорядочным? Живете вы уже больше десяти дней, еда у вас самая лучшая, вино самое лучшее и комнату вы занимаете самую лучшую в доме. И подумать только! Вы отправляетесь вниз и заводите дружбу со всем этим пустоголовым сбродом на источнике. Скажу вам напрямик: мне вовсе не нравятся этикие обходительные люди, что умеют говорить любезные слова, когда у них на уме совсем другое, так что...

– Миссис Додз, – прервал ее Тиррел, – мне сейчас не до пустяков. Премного благодарен вам за все заботы обо мне, однако распоряжаться своим временем – здесь ли или в другом каком месте – я буду в соответствии со своими собственными представлениями о том, что мне нужно и что мне приятно. Если же я вам надоел как постоялец, пришлите мне завтра утром счет.

– Счет? – воскликнула миссис Додз. – Завтра утром? Почему же не подождать до субботы? Тогда бы мы с вами и рассчитались сполна, как в прошлую субботу.

– Ну хорошо, поговорим обо всем этом завтра, миссис Додз. Спокойной ночи. – И он ушел.

Матушка Додз с минуту постояла в раздумье.

– Какой черт в него вселился? – произнесла она наконец. – Слова ему поперек не скажи! Да и меня тоже черт дернул ему перечить, он ведь славный мальчик и жилец хороший. У него, поди, есть что-то на душе... В деньгах нужды у него быть не может – если б на то

похоже было, я бы о такой мелочи и спорить не стала. Да нет, тут не в деньгах дело! Он выкладывает шиллинги на стол, словно камушки; если у людей денег мало, они с ними так легко не расстаются. Мне ли не знать, какой вид у постояльца, когда у него в кошельке дно виднеется! Ну, да ладно! Надеюсь, он забудет к утру про все эти глупости, а уж я постараюсь придержать язык. Вот напасть! Правильно говорит наш священник – с языком сладить трудно. По правде сказать, мне и самой-то стыдно теперь!

Глава X

Дела финансовые

*Постой, дай мне совет, я в нем нуждаюсь...
А ты из тех, кто помогает другу
Советом лучше, чем деньгами скряга
Или драчун клинком. Тебе я верю:
Прошу помочь лишь словом, а не делом.*

«Нашла коса на камень»

События, рассказанные нами в последней главе, происходили в понедельник, и, следовательно, оставалось всего двое суток до приема, на который должен был собраться в залах поместья Моубреев цвет общества Сент-Ронанских вод. Это был слишком короткий срок для приготовлений, которых требовал такой из ряду вон выходящий случай, ибо хотя усадьба была расположена в живописной местности, дом находился в плачевном состоянии и годами не видел гостей. Гостеприимством лэрда пользовался подчас лишь какой-нибудь веселый холостяк или сотоварищ по охоте на лисиц, да и то подобные происшествия случались все реже, так как хозяин почти совсем переселился к источнику и обыкновенно старался принимать друзей там, где это можно было сделать, не расходуясь самому. Кроме того, здоровые сестры служило ему прекрасной отговоркой на случай, если какие-нибудь джентльмены выказывали излишнюю склонность (как это по простоте раньше водилось в Шотландии) считать дом своего друга своим собственным. Однако сейчас, к великой радости всех его сотоварищей, Моубрею деваться было некуда: приглашение было сделано и принято. И они предвкушали обещанный прием с тем нетерпением, какое вызывает у всех бездельников надежда на что-нибудь новенькое и развлекательное.

Мистер Моубрей и его верный помощник мистер Миклем приняли на себя немало забот, чтобы сколько-нибудь пристойно подготовиться к предстоящему празднику. В своих стараниях они были предоставлены самим себе, потому что Клара весь вторник и среду упрямо не выходила из своей комнаты. Ни угрозы, ни ласки не помогали брату выпытать намерения мисс Моубрей на предмет надвигающегося и столь важного четверга. Надо отдать справедливость Джону Моубрею: он любил сестру, насколько вообще был в состоянии любить кого-либо помимо себя самого. Убедившись после многих напрасных попыток, что он не может уговорить Клару оказать ему помощь, лэрд без всяких жалоб принялся за работу и постарался сделать все, что только мог, руководствуясь лишь собственным суждением и соображением.

Однако это оказалось далеко не таким легким делом, как можно было предположить, ибо Моубрею хотелось выказать хороший вкус и проявить в этом торжественном случае такую изысканность, какой мужчине трудно добиться без женской помощи. Правда, все более существенное для трапезы можно было достать за наличные на ближайшем рынке, и оно было соответственно закуплено. Но лэрд понимал, что так у него может получиться вульгарное, хоть и обильное деревенское угощение, а не изысканный завтрак, о котором на столбцах местной газеты сообщалось бы как о приеме, устроенном «Джоном Моубреем, сент-ронанским эсквайром, в честь шумного и элегантного общества, съехавшегося на наши прославленные воды». Наверно, произойдет куча ошибок и нарушений правил при подаче блюд на стол, так как Шоуз-касл не мог похвалиться ни опытной домоправительницей, ни служанкой, которая обладала бы сотней рук, чтобы выполнять ее указания. В домашнем

хозяйстве царила самая мелочная экономия, едва совместимая с обыкновенными приличиями, и только конюшни были превосходны и содержались отлично. Но разве конюх может так же успешно действовать в обеденном зале, как он действует в стойлах? И разве сумеет егерь придать настрелянной им дичи соблазнительный вид, украсить птицу на блюде цветами и полить пикантным соусом? С таким же успехом можно требовать, чтобы отважный воин принял на себя обязанности гробовщика и распоряжался похоронами убитого им врага.

Короче говоря, Моубрей до тех пор беседовал, советовался, спорил и препирался с глухой кухаркой и щуплым старичком, носившим у него имя дворецкого, пока не потерял всякую надежду навести какой-либо порядок в этом хаосе и хоть сколько-нибудь воздействовать на закоснелые умы, с которыми ему приходилось иметь дело. Тогда он проклял все на свете, сдал то, что относилось до угощения, на руки лицам, коим надлежало о нем заботиться, а сам занялся убранством дома. Но и здесь он оказался почти в том же беспомощном положении. Под силу ли мужскому уму потребные для этого ухищрения? Может ли взор мужчины судить о том, насколько должна тонуть в полумраке убранная к приему гостиная? И как ему разобраться, что яркий дневной свет допустим, если он падает на довольно сносную картину, и совершенно недопустим, когда делает очевидной грубую мазню на портрете некоего прадедушки в парике? А раз мужчины даже не знают, как затянуть комнату той волшебной паутиной света и тени, что так красит обстановку, наряды и лица гостей, то где же им справиться с еще более таинственными задачами – как расставить мебель, словно вы и не думали расставлять ее, как сделать, чтобы кресла, поставленные будто бы непреднамеренно и случайно, оказывались словно как раз на самом удобном и подходящем для вас месте? Как избежать и скучной чопорности, и беспорядка и, не заставляя гостей рассаживаться строго по кругу, не подвергать их опасности разбить себе нос о какую-нибудь скамеечку в неуказанном месте? Как добиться того, чтобы обстановка комнаты, так сказать, соответствовала характеру беседы – свободной без сумятицы и разумно направленной без принужденности и натянутости?

И, наконец, по плечу ли неуклюжему мужскому полу сообразить, как использовать для украшения комнат разный старый хлам? Ведь надо пустить в дело старые табакерки, набалдашники, коробочки для притираний, бисерные четки – всю ерунду, которая водится у старосветских дам в ящичках бюро. Небрежно перемешав эти вещицы со всякими другими ненужными предметами, какие заполняют обыкновенно витрину ссудной кассы, их надо разложить на виду по мраморным угловым шкафчикам и рабочим столикам наборного дерева и, таким образом, найти подходящее употребление всем побрякушкам и безделушкам, которые с сорочьей бережливостью ухитрились накопить за последние сто лет старые девы и причудницы, проживавшие в доме. В каком восхищении любовался я подчас искусством, с которым бывает подобрана милыми ручками вся эта *pseudo-bijouterie*³⁵. Прадедовский перстень-печатка покоился, бывало, рядом с погремушкой первенца и куском коралла, который грызли его молочные зубки, а старинная боцманская дудка, доставшаяся от какого-нибудь дядюшки-моряка, или его серебряная табакерка, приводящая на память Оруноко^[115], уютно соседствовали с футляром для материнского гребня из слоновой кости, до сих пор источающим запах мускуса, и с другим, черепаховым футлярчиком от очков какой-то незамужней тетки, и с лапкой черного дерева, при помощи которой во времена длинных жестких корсетов наши бабушки любили почесывать себе спину и лопатки. Лежало там и серебряное ситечко, на которое в более экономную эпоху хозяйка, слив из чайника последнюю каплю, выкладывала спитой чай и затем великодушно угощала им гостей, чтобы они ели его, посыпав сахаром, поверх хлеба с маслом. Благословен будь обычай, спасающий от цепких когтей служанок и от плавильного котелка ювелира ненужную утварь минувших времен, которая

³⁵ Подделка, мишура (*фр.*).

теперь радуется антиквара и украшает горки и столики! Но кто решится разложить все это, не руководствуясь вкусом женщины? А мистеру Моубрею, который обладал великим запасом таких сокровищ, неоткуда было ждать женского совета.

Рассказ о затруднениях хозяина и так чересчур затянулся, не то я упомянул бы еще о полной его неопытности в искусстве приукрашивать неказистое. Где было ему знать, что латаный ковер можно прикрыть новым половиком, а выцветший и потертый диван застлать индийской шалью? Однако я сказал уже достаточно, даже более чем достаточно, чтобы сделать его неприятное положение понятным любому одинокому холостяку, который без помощи матери, сестры или кузины, без ловкой домоправительницы или опытного кухонных дел мастера, без представительного лакея взялся бы подготовить дом к приему с надеждой устроить все изящно и *comme il faut*³⁶.

Сознание собственной беспомощности тем более тяготило Моубрея, что хозяин знал, каких строгих критиков встретит он в дамах, особенно в лице своей всегдашней противницы леди Пенелопы Пенфезер. Поэтому лэрд трудился не покладая рук и целых два дня подряд без передышки приказывал, доказывал, рассказывал и указывал. В этих трудах ему сочувствовал – мы не можем сказать «содействовал» – его преданный агент и поверенный. Из комнаты в комнату засеменял Миклем за лэрдом, стараясь выразить столько же участия, сколько выказывает своему расстроенному хозяину домашний пес, с жалким видом заглядывая ему в лицо и тщетно пытаясь уверить, что он разделяет хозяйские огорчения, хотя не понимает ни причины их, ни глубины и вовсе не в силах облегчить их.

Наконец в среду, накануне назначенного дня, устроив кое-что по своему вкусу и оставив в покое многое из того, что он охотно переделал бы, Моубрей сел обедать со своим верным соратником. Браня на чем свет стоит злосчастную затею и бормоча проклятия по адресу капризной старой девы, которая втянула его с сестрой в эти неприятности, напросившись в гости, он объявил, что теперь все остальное может идти к чертям, ибо он больше палец о палец не ударит, не зовись он Джоном Моубреем.

Осуществляя свое доблестное решение, он вместе со своим искушенным в законах советником принялся за обед. Они весьма быстро справились с поставленным на стол блюдом котлет и прикончили добрую половину бутылки старого портвейна в качестве растворителя к ним.

– Вот мы и сыты, – сказал Моубрей, – хоть и обошлись без всяких фрикасе.

– Набили брюхо, и ладно, – ответил стряпчий, утирая жир с подбородка, – а чем – овсянкой или похлебкой – все едино.

– Ломовая лошадь тоже так думает, – сказал Моубрей, – но леди и джентльмены придерживаются иного мнения, а мы должны равняться по другим.

– Тем хуже для них, Сент-Ронан, да и для Шотландии тоже. Вот из-за этих-то чаепитий и прочих глупостей многим приходится у нас менять нобли^[116] на пенсы, а теплые родовые замки на наемные углы.

Молодой лэрд помолчал, потом наполнил свой стакан, подвинул бутылку своему старшему другу и вдруг спросил:

– Вы верите в счастье, Мик?

– В счастье? – повторил адвокат. – Не пойму вашего вопроса.

– А я верю в счастье, в то, что бывает счастье или несчастье в картах.

– Вот было бы для вас счастье, если бы вы их в руки не брали, – заметил его наперсник.

– Не о том речь, – сказал Моубрей. – Чему я дивлюсь, так это невезению, что более сотни лет преследует нас, несчастных лэрдов сент-ронанских. Мы все идем под гору, и никак нам не подняться. Такого нестойкого, как выражается наш священник, рода еще свет не

³⁶ Прилично (*фр.*).

видывал. Когда-то моим предкам принадлежало пол-округи, а теперь и последние борозды из рук уходят.

– Уходят! – сказал стряпчий. – Да они по ветру летят! И этот замок вылетел бы вслед за всем остальным, если бы ваш дедушка не приколотил его накрепко, обратив в майорат.

– К черту этот майорат! – воскликнул Моубрей. – Хочешь сохранить поместье – делай его майоратом, да только пока оно того стоит. Прикрутить человека к такому бедному поместью, как Сент-Ронан, все равно что держать лошадь на привязи посреди вересковой пустоши!

– Однако вы все-таки учинили изрядную потраву, сдав участок из своего наследственного владения под дома у источника, – сказал Миклем. – Ведь вы тогда натянули привязь, пожалуй, чуть-чуть больше, чем имели право.

– Разве я сделал это не по вашему совету? – возразил лэрд.

– Отрицать не стану, – ответил стряпчий. – Видно, я по своей простоте и добродушию начинаю баловать вас, Сент-Ронан, словно старая бабка малое дитя.

– Вот-вот, и подаете ребенку нож, чтоб он порезал себе пальцы, – подхватил любитель наслаждений. – Целы были бы эти акры, кабы не ваши проклятые советы.

– А вы еще ворчите, – сказал делец, – что у вас нет права пустить все имение по ветру, словно стаю диких уток над болотом! Да не вам бы говорить! Ведь поскольку вами совершено нарушение условия (как заявил, прочтя представленную мной докладную записку, и адвокат Уайзбихайнд), ваша сестра или муженек вашей сестры, если ей вздумается выйти замуж, может поднять дело и за две-три судебных сессии оттягать у вас весь Сент-Ронан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Вордсворт Уильям (1770 –1850) – английский поэт-романтик, представитель «озерной школы». В эпиграфе – несколько измененная цитата из стихотворения «Скачок оленя».

2.

Роман обдумывался автором в течение лета 1823 г., был написан в ближайшие же месяцы и к концу года вышел из печати. «Сент-Ронанские воды» обрывают ряд произведений Скотта, сюжет которых опирается, как правило, на важные события из истории Англии. Он освободил фабулу романа от связи с какими-либо известными историческими фактами. Содержание его по времени совпадает с годами молодости самого автора, а по месту действия связано с ближайшими окрестностями его собственного имения.

3.

«Эвелина» – вышедший в 1778 г. роман английской писательницы Фрэнсис Берни (1752–1840).

4.

«Супружество» – изданный в 1818 г. роман английской писательницы Сьюзен Ферриер (1782 – 1854).

5.

Эджуорт Мария (1767–1849) – английская писательница, автор нравоучительных романов из светской жизни, а также повестей, рисующих быт ирландской провинции. Ее творчество получило высокую оценку Вальтера Скотта.

6.

Остин Джейн (1775–1817) – английская писательница, автор семейно-бытовых романов, написанных в реалистической манере.

7.

Чарлот Смит (1749–1806) – английская писательница. Наиболее известный ее роман – «Старое поместье» (1793).

8.

Дрокенсер – драчун и забияка, персонаж из пьесы «Репетиция», поставленной в 1671 г., авторами которой были герцог Бекингем и несколько других писателей.

9.

«...на лету подстрелить любую глупость» – цитата из поэмы «Опыт о человеке» (1734) английского поэта Александра Попа (1688–1744).

10.

К югу от Твида – то есть в Англии, так как по реке Твид проходит граница между Шотландией и Англией.

11.

Скелтон Джон (1460–1529) – английский поэт, автор аллегорических и сатирических произведений.

12.

Совы султана Махмуда. – Во время правления султана Махмуда (1785–1839) в Турции царило разорение из-за неудачных войн и частых восстаний в стране.

13.

Каледония – старинное название и поэтическое обозначение Шотландии; римляне называли Каледонией всю северную часть Британии.

14.

Дэвид Макферсон (1746–1816) – историк; издавал старые шотландские хроники; имеется в виду его книга по исторической географии Шотландии (1796).

15.

Форт – река в Шотландии, вблизи устья которой стоит Эдинбург.

16.

Пресвитериане – особое течение среди протестантов, близкое к кальвинистам. Пресвитериане держатся более демократической церковной организации, не признают иерархии, не имеют епископов. Пресвитерианская церковь возникла в Шотландии и в конце XVI в. была объявлена государственной.

17.

Дом Дугласов – могущественный род шотландских феодалов, сыгравший большую роль в жизни страны в Средние века.

18.

Иаков II (1633–1701) – последний английский король из династии Стюартов, правивший с 1685 по 1688 г. Он стремился установить абсолютную монархию с господством католической церкви и жестоко подавлял в Шотландии все попытки национального сопротивления.

19.

Данбарская битва. – В 1650 г. в городе Данбаре шотландское войско, собранное сыном казненного короля Карла I, было наголову разбито английской революционной армией под начальством Кромвеля.

20.

Кромвель Оливер (1599–1658) – выдающийся деятель английской буржуазной революции XVII в., полководец пуританской армии.

21.

Аллен Рэмзи (1686–1758) – поэт и собиратель шотландской народной поэзии. Уильям Уорти – персонаж одной из его баллад.

22.

...после революции... – Имеется в виду переворот 1688 г., когда был свергнут Иаков II и при поддержке английской буржуазии престол был передан новому королю, Вильгельму III, власть которого стала впредь ограниченной.

23.

Лэрд – в Шотландии название землевладельца, помещика.

24.

Королева Бесс – английская королева Елизавета I (1533–1603).

25.

Эразм Роттердамский (1466–1536) – гуманист, сторонник Реформации, ученый-филолог, враг схоластики. Происходил из Голландии, но проживал также в Германии и Англии.

26.

Тони Лэмкин – невежественный, хвастливый и самодовольный помещик, персонаж комедии Голдсмита «Она склоняется ради победы» (1773).

27.

Дик Тинто – художник, персонаж романа «Ламмермурская невеста».

28.

Хай-стрит – одна из главных улиц в Эдинбурге.

29.

...«верного среди неверных»... – цитата из «Потерянного рая» (V, 823) – поэмы Джона Мильтона (1608–1674), великого английского поэта и политического деятеля эпохи английской революции XVII в.

30.

Кумушка Куикли – трактирщица, женщина ловкая и словоохотливая; действующее лицо в хрониках Шекспира «Король Генрих IV» и «Король Генрих V», а также в комедии «Виндзорские проказницы».

31.

...великан Римский Папа в «Пути паломника»... – «Путь паломника» – аллегорический роман писателя-пуританина Джона Беньяна (1628–1688), где глава католической церкви, как заклятый враг пуритан, изображается в виде злобного чудища.

32.

Бутс. – Этот «вольный перевод» принадлежит самому Скотту.

33.

Мастер Фрэнси. – Мастер (сударь) – слово, применяющееся в качестве почтительного обращения; ставится перед именем юноши либо перед именем ремесленника или ученого.

34.

...не держусь квакерской веры... – Квакеры – протестантская секта, образовавшаяся в середине XVII в. в Англии и позже распространившаяся в Северной Америке; квакеры соблюдают простоту в быту, отрицают воинскую повинность и обходятся без священников, заменяя их проповедниками из своей среды.

35.

Матушка Бакен – Элспет Бакен (1738–1791), основательница одной из пуританских сект.

36.

Купель Вефизды – по преданию, источник в Иерусалиме, известный чудесными исцелениями окунавшихся в него больных.

37.

Роб Бёрнс – Роберт Бёрнс (1759–1796), шотландский поэт, в своих балладах и песнях следовавший народной традиции.

38.

Епископальники – последователи епископальной церкви, созданной на основе церковной реформы XVI в. и управляемой епископами, но отрицающей верховное руководство Папы Римского.

39.

Методисты – протестантская секта, возникшая в начале XVIII в.

40.

...в Троицу и в Мартынов день... – Троица и Мартынов день (11 ноября) – дни расчета и уплаты ренты.

41.

Инвеститура – документ, удостоверяющий ввод во владение.

42.

Правительство любому строю нужно... – Эпиграф Скотта, так же как и к главам VI, IX, X, XI, XXIII, XXVII, XXXII, XXXIII, XXXVIII, XXXIX.

43.

Пиблз – местность неподалеку от поместья Скотта.

44.

Нэш Ричард (1674–1762) – знаменитый в свое время английский щеголь, игрок и законодатель мод. Долгое время был признанным устройтелем празднеств и вообще направлял светскую жизнь в модном в XVIII в. курорте Бат, на северо-западном побережье Англии.

45.

Сквайр – помещик, наиболее значительный землевладелец в приходе. «Сквайр» – английское название помещика, в противоположность шотландскому обозначению «лэрд».

46.

...каледонским Гименеем... – намек на обстоятельства свадьбы сэра Бинго (в Шотландии заключение брака не обставлялось такими формальностями, как в Англии).

47.

«Любовь растений» – опубликованная в 1789 г. поэма, вернее – стихотворный трактат по ботанике, английского писателя и ученого Эразмуса Дарвина (1731–1802).

48.

Сказка про Фортунио – английская сказка, героиня которой, переодевшись в мужское платье и назвавшись мужским именем, совершает с помощью своих товарищей различные подвиги.

49.

Сэр Джон Фальстаф – действующее лицо в исторической хронике Шекспира «Король Генрих IV» и комедии «Виндзорские проказницы».

50.

Гаррик Дэвид (1717–1779) – знаменитый английский актер и руководитель театра.

51.

Фут Сэмюел (1720–1774) – английский актер и драматург.

52.

Боннел Торнтон (1724–1768) – писатель-сатирик и издатель журнала.

53.

Лорд Келли. – Имеется в виду Хью Келли (1739–1777), драматург и журналист.

54.

Боу-стрит – улица в Лондоне, на которой помещается главное полицейское управление.

55.

Кэм – речка, протекающая через территорию Кембриджского университета.

56.

Айсис – одна из двух небольших речек, протекающих через территорию Оксфордского университета.

57.

Джек Пудинг – шут в народной английской комедии.

58.

Прайор Мэтью (1664–1721) – английский поэт, автор лирических песен, эпиграмм и баллад.

59.

Исполнены его потребности все – несколько измененные Скоттом слова из 280-го гимна англиканской церковной службы.

60.

Бельведер (ит.) – в Средние века – высокая дозорная башня; позднее так называли возвышенность, откуда открывался далекий и красивый вид.

61.

Негус – горячий напиток, приготовленный из нескольких сортов вина.

62.

Тамаринд – дерево из породы бобовых, растущее в тропических областях; бобы тамаринда применяются в кондитерской промышленности и в медицине.

63.

Клейкемское подворье – от слова «клейтем» – крюк, на шотландском диалекте; крюком заканчивается епископский посох святого Ронана, изображенного на вывеске Мег.

64.

Асканий – сын Энея, главного героя «Энеиды» Вергилия, мифический основатель одного из древних римских городов и родоначальник римских цезарей. Цитата взята из песни IV, стих 159.

65.

Камберленд – графство на северо-западе Англии, так называемая Страна озер, где жил поэт Вордсворт.

66.

Сиднемский луг – южное предместье Лондона.

67.

Сент-Джеймская площадь – площадь в центре Лондона.

68.

...до берегов Босфора – намек на Байрона, который, когда Скотт писал свой роман, был в Греции.

69.

...встретиться... с французами... – В начале XIX в. Англия вела борьбу против Наполеона – англичане воевали с французами в Испании, где Англия поддерживала испанцев.

70.

Джонсон Сэмюел (1709–1784) – английский писатель и литературный критик.

71.

«Как вам это понравится» – комедия Шекспира. Цитата (V, 5) несколько изменена Скоттом – у Шекспира сказано: «Все это можно купить».

72.

...человек менее всего одинок, будучи в одиночестве – слова римского государственного деятеля Сципиона.

73.

Ликорида. – Под этим именем римский поэт Галл (69–26 до н. э.) выводил в своих элегиях некую актрису.

74.

Тимон Клейкемский – так назван здесь Тиррел по аналогии с человеконенавистником Тимоном Афинским, героем одноименной пьесы Шекспира.

75.

Буэнос-Айрес – имеется в виду прилегающий к столице Аргентины скотоводческий район.

76.

Андреа Феррара – итальянский оружейный мастер, работавший в Шотландии в XVI в.

77.

Кресло Банко – в трагедии Шекспира «Макбет» на пиру оставленное пустым кресло занимает призрак предательски убитого Банко.

78.

Олдермен – член городского управления или совета графства.

79.

Чернокудрая Дама – персонаж из одноименной баллады английского поэта Сэмюэла Колриджа (1772–1834).

80.

«Скользя, как ночь, из края в край...» – несколько измененная цитата из поэмы Колриджа «Старый моряк».

81.

Мэтью Льюис (1775–1818) – английский писатель, автор романа «Монах», романтических баллад и трагедий.

82.

Лувр – парижский музей, помещающийся во дворце, носившем это название.

83.

Эвфрозина – одна из спутниц богини любви в греческой мифологии – «радостная» (греч.).

84.

Пенсерозо – задумчивый (ит.). Название стихотворения Джона Мильтона.

85.

Орландо – герой романа в стихах «Неистовый Роланд» итальянского поэта Лодовико Ариосто (1474–1533). В припадке любовной тоски Орландо удаляется от людей в леса и сочиняет там стихи в честь своей возлюбленной.

86.

Арденнский лес – район на северо-востоке Франции, где будто бы происходили события, описанные у Ариосто.

87.

Аркадия – местность в Греции, которая в древности изображалась счастливой страной.

88.

Каупер Уильям (1731–1800) – английский поэт, реалист и моралист.

89.

«...порхая шаловливо на носках...» – цитата из стихотворения Мильтона «Аллегро» (радостный – ит.).

90.

Балаам – библейский пророк, остановленный на не праведном пути своей ослицей, чудесно наделенной в этот миг человеческой речью.

91.

Люгер – небольшое судно с четырехугольным парусом.

92.

Мак-Грегор – один из эдинбургских врачей того времени.

93.

Болезнь одоматозного характера – нездоровье, вызванное опухолью.

94.

Магнум – большая винная бутылка, около 2½ л.

95.

«Бинго» – песенка на текст Берема (1788–1845).

96.

Литский рейд. – Лит – город в устье реки Форт, служащий портом для Эдинбурга.

97.

Карака – большое грузовое судно.

98.

Стикс – река, за которой, по верованиям древних греков, начиналось царство мертвых.

99.

Двенадцатое августа – день начала охоты в Шотландии.

100.

«Когда б, как львы, они пришли сюда...» – неточная цитата из комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь» (акт V, сц. 1).

101.

Лорд Честерфилд (1694–1773) – английский дипломат, автор «Писем к сыну», в которых излагаются правила поведения в светском обществе.

102.

Томас Раймер – шотландский поэт XIII в., с течением времени сам сделавшийся героем легенд и баллад.

103.

«Доброй ночи, сударыни! Доброй ночи вам, милые дамы...» – слова Офелии из «Гамлета» Шекспира (акт IV, сц. 5).

104.

«Подайте мне карету!» – слова Офелии, там же.

105.

«Коня, коня!» – слова Ричарда III из одноименной пьесы Шекспира (акт V, сц. 4).

106.

Оссиан – мифический кельтский герой и народный певец. Шотландский поэт Джеймс Макферсон (1736–1796) опубликовал в 1762–1765 гг. собственное переложение древних кельтских легенд, выдав их за подлинные «Песни Оссиана».

107.

Сорок пятый год. – В 1745 г. в Шотландии произошло восстание в связи с последней попыткой реставрации Стюартов, организованной Карлом Эдуардом, правнуком казненного короля и претендентом на престол Англии и Шотландии, Восстание это послужило сюжетом романа Скотта «Уэверли».

108.

Файвз-корт – площадка для игры в файвз – особой игры в мяч.

109.

Достойно ли мужчины это? – Шекспир. «Макбет» (акт III, сц. 4).

110.

Сиддонс Сара (1755–1831) – английская актриса, славилась исполнением ролей в пьесах Шекспира и особенно роли леди Макбет, слова которой повторяет здесь Клара Моубрей.

111.

Лев рыкающий и лев посрамленный – характерные изображения льва на рыцарских гербах.

112.

Бетти Фой – персонаж из стихотворения Вордсворта «Слабоумный мальчик».

113.

«...все мы – актеры, а мир всего-навсего – подмостки» – цитата из комедии Шекспира «Как вам это понравится» (акт II, сц. 7).

114.

Отель Лонга – известная лондонская гостиница того времени.

115.

Оруноко – герой романа «Оруноко, или Царственный раб» (1688) английской писательницы Афры Бен (1640–1689).

116.

Нобль – старинная золотая монета.